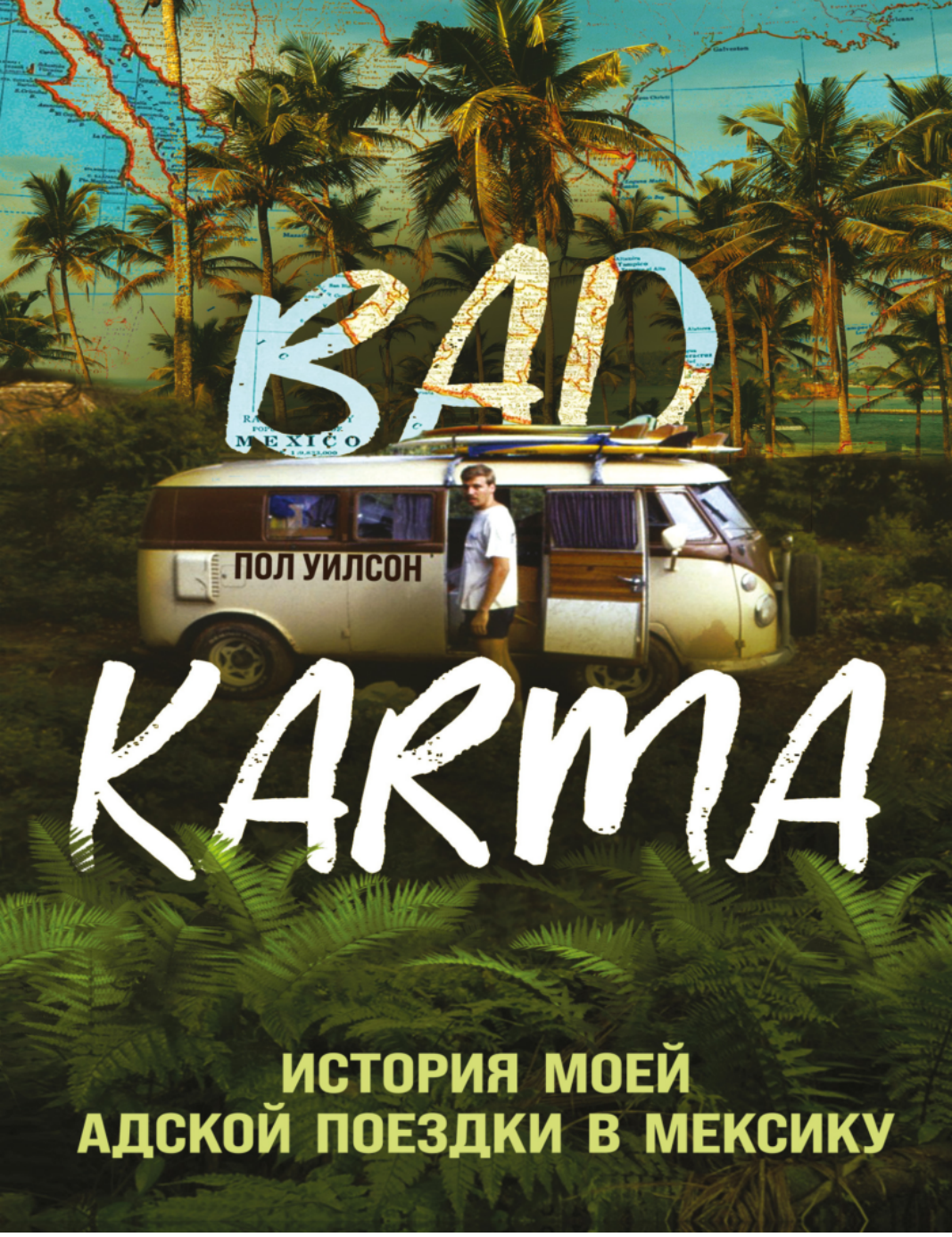

BAD
MEXICO
ПОЛ УИЛСОН
KARMA
ИСТОРИЯ МОЕЙ
АДСКОЙ ПОЕЗДКИ В МЕКСИКУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON О ПУТЕШЕСТВИЯХ № 1! Увлекательные мемуары о катастрофической поездке в Мексику ради серфинга, которая случайно завела в логово знаменитого наркобарона Эль Чапо… Лето 1978 года. 21-летний Пол Уилсон из Калифорнии очень хочет стать крутым и вписаться в тусовку пляжных серферов, чтобы обрести уважение среди парней и успех у девушек. Для этого нужно пройти обряд инициации – совершить путешествие в материковую часть Мексики ради серфинга. Зловещие кармические предзнаменования преследуют его на каждом шагу: не имея возможности заплатить за поездку, он грабит супермаркет, а вскоре узнает, что один из его попутчиков – осужденный убийца в бегах, а другой – беспринципный подонок. Более того, парни даже не подозревают, что конечная цель их путешествия лежит в самом сердце знаменитого наркокартеля Эль Чапо… Искрометные и остросюжетные, воспоминания Пола Уилсона – это адская поездка, самые настоящие «Страх и ненависть в Латинской Америке» в антураже мексиканских джунглей. Несколько раз едва не погибнув, терпя неудачу на всех этапах своей поездки, Пол переосмысливает свою жизнь – и спустя годы, когда истек срок давности, рассказывает эту историю. «Живое и восторженное повествование. Эта увлекательная книга описывает ушедшую эпоху». – Kirkus Review «Пол Уилсон написал увлекательные мемуары. Его непростые приключения, попутчики, случайные люди, которых он встречает на пути, – все они невероятно хорошо описаны… в том числе и парень по имени Хоакин Эль Чапо Гусман». – Discovery «Настолько правдиво, что хочется, чтобы это было вымыслом! Эта книга – громкий смех сквозь слезы над трудностями взрослой жизни». – The Prairies Book Review В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Пол Уилсон
  - ○
  - ○
  - ○ Примечание автора
  - ○ Глава 1. Девятнадцать серферов, четырнадцать квартир, одно здание на пляже
    - ■ «Отель разбитых сердец», «Детская кроватка», «Стад Эстейтс», он же Поместье
    - ■ Могу я принять ваш заказ?
    - ■ Дай мне знак

- Гензель и Гретель
- Жертвенный автобус
- Глава 2. На старт… Внимание…
  - Слишком подготовленные
  - Суррогатный отец
  - Внешность не имеет значения
  - Переломные моменты Кармы, Удар первый: Камера
  - Переломные моменты Кармы, Удар второй: Непредумышленное убийство
- Глава 3. …Марш
  - «Эй, Боже»
  - $6,66
  - За чертой
- Глава 4. Направить уведомление
  - Трапеза при свете фонарика
- Глава 5. Самые продуманные планы
  - Держи паракват
  - Переломные моменты Кармы, Удар третий: Жеребец раскалывается
  - Выстрел под носом
  - Вскрытая коробка
  - Случай с «лууу-бри-каунт-а»
  - Белые кресты и фиолетовые шарики
  - Между Лосем и едой
  - Никогда не садитесь за руль ночью
  - Два лучших двигателя
- Глава 6. Материк
  - Бэтмен из джунглей
  - Горсть теплого мороженого
  - Только правильные маневры
- Глава 7. Земля обетованная
  - Жизнь в раю
  - Где же прибой?
  - «Estos son muy peligrosos!»
  - Пробежка по джунглям
- Глава 8. Перерыв
  - Пляжи Нормандии
  - Холодильник мистера Рекера
  - Свинья в мешке
  - Внезапный удар
  - Эль-Гран-Отель-Колима
  - Три золотые звезды
  - San Cayetano Morelos Elevación de 2610 metros

- Глава 9. Побег
  - Несомый ангелами
  - De nada
  - Приданое Юголандии
  - Джунгли Неприятностей: возвращение
  - Не сбавляй скорость
  - Куча куриного дерьма
- Глава 10. Возвращаясь за бóльшим
  - Запоздалое просвещение
  - Катание на водных лыжах по луже
  - Пиво с Эль Чапо
  - Человек с отметиной
  - Пережили достаточно
- Послесловие
  - Стив Уоррен, он же Жеребец
  - Эд Мосс, он же Лось
  - Эд Леон, он же Перро
  - Автор, он же Оптерс
  - Хоакин, он же Эль Чапо:
  - 1DRBUS, он же мой автобус
  - Ла-Тикла
- Благодарности
- Вклейка

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

Пол Уилсон
BAD KARMA. История моей адской поездки в Мексику

Paul Wilson
BAD KARMA: The True Story of a Mexico Trip from Hell

Copyright © 2019 by Paul Wilson
© Белолипцев М.С., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается моим внукам Эмили, Кларку, Гранту, Форду и Мэдилин. (Прочтите, когда станете достаточно взрослыми… а потом сделайте все наоборот)

Примечание автора

Это правдивая история. Все описанные события произошли на самом деле, и персонажи также реальны. Я осознавал уже тогда, что происходило нечто *невероятное* – и это нечто предвещало совершенно безумный исход. За пять с половиной недель «простое желание вписаться в тусовку» превратилось в посиделки за бутылкой пива с Эль Чапо[1]. Я вел записи, делал заметки и фотографии, но боялся поделиться многими из них, пока не истекли различные сроки давности. Тем временем у меня появилась жена и двое впечатлительных детей – и эта история оставалась тайной, чтобы они не узнали, каким дерьмом я был в свои двадцать. Между тем последствия наших проступков по очереди настигли каждого из нас, и один за другим наши счеты были сведены.

Пристегнитесь и держитесь крепче. Вы поедете на переднем сиденье.

Глава 1. Девятнадцать серферов, четырнадцать квартир, одно здание на пляже

«Отель разбитых сердец», «Детская кроватка», «Стад Эстейтс», он же Поместье

Безуспешные попытки быть или казаться крутым – полный отстой. Как будто вечно трешься у витрин магазина, пытаясь заглянуть внутрь. Я вырос замкнутым ботаником – даже учителя называли меня «очкариком» – и отчаянно пытался выйти из жестокой социальной изоляции, которую сам себе устроил. Но алкоголь, наркотики или матерная ругань совершенно не придавали мне крутизны. Даже сейчас, несмотря на то что последние два года я был неотъемлемой частью так называемого Поместья и каждый день проводил бесконечные часы на серфе, меня все еще считали скорее прихлебателем, чем резидентом. По-настоящему заслужить репутацию крутого парня – и стать неотъемлемой частью серферской тусовки – мог лишь тот, кто путешествовал по Мексике. Калифорнийский полуостров не котировался. В зачет шел лишь *материк* – чем южнее, тем лучше. Существовали два типа резидентов: те, кто занимался серфингом в материковой Мексике, и те, кто лишь мечтал об этом. Первые считались крутыми, они были эдакой серф-версией членов субкультуры парней из кампуса, которые носят спортивные куртки с эмблемой школы. Люди смотрели на них снизу вверх. Если вам повезло покататься с одним из них, вы чувствовали себя учеником, наблюдающим за профи. В иерархии серферов, известной как «линейка», они вытеснили с первых мест всех остальных. Им доставались самые лучшие волны – и все самые симпатичные девушки. Черт, они были классными. Я хотел быть одним из них больше всего на свете и решил, что *это мой шанс*.

В последние несколько дней практически осязаемый гул наэлектризовал все здание. Лось и Жеребец готовились к путешествию на материк. Да, у всех нас были прозвища. Не какой-нибудь Лунный Песик или Красотка – это отстой. Наши прозвища были крутыми… за исключением разве что моего. С самого начала меня прозвали Пол Э. Оптерс, и это прижилось. Думаю, так произошло потому, что меня слишком часто видели «вертолетящим» среди жителей верхнего яруса, что было некруто[2]. И все же прозвище моего соседа было еще хуже. В то утро, когда его окрестили Вонючими Ногами, его настоящее имя Джон было забыто навсегда.

А вот Лось бывал на материке. Черт возьми, он бывал везде. Он был таким крутым, что даже несколько раз сидел в тюрьме; в основном, насколько я знал, из-за наркотиков. Жеребец не был.

Я имею в виду на материке, а не в тюрьме. Но даже без этого он каким-то образом заработал репутацию крутого парня. Возможно, дело было в чрезмерно самоуверенном поведении или в веренице красивых девушек с разбитыми сердцами, которая тянулась за ним. В любом случае Жеребец тоже считался «большим человеком в кампусе».

Мне был двадцать один год, они были на несколько лет старше. Лось был искусным манипулятором; предполагаю, что он с самого начала придумал завлечь именно меня. Они позволили мне подслушать, как они планируют свою поездку, зная, что я сделаю все что угодно, чтобы поехать с ними. Оказывается, у них не было автомобиля, на котором можно было отправиться в путешествие. (Позже я узнал, что они испробовали ту же уловку на всех остальных в Поместье, у кого был подходящий автомобиль, и я буквально был последним жизнеспособным вариантом). Они играли со мной как настоящие профессионалы. Я заверил их, что мой микроавтобус «Фольксваген» 1966 года выпуска идеально подходит для поездки. В нем была убойная стереосистема с шестью динамиками, двумя усилителями и сабвуфером, достаточно мощным, чтобы заставить столовые приборы прыгать на откидном столе, на котором стояла кухонная плитка.

Я достал охладительную систему от старого мини-холодильника и сделал из нее скрытую морозильную камеру под изготовленной на заказ полноразмерной кроватью. Мой автобус был таким крутым, что у него даже было имя и эксклюзивный номерной знак: 1DRBUS, он же *Wonderbus*, «чудо-автобус». Слишком наивный, чтобы понимать, что меня просто используют, я выложился по полной: даже торговец подержанными авто, жаждущий заработать, не сравнился бы со мной в красноречии и не был бы столь же воодушевлен после закрытия сделки. *Мало того что меня брали с собой в поездку, так она еще стала возможной благодаря моему автобусу! Если бы это не помогло мне получить высокий статус в тусовке, то уже ничего бы не помогло*.

Некоторые не такие уж и незначительные детали поездки стали всплывать по ходу дела. Она задумывалась как двухмесячное серфинг-сафари с углублением в суровые прибрежные джунгли Южной Мексики на три с лишним тысячи километров. У меня была постоянная работа (и не было денег на такую поездку), но я просто не мог отказаться от этого путешествия. Все это послужило причиной событий, произошедших в тот субботний вечер, который был обычным субботним вечером.

Вот только он был охренеть каким необычным.

Могу я принять ваш заказ?

Я убедил своего лучшего друга Перро стать моим сообщником. (*Perro* по-испански «собака», и это прозвище спустя годы возникло из изначального «Horn-dog»[3]. Как он его заработал, я распространяться не стану. Используйте свое воображение.) Мы с ним были заклятыми врагами в средней школе, где я был на год старше его из-за того, что пропустил третий класс. Мы познакомились в столярном кружке. На тот момент восьмиклассник, я был так называемым помощником (читай: «невыносимым питомцем учителя»), а Перро был главным клоуном в своем классе. Моя работа заключалась в том, чтобы убирать все ручные инструменты, очищать машины от опилок и подметать полы в конце урока – а по факту всего лишь перепоручать все это семиклассникам. Я очень серьезно относился к кружку, я был помощником в Начальном столярном кружке на первом уроке, у меня был Средний столярный кружок вторым уроком и Продвинутый столярный кружок шестым уроком.

До этого момента у меня практически не было в жизни ситуаций, когда я нес за что-нибудь ответственность, и Перро, который на протяжении всей жизни был маленьким куском дерьма, сделал мою жизнь невыносимой. Если я просил очистить циркулярный станок, то, возвращаясь, обнаруживал, что он снова покрыт кучей опилок, обрезков и стружки, а Перро сидит сверху, закладывая указательный палец за большой, и швыряет обрезки через какие-то импровизированные ворота. *Ничто* не могло заставить его относиться к чему-либо серьезно. Однако все изменилось в один прекрасный день в 1969 году, когда он услышал, как я жалуюсь однокласснику, что мы слишком бедны, чтобы иметь телевизор, и что мне придется наблюдать высадку астронавтов на Луну у соседа.

Перро встал передо мной и выдал: «Эй! Да что ты знаешь о бедности? Ваша семья живет в апартаментах с бассейном, и ты еще жалуешься, что у вас нет телевизора? Пока я рос, мы жили в палатках и все время переезжали. Моя семья каждый день ходила собирать фрукты. Я всегда думал, что мы в кемпинге! Только в прошлом году моя мама рассказала, что, когда я был ребенком, мы работали временными сельскохозяйственными рабочими. Так что заткнись, черт возьми! У тебя все нормально!»

Именно тогда мы с Перро стали кровными братьями. Я наконец понял, почему он так счастлив и беззаботен. У него было все, о чем он мечтал: дом, который он мог назвать своим;

родители, которыми он гордился за их достижения; и дружба, которую он теперь мог завести, зная, что она не закончится к концу сезона сбора урожая.

С тех пор мы пережили вместе много всего, но в детстве у нас были свои уникальные взгляды на вещи. Он жил с тремя старшими братьями, которые часто его избивали, – у меня же были три сестры, которым нельзя было дать отпор. Когда мы познакомились, он был на пятнадцать сантиметров ниже меня, но перерос меня в старшей школе, а потом я обогнал его летом после выпуска. Он много лет жил в одном доме и в одном школьном округе. Моя семья постоянно переезжала из-за позорных выселений за неуплату, так что я за то же время пожил в восьми разных школьных округах. Я мог рассчитывать лишь на ту дружбу, которая продлится максимум до следующего выселения. Итак, когда пришло время попытаться осуществить что-то, что могло изменить мою жизнь, Перро стал моим соучастником в преступлении. Я хотел заниматься серфингом на материке, и вот как я собирался получить деньги: украсть их. Но не напрямую – для этого требовались бы яйца побольше, чем мои.

Я руководил ночной бригадой грузчиков, делал некоторые заказы и имел ключи от входной двери оживленного супермаркета на «острове» Коронадо к северу от города. Коронадо – не настоящий остров, хотя жители снобистски считают себя первоклассным сообществом. Он граничит с водой с трех сторон, и база ВМФ Team One обеспечивает ему надежную защиту от гамбургерной деревеньки Империал-Бич на юге. (Даже федеральное правительство подыгрывает, называя военно-морскую базу в Коронадо «Военно-морской авиационной базой Норд-*Айленд*».) В моем магазине, явно более приятном по сравнению со вторым городским супермаркетом, проходы всегда были полны народа, независимо от времени суток – в рабочие часы это были покупатели, а в ночное время грузчики. Всегда, за исключением трех часов раз в неделю, с полуночи до трех утра воскресенья, когда появлялся я, чтобы впустить работников.

Я проработал каждую деталь и сотню раз отрепетировал все в голове. План заключался в том, чтобы зайти в магазин немного позже полуночи и к 0:45 притащить все, что я намеревался присвоить, к краю задней погрузочной платформы. Оттуда Перро сваливал все это в кузов своего грузовика, а затем проезжал двадцать километров на юг до нашей квартиры. Я рассчитывал, что к его прибытию уже буду там, чтобы помочь отнести трофеи в нашу квартиру на втором этаже, и что у меня еще будет достаточно времени вернуться в магазин и к трем часам открыть его для грузчиков.

Я дал понять своим товарищам из Поместья, что буду «затариваться в нерабочее время», и получил массу заказов. К моему удивлению, даже пара их мам зашли со списками. (Неудивительно, что здание было набито негодяями-бездельниками!) Я спрашивал, что им нужно, и мы договаривались о цене. Случайный гениальный ход: я одним выстрелом убил двух зайцев – добывал припасы для поездки и финансировал свою часть.

На складе всегда царил беспорядок. Никто даже не заметил кучу товаров, которую я скопил за горой всякой школьной ерунды. Я тщательно продумал загрузку двух поддонов, чтобы они напоминали бесполезный хлам, складывая ящики по их периметру и оставляя в центре каждого свободное пространство, куда я мог бы беспорядочно сбрасывать небольшие трофеи. Четыре цикла «перезаказа» товаров снабдили меня достаточным количеством картонных коробок с продуктами, из которых можно было построить стенки для поддонов. Их основание было выложено тридцатью ящиками тунца в масле (2160 банок! И более 1400 из них предназначались для мамы Вонючих Ног! Оглядываясь назад, я подозреваю, что она также выполняла заказы для своих друзей. Ведь *никто* не любит рыбу настолько, не так ли?). В заказах также было десять ящиков (240 банок!) арахисового масла, кофе в количестве, достаточном для того, чтобы открыть бистро, а также пиво. Я не был бы крут, не прихватив немного пива… ну не то чтобы *немного*, а *очень много* пива. На самом деле у меня были один поддон пива и один поддон всего остального. Я «затаривался» во время своих обычных смен, складывая банки или упаковки того-сего, пока оба поддона не были заполнены, а заказы моих соседей – выполнены.

Дай мне знак

0:35. Я один в магазине, сердце колотится в груди. Во рту так пересохло, что я боюсь подавиться собственным языком. Мчусь по проходам, толкая одну корзину и таща другую, собирая что-то, как участник «Гонок в супермаркете»[4]. С чего такая паника? Как только весть о том, что я планировал, облетела Поместье, в последнюю минуту на меня обрушился поток заказов на «обязательные вещи», что привело к непонятной путанице.

Может быть, я наобещал достать больше, чем мог? О божечки! Я буду очень крутым! *Если никого не подведу…*

Я должен был как следует постараться. У меня длинный список заказов, и я был полон решимости их выполнить. Бритвы, батарейки, солнцезащитный крем, термометр для мяса, пиво, вяленая говядина, пленка, салфетки для вечеринок, конфеты, зажигалки, консервированная ветчина, еще пиво… Я складываю все на два уже перегруженных поддона, хватаюсь за ручку домкрата и придвигаю первый нелепо тяжелый и колеблющийся груз к откидной двери. 0:42.

Хорошо. На три минуты раньше! Мне нужно подождать, чтобы открыть дверь. Не отступай от плана.

Я перепроверяю время. По-прежнему 00:42. Огромная капля пота падает на мои часы. Мерцающие капли пота скользят по моим ногам на пол склада.

Как может мой рот быть таким сухим, а кожа такой влажной? Блин, тихо. Я не помню, чтобы раньше гудели флуоресцентные лампы. Снова посмотри на часы. 0:43. Да вы издеваетесь. Одна минута? Одна долбаная минута? О чем я думаю? Весь мой план – полнейшая чушь. Собственно, еще не поздно все бросить. Я ведь еще не нарушал никаких законов? Как же не хочется быть пойманным. Но куда меньше хочется возвращать все это дерьмо на свои места! Успокаивающий фактор – мысль о поездке в Мексику. Я должен это сделать, и сделать это сейчас, пока не потерял самообладание. Время? 0:44. *Наплевать на время, я поднимаю дверь.*

Перро сидит за рулем своего пикапа, припаркованного через дорогу, в точном соответствии с планом. Назад дороги нет. Я перетаскиваю первый поддон, поворачиваю его на 180 градусов и толкаю к месту – частично нависая над краем погрузочной платформы – перед тем как сжать ручку домкрата для поддонов настолько осторожно и точно, насколько могу, выпуская гидравлическое масло с приглушенным визгом. Так будет проще погрузить все в грузовик Перро. Часть поддона не закреплена,

доски скрипят, трещат и стонут под нагрузкой, грозясь сломаться. Грохот домкрата, когда я выдергиваю его, пронизывает тихий ночной воздух. Через дорогу стоит ряд аккуратных пляжных коттеджей с белой обшивкой. Кто-то ведь обязательно пожалуется. Шесть дней в неделю они должны слушать этот грохот, а я достаю их в единственную тихую ночь. Я оттаскиваю домкрат обратно и забиваю его под второй поддон.

Бац! Бац! Бац! Бац! Сделать это тихо просто невозможно. *Весьма иронично, если нас поймают из-за жалоб о нарушении тишины.* На этом поддоне в основном пиво. *Интересно, закон о краже пива строже, чем о краже консервированного тунца и арахисового масла?* Опять же, поддон такой тяжелый, что качается и шатается, как будто провалил полевой тест на трезвость. *Потихоньку.* Я слишком сильно раскачиваю груз и в панике карабкаюсь по левой стороне, чтобы не дать упасть зловеще наклонившейся пивной стене. *Боже, у меня руки трясутся!* Я вытаскиваю домкрат и показываю Перро большой палец. Он кивает и в ответ салютует левой рукой. Я опускаю и запираю дверь. 0:50. Еще пять минут, и Перро будет далеко отсюда. Это *мой* план, и он отлично работает.

Что-то идет не так, когда я запираю входную дверь тускло освещенного супермаркета и пересекаю пустую парковку. Моя часть работы сделана, я должен выйти из магазина, вернуться в нашу квартиру и ждать Перро. Но что-то не так. Я чувствую это ощущение на вкус. Вместо того чтобы сразу уехать, я сижу в автобусе, смотрю на магазин и вожусь с ключами, поглощенный нерешительностью. Моя некогда белая футболка, теперь полупрозрачная и прилипшая к груди от пота, обнажает мой серферский загар. Несчетное количество раз я капал Перро на мозг: «Придерживайся плана, ничего не меняй». *А можно ли мне было отклониться от него? Раз уж это был мой план, разве не мне решать, что с ним делать? Это просто волнение или действительно плохое предчувствие?*

1:02. Двенадцать минут прошло с тех пор, как я подал знак Перро и опустил подъемную дверь. К этому моменту он должен уже ехать на юг с грузом. *Стоит ли перепроверить?* Это было полностью против плана, но я не мог этого не сделать. Я был *обязан* перепроверить Перро.

Со стоянки; на улицу; повернуть за угол и… *черт возьми, я просто не верю своим глазам!* Его грузовик даже не переехал через улицу! Наши два поддона с добычей стоят на месте, освещенные огнями погрузочной платформы, как звезды в *гребаном бродвейском мюзикле*! В панике я подлетаю к Перро. Он надрался! Уткнулся лицом в плечо, высунув руку из окна, в полной

отключке! Он вообще не подавал мне сигнала! На самом деле я просто увидел, как он отключился!

Перро!!!

ПЕРРО!!!!!

ТВОЮ Ж МАТЬ, ПЕРРО!!!

Он фыркает и просыпается. Его взгляд постепенно становится более-менее осмысленным.

– Чё?.. Все нормально, я проснулся! Черт! Посмотри на все это дерьмо!

Меня чуть удар не хватил. Мы уже опаздывали на пятнадцать минут. План летел к черту.

– Загрузи все в свой грузовик как можно быстрее! Я обойду квартал и проверю, нет ли копов. Вернусь через пару минут и отправлюсь к дому вслед за тобой.

Окрестности магазина сегодня пустынны. Никаких машин. Никаких копов. В городе, должно быть, что-то происходит. *Слишком тихо. Может быть, карма все-таки нам улыбается*, – думаю я, возвращаясь назад, чтобы снова проверить Перро.

Срань господня! Я сильно переоценил вместимость его грузовика! Перро у погрузочной платформы рядом со своим грузовиком, стоя по колено в банках и пакетах, старается не допустить, чтобы еще больше выпало из кузова, и проигрывает эту битву. *Как я мог так облажаться? Расширяются ли упаковки, когда их сбрасывают в грузовик, а не складывают? Я забыл, что часть кузова занимают колесные арки?* Куча напоминает силуэт верблюда и подчеркивает маленький размер платформы его грузовика; эти два горба на полметра выше кабины!

Перро замечает меня, когда двухлитровая банка «Гавайского пунша» выпадает наружу, громко ударяется о борт его грузовика и катится к тротуару.

– ТВОЮ МАТЬ, ОПТЕРС! Как, черт возьми, я должен уместить все это дерьмо в свой грузовик? – ревет он пьяным громким голосом.

Мой голос звучит хрипло, и я изо всех сил стараюсь говорить громким шепотом. В горле так пересохло, что я давлюсь словами, не в силах закончить предложение, не глотая через каждые несколько слогов.

– Хрен с ним! Мы слишком долго возимся! Давай, надо сваливать…

Гензель и Гретель

Перро заводит свой грузовик и медленно выезжает из зоны погрузки. Сверхпрочный, полноразмерный, полноприводный пикап Ford F-250XL грузоподъемностью три четверти тонны смотрится явно перегруженным и опасно наклонился назад. Спустившись на нижний ярус, Перро осторожно катит грузовик по горке, где пандус переходит в тротуар. Несмотря на всю осторожность, дюжина банок и несколько упаковок с арахисовым маслом срываются с наших гималайских вершин и падают на землю. Звук такой, словно бейсбольной битой бьют по пиньяте[5], наполненной стеклянными банками. Перро еле тащится, оглядывается на меня широко раскрытыми глазами и качает головой.

Слишком напуганный, чтобы понять, насколько это смешно, я беззвучно говорю в ответ:

– Давай! Давай! Давай!

Нам крышка.

Передо мной не просто едет грузовик, перегруженный краденым пивом и продуктами, но еще и гремит на всю округу падающим с него хламом. И все это в Коронадо, штат Калифорния, – возможно, самом оживленном прибрежном городе в стране – в 1:20 ночи в летнюю субботу. Будучи стойко консервативным сообществом, город борется с преступностью и бездомными, быстро выгоняя всех сомнительных персонажей через *мост Сан-Диего – Коронадо-Бэй* длиной почти три с половиной километра и размещая их, теперь надежно скрытых от взглядов жителей, в центре Сан-Диего. Коронадо обычно идет на первом месте в стране по количеству нарушений Правил дорожного движения и арестов пьяных водителей на душу населения. Местным жителям не нужны садовые украшения в виде розовых фламинго: каждой ночью полицейские и так заставляют людей стоять на одной ноге по всему городу. Кажется, даже декоративные фигурки гномов на лужайках всегда рады предложить вам пару наручников.

Перро, должно быть, протрезвел. Он следует по маршруту, который я разработал, чтобы избежать главных улиц – и, надеюсь, полицейских. Этот закоулок, который пересекает остров, все ненавидят из-за идиотски огромных «лежачих полицейских» на каждом перекрестке.

Упс.

Возможно, недооценив вес груза или забыв, насколько огромны «лежачие полицейские», Перро пролетает первый

перекресток. Через долю секунды после того, как грузовик задевает днищем искусственную неровность, тысячи банок, бутылок и упаковок взлетают в воздух. Вверх и через двойной горб. И еще раз. *О боже!* Банки вываливаются за борт с трех сторон, дико подпрыгивая и раскатываясь во все стороны. Слитки консервированной ветчины влетают в припаркованную машину, оставляя четкий отпечаток в форме подковы на водительской двери; липкое пятно ветчинного сока украшает окно. По грузовику тянутся непристойные пятна арахисового масла с гирляндами из разбитого стекла. Косяк банок с тунцом пулеметной очередью влетает в три блестящих металлических мусорных бака у обочины. На другой стороне улицы мигающие огни автомобильной сигнализации и рев клаксона возвещают о нашем визите. Повсюду на моем пути лопается пиво – в воздух взмывают гейзеры желтой пены, вызывая в воображении картины, будто их обстрелял какой-то невидимый сторонник сухого закона. Мои дворники теперь включены, а в воздухе пахнет плохой студенческой вечеринкой.

Вспомнив о неровностях, Перро замедляет ход на следующих восьми или десяти перекрестках. Тем не менее груз продолжает трястись и перемешиваться в кузове. Мятые банки и коробки продолжают мигрировать к бортам кузова грузовика, только чтобы спрыгнуть и умереть, как лемминги. Мы почти пересекли город и делаем поворот у тренировочной базы ВМФ. Наконец-то мы можем разогнаться на шоссе. Мы проезжаем мимо КПП у главных ворот базы. Как по команде, двенадцать банок пива, расположенных возле откидного борта кузова, открываются, и залпы раздаются последовательно, как глубинные бомбы, падающие с кормы эсминца, охотящегося за подводной лодкой противника. Я смотрю, как один из военных показывает другому на нас.

НАМ КРЫШКА!

Следующие восемь-десять километров нашего пути проходят по узкому песчаному перешейку, отделяющему залив Сан-Диего от Тихого океана. Это темный и пустынный участок, и у полиции есть дела поважнее в субботу вечером, чем патрулировать его. Временно свободный от непосредственной опасности, я замечаю, что правый задний фонарь Перро выключен. *Бес-на хрен-подобно*. Еще одна двухлитровая банка «Гавайского пунша» падает с его грузовика и сильно ударяется о нижнюю часть автобуса, резкий удар отдает мне в ноги. Наверняка к настоящему времени кто-то уже по горячим следам идет по следу продуктов и пива, которые мы оставили после себя. Каждая треснувшая банка на тротуаре безошибочно описывает картину преступления. Мы –

современные Гензель и Гретель, ведущие всех, кто желает нас выследить, прямо к своим дверям. Как минимум понятно, что мы покинули город и направились на юг к Империал-Бич, потому что отметились на единственной дороге, ведущей туда. Хуже того, на дороге нет ни одной машины, которая уменьшала бы вероятность того, что нас опознают как преступников.

Жертвенный автобус

Еще один поворот дороги, осталось меньше мили. *Не могу поверить, что нам это сойдет с рук!* Перро съезжает на обочину на несколько секунд, затем выправляет курс и возвращается на дорогу. Этот небольшой маневр поднимает облако пыли и сбрасывает за борт еще одну порцию товаров, снова уменьшая нашу добычу. Что-то бросается мне в глаза в темноте впереди; я напрягаюсь, чтобы разглядеть. *ВОТ ДЕРЬМО! Это машина полиции Коронадо!* За два года я *ни разу* не видел, чтобы в этом месте ночью пряталась патрульная машина! Днем – да. Это печально известное укрытие полицейских, ловящих нарушителей скоростного режима в течение дня. *Но сейчас?* Когда мы проезжаем, я замечаю, как на нас направляется его маленькая красная радарная лампа, и быстро проверяю нашу скорость. Пятьдесят восемь миль в час. *Нормально.*

Вот дерьмо! Его фары только что зажглись, и он выезжает на шоссе позади меня. *Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!* Он приближается ко мне почти вплотную. Не думаю, что Перро его заметил. *Мне надо подумать. Я не хочу сесть в тюрьму. Я не могу сесть в тюрьму! О чем я только думал?! Это было так глупо! Ладно, надо подумать… У меня есть идея. Если я врежусь куда-нибудь, ему придется остановиться и посмотреть, в порядке ли я, а Перро сможет свалить домой. Что, если Перро не поймет, что я разбился специально, и тоже остановится? Это был бы провал. Пожертвовать собой ради Перро, и все зря. Я должен это сделать. Мы не можем попасться вместе. Уж лучше я попаду в больницу, чем в тюрьму… Да. Пусть будет так. Если коп решит остановить нас, я сверну вправо. Интересно, подумает ли он, что я выпил? От моего фургона несет пивом. Держу пари, он чувствует запах даже из своей машины. Нет ни единого шанса, что он меня НЕ остановит.*

Еще четверть мили, и мы бы выехали из Коронадо. *ТВОЮ МАТЬ!* Он включил свои красно-синие мигалки! Я делаю глубокий вдох и готовлюсь к предстоящей аварии. Патрульная машина начинает обходить меня слева так быстро, что я теряю ее из виду на долю секунды и колеблюсь. Мигалки сверкают рядом со мной, полицейская тачка разгоняется по направлению к Перро.

Я что, просто струсил? Все происходит так быстро, я на секунду замешкался. *Хорошо, я все еще могу врезаться куда-нибудь, когда он подъедет к Перро. Он должен остановиться… верно? Я имею в виду, он бы не оставил без внимания горящие обломки в зеркале заднего вида, чтобы преследовать какой-то*

мусорящий грузовик… так ведь?

Я снова готовлюсь к удару. *Раз, два, тр… Стоп!* Он только что пролетел мимо Перро!!! Полицейский пролетает по дороге еще сотню метров, поворачивает и уезжает на север – со включенной сиреной и красно-синими стробоскопами. Он едет по вызову из Коронадо!

О боже! Интересно, его вызвали осмотреть кучу банок на дороге? Думаю, я только что намочил штаны. Никто не заметит. Я весь в поту, но дышу. Боги улыбаются нам. Мы вернулись в свой район.

Наш городок, Империал-Бич, называют причудливым маленьким прибрежным тупиком, официально известным как «самый юго-западный город в континентальной части Соединенных Штатов». Большое-мать-вашу-дело. Единственная его претензия на известность – это тот факт, что он, по сути, истинная Метамфетаминовая Столица Штатов. Мы с притворной нежностью называли его Венерический Пляж, где Мусор Встречается с Морем. Наши полицейские были клонами Барни Файфа[6], а байкеры, они же «Ангелы ада», – авторитетными фигурами.

Мы были дома и были свободны.

Глава 2. На старт… Внимание…

Слишком подготовленные

Я никогда не был бойскаутом. Мой папа говорил, что это лишь отнимет у меня время на то, чтобы помогать ему в его фирме по производству корпусов для аудиоколонок. Я лишь пару лет был каб-скаутом (бойскаутом младшей дружины) и сделал бы все что угодно, чтобы сыграть в Малой бейсбольной лиге, но как только мне исполнилось девять лет, моему отцу надоело, что я трачу свое время впустую. После школы и в выходные мы были на работе. Я зарабатывал десять центов в час, пока мне не исполнилось двенадцать лет, а потом получал вдвое больше, пока мне не исполнилось почти пятнадцать. Мне всегда платили «на мой счет» (виртуальный счет, на котором не было денег). Моя мама постоянно обновляла баланс в книге учета. Отец сам не мог заниматься такими вещами, и я не верю, что он доверил бы мне хранить деньги самому. Я проверял свой баланс каждую неделю, думая, что когда-нибудь увижу эти деньги. Я полагаю, что сама вера в то, что у меня где-то «на моем счету» были деньги, заставляла меня чувствовать себя довольно хорошо.

Однажды июньским днем, когда мне было около одиннадцати лет, я случайно разбил машину своего отца, развлекаясь со своим тогдашним лучшим другом Чарли Брауном. (Спойлер: он уже мертв. Героин. Но да, его действительно звали Чарли Браун[7]). В этот момент мой баланс в бухгалтерской книге упал с 94,30 доллара до минус 5,20 доллара. (Посчитайте сами. Это всего лишь *около тысячи часов*, которые я провел на работе в возрасте с девяти до одиннадцати лет. Мне пришлось отработать пятьдесят два часа, чтобы выйти *в ноль.*) У моего отца была любимая палка, которой он помешивал краску и смешивал смолу. За эти годы она приобрела твердое, толстое покрытие, состоящее из слоев засохших покрасочных материалов. То, что некогда было куском твердой древесины размером 1,5 на 45 см, теперь было круглым и имело диаметр с рукоятку бейсбольной биты. Не сказать, чтобы моя задница была совсем незнакома с этой палкой. Даже такие тривиальные проступки, как пренебрежение работой по дому или просьба о чем-то во второй раз, когда он уже сказал «нет», неизбежно приводили к одному или двум ударам. Тем не менее в тот день я подслушал, как моя мама говорила по телефону, со слезами умоляя отца успокоиться, прежде чем она поедет за ним, очевидно, боясь того, что он может со мной сделать. Когда разговор закончился, она сказала мне, что он пообещал не бить меня, но настоял, чтобы она взяла меня с собой якобы для хорошей взбучки.

Он ждал нас с той самой палкой в руке, когда мы подъехали. Мама встала между ним и мной и взмолилась:

– Джек! Ты обещал не бить его!

Он оттолкнул ее в сторону.

– Я собираюсь показать ему только небольшой пример того, что он *на самом деле* должен получить, – и с этими словами он продолжил обрабатывать мою задницу и заднюю поверхность моих ног, пока не устал настолько, что не мог продолжать.

Я не ходил в школу несколько дней, будучи не в состоянии пройти больше пары шагов; мои синие джинсы прилипали к покрытой ссадинами коже. О том, чтобы сидеть, не могло быть и речи. Мое тело было покрыто мозаикой фиолетовых, красных и черных переплетенных рубцов от верхней части моей задницы до задней части коленей. Было ли это достаточным наказанием? Мой отец так не считал. Он посадил меня на три месяца «под ограничение». Сейчас я знаю, что «ограничение» для многих детей переводится как «не кататься на велосипеде» или «не смотреть телевизор». Черт возьми, я бы убил за то, чтобы иметь велосипед или телевизор, *от которых* можно было бы отказаться. Моя семья была лишена такой роскоши с тех пор, как я себя помню. Нет. Ограничение, по версии моего отца, не было идеей забрать что-то у ребенка. Это была сделка из серии «все, что ты будешь делать этим летом – это работать на меня».

И это именно то, что я делал. Поскольку мне приходилось ездить с ним в его магазин и обратно, я оказался в ловушке; меня заставляли работать в те же часы, что и он. В то время как все, кого я знал, наслаждались свободой от школы, строили крепости, гонялись за кроликами или играли на пляже, я резал изоляционный материал, сортировал и упаковывал оборудование, собирал опилки и красил спинки корпусов. Он заговаривал со мной только для того, чтобы объяснить, что делать дальше. И так – десять часов в день, шесть дней в неделю. (К счастью, мама таскала меня в церковь по воскресеньям, несмотря на то, что отец был убежденным атеистом).

Он был мудаком во всех отношениях, но от него я узнал одну важную вещь, наблюдая, как он ведет свой бизнес, – и это возвращает меня к теме бойскаутов. Я знал, как нужно *готовиться*. Мой отец вдалбливал мне: быть по-настоящему готовым – это больше чем просто быть готовым к тому, чего ты ожидаешь. Для него беспокойство и постоянное плохое предчувствие были жизненными парадигмами, исходя из которых он действительно практиковал готовность. Фраза «ожидай лучшего, но готовься к худшему» была девизом моего отца. Можно сказать, что наступление этого худшего – и готовность к

нему – были вершиной, к которой нужно стремиться.

До отъезда в Мексику оставалось три дня, и я смутно осознавал, что заблуждался, считая все возможные потребности для нашей поездки на юг удовлетворенными. Тем не менее я навязчиво готовился к любому мыслимому бедствию.

Посмотрим… две тысячи миль в каждую сторону, еще тысяча миль случайных шатаний, пыльные условия… для этого нужна канистра моторного масла. Хм-м-м… У меня есть запасной карбюратор, лучше взять его. Запасной топливный насос, распределитель… никогда не знаешь наверняка. Свечи зажигания, наконечники, конденсатор, катушка? Без проблем. Беру их тоже.

В итоге у меня на борту образовался долбаный магазин запчастей для «Фольксвагена». Для меня складирование – это вид искусства. Я вырос, каждый день убирая отцовский хлам, и теперь зарабатывал на жизнь тем, что заполнял полки. Складирование похоже на головоломку: сделать так, чтобы для каждой детали нашлось место и каждая деталь была на своем месте.

Лось и Жеребец отвечали лишь за свои вещи, а я взял на себя ответственность за «общие» потребности. Кроме того, это была *моя* машина, и я не мог ожидать, что кто-нибудь, кроме меня, подумает обо всем, что нам может понадобиться. Лось и Жеребец придерживались мнения, что один общий кусок мыла может служить шампунем, стиральным порошком, средством для мытья посуды и так далее. *Дилетанты*. У меня же были пакеты со всем, от аспирина до зубной пасты, – сотня миниатюрных трофеев с «ночного шопинга» – крем для бритья, гель для душа, шампунь, кондиционер, лейкопластыри и наборы для шитья. *По дюжине всего*. У меня было более чем достаточно закусок и обедов: восемь дюжин брикетов пищевого концентрата, несколько пачек вяленой говядины, ящик арахисового масла и до задницы консервированного тунца.

Боже, Лось и Жеребец подумают, что я такой классный!

Все что угодно, я имею в виду – вообще на хрен все, что нам могло понадобиться или захотеться в этом походе – у меня было. Я взял все, что было можно, а потом еще немного.

Суррогатный отец

Я решил, что нам не хватает кулера. Несмотря на то что в 1DRBUS был встроенный холодильник, нам наверняка понадобится второй «холодильник», предназначенный исключительно для пива, верно? Не было никаких сомнений, у кого можно одолжить такой. В нашем районе, когда вам что-то требовалось, вы всегда могли положиться на гараж «с полным спектром услуг» отца Раку.

Мистер Рекер был инженером или кем-то в этом роде, и вместе с женой и Нанной (бабушкой Раку) жил в просторном доме в стиле ранчо на пляже прямо через дорогу от Поместья. Мистер Рекер был классным. На самом деле я тайно подозревал, что он хотел, чтобы я был одним из его детей. Не то чтобы Раку, его сын, был плохим парнем, просто он был не из тех, кого можно назвать амбициозным. Раку курил травку, занимался серфингом, курил травку, ел, курил травку, играл на гитаре, курил травку, дремал. У него все было. Его комната выходила окнами на море; кровать располагалась так, что ему нужно было только открыть глаза, чтобы проверить прибой. Миссис Рекер, его мать, готовила ему еду, стирала одежду, стелила постель…

Теперь, когда я вспоминаю об этом, то думаю, что мы с мистером Рекером, вероятно, думали в одном направлении. Я бы без раздумий согласился, если бы мне предложили стать его сыном. Не ради дома на пляже или беззаботной жизни без каких-либо обязательств – хотя и это было бы просто отлично. Дело в том, что мистер Рекер обращался со мной так, как будто я *что-то значу*. Он хотел, чтобы я преуспел в жизни. Он жил по принципу «пирога на всех хватит» и верил, что стремление ко всеобщему изобилию в конечном счете окупается более щедро, чем накопительство ради собственной выгоды, и не переживал о том, что кто-то может поставить ему подножку. На его философию было трудно поставить все деньги, но одновременно с тем ее было невозможно полностью отвергнуть.

Однажды днем мистер Рекер возился в своем гараже и пригласил меня зайти.

– Привет, Пол.

– Здравствуйте, мистер Рекер.

– Пол, я видел, как ты и несколько парней на днях отправились куда-то с клюшками для гольфа. Ты давно играешь?

– Нет, я только учусь. У нас была небольшая тренировка. Мне нравится. Думаю, что начинаю разбираться в этом.

– У тебя есть свои клюшки?

– Нам нужны были только сэнд-ведж и паттер[8]. Малыш Рики позволил мне взять его клюшки, но он говорит, что мне нужно обзавестись своими, если я хочу снова пойти с ним.

(Рик перестал расти, достигнув высоты чуть более полутора метров, и ненавидел, когда его называли Малышом Рики, но мистер Рекер знал этого мелкого слюнтяя под этим именем, а не под прозвищем Тампон Тейлор, которое *мы* все использовали для него.)

Он внимательно слушал. У меня было ощущение, что он что-то обдумывает. Не дожидаясь, пока я закончу, он поднял руку, вытянув указательный палец, как бы говоря: «Тихо», и дал мне знак подождать. Вытащив ключи из кармана, он второй раз сделал жест «подожди» свободной рукой, обошел свою машину, открыл багажник и вытащил сумку для гольфа с ее обычного места.

– Пол, я планирую купить себе новый набор клюшек в эти выходные. Как ты думаешь, если цена будет подходящей, тебе бы понравились эти старые?

Он играл в гольф несколько раз в неделю и владел *прекрасным* набором дорогих клюшек. В глубине души я знал, что он предпочел бы передать их Раку. К несчастью для мистера Рекера, его сын целыми днями занимался серфингом, курил травку, играл на гитаре и дремал, оставляя ничтожно мало времени для гольфа.

– Ух ты, мистер Рекер! Вы серьезно? – Мне пришлось осадить себя. – Хм-м-м… э-э-э… ну… уф-ф… сколько вы собираетесь за них попросить?

Конечно, он видел, как энтузиазм сошел с моего лица, прежде чем продолжить:

– Ну, я заплатил четыреста долларов за набор пару лет назад, и я полагаю, что они все еще должны стоить примерно половину этой суммы.

Прежде чем я успел вставить слово, он продолжил:

– Но дело в том, что… Я действительно не хочу отдавать свою счастливую клюшку.

С преувеличенным почтением он достал из сумки потрепанную клюшку и отложил ее в сторону.

– Но я думаю, что мог бы отдать остальной набор за, скажем… Как насчет двадцати баксов?

Я купил клюшки. Мистер Рекер держал их неделю, пока я не внес второй десятидолларовый платеж, предусмотренный нашим соглашением, после чего мы пожали друг другу руки. После этого я потратил весь день на чистку и полировку. С тех пор, когда они не использовались, клюшки занимали свой особый почетный угол

в моей спальне. После своего автобуса эти клюшки для гольфа, вероятно, были самой ценной вещью, которую я мог назвать *своей*. Поэтому, когда я отправился на поиски дополнительного холодильника для поездки, я начал с гаража мистера Рекера. Верный себе, он настоял, чтобы я взял его походный красно-белый цельнометаллический холодильник «Колман», пару фонарей и семейный набор походной посуды.

Внешность не имеет значения

Барри был бродячим серфером из Новой Зеландии, который недавно пристроился в Поместье. Не думаю, что кто-то приглашал его приехать сюда потусоваться, но он чувствовал себя как дома, ночуя в течение нескольких недель то на одном, то на другом диване. Может быть, так было потому, что его светлые волосы, как у Златовласки, по-мальчишески приятная внешность и характерный новозеландский акцент привлекали девушек – и, как правило, с ним всегда было две девчонки. Было легко терпеть парня, который всегда появлялся с «лишней» девушкой. Помню, что я покупал пиво на четверых, и не один раз. Удивительно, что вокруг не было других Барри. Это же классная тема!

Мне нравился Барри, потому что у него был автобус «Фольксваген» 1966 года, как и у меня. Ну, «как у меня» в самом общем смысле. Мой выглядел так, словно только что выехал из салона. Автобус Барри, напротив, выглядел как развалюха со свалки для шоу, в котором ремонтируют автомобили. В моем же были: специальная краска, хромированные бамперы, шторки, интерьер, отделанный деревом, полноразмерная кровать, встроенный холодильник, раскладная плита, потрясающая стереосистема… В автобусе Барри же не было даже переднего пассажирского сиденья.

Жизнь несправедлива, думал я всякий раз, когда Барри появлялся с парой горячих цыпочек, сидящих среди каких-то тряпок и упаковок от фастфуда на заднем сиденье его автобуса. Черт, я едва мог заставить девушку просунуть голову в мое окно, чтобы заглянуть внутрь. Но сегодня днем все выглядело совсем по-другому. Я расправил плечи и выпятил грудь, потому что сегодня мне можно было позавидовать. Утром мы уезжали на материк! Каждый квадратный дюйм автобуса сверкал на солнце, как драгоценный камень, когда я нанес последний слой воска и полироли. Когда я дышал на упрямое пятно на переднем бампере, пытаясь его стереть, появился Барри и поставил свое корыто рядом с моим автобусом.

– Как дела, приятель? – спросил Барри, но его внимание было явно сосредоточено на чем-то другом.

– Yo vamonos a Mexico en la mañana para los dos meses[9]. – *Пришлось продемонстрировать примитивный испанский, на который я был способен.*

Не обращая на это особого внимания, Барри распахнул двойные двери со стороны пассажиров в своем автобусе, чтобы показать… что же еще? Двух милашек, сидящих, скрестив ноги, в

куче мусора. Я повторил фразу на английском, и достаточно громко, чтобы быть уверенным, что на этот раз девочки ясно услышали, насколько я крут.

– Чувак, Лось, Жеребец и я утром отправляемся на юг. Два месяца на материке, приятель!

Не желая, чтобы всеобщее внимание переключилось на меня и уже зная историю, Барри едва заметно вздрогнул.

– Да, точно, приятель. Есть что-нибудь холодненькое для моих подруг?

Проскользнув мимо него, более горячая из двух девушек бочком подошла прямо ко мне и легкомысленно произнесла:

– Вау! На материк на два месяца? Ты рад?

А-ха, самодовольно сказал я про себя. *Вот «приключение», которое заводит цыпочек!*

– Да. Я в полном восторге.

И это лучшее, что я мог придумать? Почему мой мозг отключается рядом с милыми девушками? Она явно клюнула на меня, верно? Я должен что-то сделать, чтобы она не потеряла интерес. Я указал на открытые двери своего автобуса.

– Посмотри, как я подготовился.

Неудивительно, что у меня нет девушки. Ну что за придурок.

– Серьезно? Дай мне посмотреть.

Да вы шутите. Но, может быть, у нее пунктик на нелепых ботаников!

Я начал было говорить что-то еще, но она оборвала меня.

– Где пиво?

Так вот в чем дело. Меня просто разводят. Боже, они с Барри похожи как две капли воды. Сейчас я не куплюсь на подобное дерьмо. Мой полностью загруженный холодильник с охлажденным пивом предназначен для поездки, а не для этих клоунов.

– На самом деле мне нужно еще кое-что подготовить. Знаешь… например, помыть окна и все такое… э-э… может быть, в другой раз.

Звучит совершенно неубедительно, но почему меня это должно волновать?

– Не волнуйся, приятель. Мы видим, что ты надраиваешь тут все для своей поездки, но…

Барри повернулся и оглядел свой собственный дерьмовый автобус с ног до головы, сверкнул раздражающе ослепительной улыбкой девушкам, наклонился ко мне и прошептал достаточно громко, чтобы все слышали:

– Просто помни, приятель… Важно не то, как она *выглядит*, а то, как она *едет*.

Девушки взяли Барри под ручки, и троица отправилась на поиски четвертого, кто сможет проспонсировать пивом их вечеринку.

Ну и кто в итоге выиграл? Барри и его случайные шлюшки меня достали.

Кроме того, у меня есть работа, которую нужно сделать.

Переломные моменты Кармы, Удар первый: Камера

Подобно тому, как одна из множества капель становится последней и переполняет чашу, у кармы тоже есть свои точки невозврата. Пройдите одну, и вам придется пройти через ад, заплатить штраф и испытать боль. Думаю, я осознавал, что для меня настал переломный момент. Я не уверен, что Лось или Жеребец когда-либо испытывали это чувство. О, конечно, они знали, что некоторые из поступков, которые они совершали, были неправильными, но отвергали это как «дерьмо, которое сошло им с рук». Я не думаю, что кто-либо из них когда-либо рассматривал возможность того, что Бог – или Вселенная – ведет подсчет. (Обдолбанный и настроенный философски, Лось однажды вечером поделился со мной мудростью о том, что «две его ошибки не были ошибками, пока его не поймали», и я даже не пытался разубедить его в этом.) Проступком, который стал *моим* личным кармическим переломом, я считаю, стала история с камерой. Оглядываясь назад, я понимаю, что таким образом сама карма предложила мне отказаться от поездки в последний момент. Предложила последнюю возможность поступить правильно… или нет.

Я не знал этого парня лично. Он представился как Дэн-Оу. Сказал, что он друг Поп-фиша, одного из мудрых патриархов Поместья. Дэн-Оу был героиновым наркоманом. Конченым, ограбившим собственную бабушку ради дозы, опустившимся на самое дно наркоманом. И вот он стоит в моей квартире, явно взбудораженный, сжимая в руках грязный рюкзак. Я едва мог его понять. Его речь в основном была просто набором бессвязных звуков. Быстрый, порывистый поток сознания, едва различимый лепет, напоминающий пьяного Тома Петти[10].

– Чувак… Я слышал, ты направляешься в Мексику с моими братанами, чувак.

Черт тебя дери. Это последний парень в мире, которому следовало бы знать, что меня не будет дома пару месяцев! Спасибо, Поппи.

– Я… у меня есть камера, мэн. Раздобыл вчера в Ла-Холье… В смысле… этим утром… Да, этим утром, мэн.

Его трясло, он заикался, произнося слова. Прозрачная капля соплей свисала у него под носом, готовясь к запуску.

– Зацени, мэн. Поп-фиш говорит, что ты любишь снимать… знаешь, мэн… он сказал, что ты… он сказал, что ты хочешь снять

фильм о серфинге или что-то типа того.

Я нерешительно начал отмахиваться от него, но мое любопытство перевесило, когда он плюхнул свой рюкзак на кухонный стол. Он не сказал ни слова. Я не был уверен, что он смог бы – выглядел он совсем потерянным. Его руки не синхронизировались с мозгом. Я заметил его заметно потемневшую от солнца кожу и грубые отросшие ногти с запекшимися под ними каемками бог знает чего. Он боролся с застежкой-молнией. Затем, прервавшись, одним плавным движением Дэн-Оу повернул голову и вытер нос о плечо – его рубашка явно привыкла к такому. Проиграв битву с молнией, он разочарованно посмотрел на нее и протянул рюкзак мне.

– Открой его, парень… Ты увидишь… это то, что ты… ты увидишь… Я раздобыл ее сегодня утром, мэн.

Я больше не хотел участвовать в этом, и язык моего тела выдал меня. Барабаня кулаком по столу, Дэн-Оу неуклюже выстукивал какую-то нелепую дробь, чтобы привлечь мое внимание, прищурил глаза, чуть склонил голову набок и наклонился, чтобы сделать последний решительный шаг.

– Давай, парень… Я проделал чертовски долгий путь. Поп-фиш сказал мне… ты должен помочь мне здесь, мэн… ОТКРОЙ ЕГО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

От него несло отработанным моторным маслом, или разлитой аккумуляторной кислотой, или чем-то в этом роде. *Я должен вышвырнуть его отсюда!*

– Успокойся, мэн. Ты хочешь, чтобы я заценил? Я заценю. Не заводись, хорошо?

Я потянул молнию, и сумка легко открылась, обнажив верхнюю половину дорогого кожаного футляра для камеры.

Черт, выглядит весьма солидно.

Я уловил неповторимый и знакомый сладкий аромат тонкой кожи с ноткой нового металла, пробивавшийся сквозь зловоние Дэна-Оу.

Стоя во весь рост, скрестив руки на груди, Дэн-Оу раскачивался на каблуках, явно гордясь своим товаром, словно я разворачивал подарок на день рождения, который он выбрал специально для меня. Он сказал, смягчив интонацию:

– Открывай, мэн… Ты сам все поймешь. У этих сраных коротышек полно крутых штуковин.

О Господи… Он предлагал мне камеру какого-то несчастного японского туриста. И не просто какую-то камеру. Это была совершенно новая, первоклассная кинокамера Nikon XL8S Super-8 с мощным зумом, телеобъективом, замедленной съемкой и стоп-кадром… Та самая камера, над которой я пускал слюни

месяцами!

– У них был штатив, но мне пришлось его бросить, мэн… Они гнались за мной, мэн. Маленькие ублюдки почти достали меня! Чувак, думаешь, это правда, что все эти уебки знают кунг-фу? Они точно орали какую-то херню об этом, мэн.

Я на мгновение оторвал глаза от камеры и увидел, как мой новый «друг» обретает второе дыхание. Он испытывал прилив адреналина, заново переживая утреннее приключение, – и снова попытался взять ситуацию в свои руки. Предательская сопля не попала на камеру, но украсила мой стол.

Охренеть.

Он невозмутимо продолжал:

– Зацени, мэн. Там… там вроде бы все эти пленки в маленьких коробочках, мэн… прямо здесь, сбоку, мэн.

На этот раз справившись с молнией, Дэн-Оу открыл боковой карман, и мое сердце подпрыгнуло к горлу. Диснейленд, Ягодная ферма Нотта, Морской мир, свадьба Кико… Прямо здесь. Ясно как день. Скромные красно-желтые картонные коробочки с пленкой выстроились в идеальный маленький ряд, каждая из которых была тщательно помечена четким черным маркером. Неудивительно, что люди были так взбешены. Дело было не только в том, что у них украли *камеру*. Можно купить новую. Черт возьми, возможно, она даже была застрахована. Это были их *видеозаписи*. Эпический эпохальный отпуск и семейная свадьба, увековеченные на пленке и украденные подонком-наркоманом. Они, должно быть, были опустошены. Я физически ощутил укол вины в грудной клетке и бессознательно отпрянул от сумки.

– Они были чертовски глупы, мэн. Оставили ее прямо там, на переднем сиденье, мэн, где любой мог ее стащить – вот так, – он щелкнул пальцами для пущей выразительности. – Дай мне двести баксов, чувак. Это стоит вдвое дороже.

Этот парень понятия не имеет, сколько она стоит. Восемьсот семьдесят долларов в Nelson's Camera в центре города, может быть, тысяча с учетом налога, чехла, дополнительных опций.

Я изо всех сил старался сохранять безразличный вид, но в этой камере было все, о чем я когда-либо мечтал.

– Я дам тебе семьдесят пять.

Я только что это сказал? О чем, черт возьми, я думаю? Я не хочу иметь с этой вещью ничего общего! Она пропитана злом.

Охваченный ломкой, Дэн-Оу ударил правой ладонью по столу и заорал:

– Пошел ты! Сто двадцать пять или я сваливаю!

– Остынь, парень! Ты меня до инфаркта доведешь. Дай мне взглянуть поближе.

Изо всех сил старающийся не показывать страх, я просунул пальцы в рукоятку камеры, чтобы унять дрожь. Поднес видоискатель к глазу и оглядел комнату. Дэн-Оу затенял меня, когда я опустил жалюзи и приблизил изображение заднего дворика Рекеров на другой стороне улицы. В видоискателе появилось кристально чистое изображение щенка бульмастифа Раку, Макса, который одержимо лакал жирное пятно под их барбекю.

Черт, мне нравится эта камера! Если я ее не куплю, это сделает кто-нибудь другой. По крайней мере так хоть я буду *ею наслаждаться.*

– Сто баксов, Дэн-Оу?

– Хорошо, чувак. Сто баксов. По рукам.

Он протянул руку, чтобы скрепить нашу сделку рукопожатием, и я нехотя подчинился.

Что я наделал? Все мои деньги для путешествия были спрятаны в спальне, и я должен отдать часть из них человеку, который известен как конченый вор. Что еще хуже, он стоял у меня на кухне! Могу я попросить его выйти на улицу на минутку? Что в таких случаях делают в кино? Может, я просто оставлю дверь спальни приоткрытой, пока буду доставать бабки? Ага, точно… Было бы довольно глупо закрыть дверь и оставить его там со всеми моими вещами, верно? Думаю, это не будет смотреться нелепо. Твою мать! Я бы хотел, чтобы Перро был здесь, чтобы присматривать за этим парнем за моей спиной!

– Устраивайся поудобнее. Я принесу деньги.

Звучит так, будто я прошу его расслабиться и потусоваться со мной. *Боже. Я просто парень типа «mi casa, su casa»*[11]*, не так ли?*

– Все в порядке, мэн. Я подожду… просто принеси деньги, мэн.

Я сделал пару шагов в сторону своей спальни и, почувствовав, что он идет за мной, повернулся и сделал рукой знак «стоп».

– Послушай, Дэн-Оу, я сказал, что принесу деньги. Подожди здесь секунду. – Указав на стол, я добавил:

– Просто сядь вон там.

Насколько это было очевидно? Вот дерьмо. Чего он ожидает? Он же знает, что он подонок. Захотел бы он сам, чтобы парень вроде него был в его спальне?!

Он увидел мой жест и остался на месте… вроде как. Он переминался с ноги на ногу, как будто только что пришел с холода – или ему нужно было отлить. Я хотел скорее покончить с этим и выставить его к чертовой матери. Войдя в свою спальню, я открыл шкаф и подумал, слышал ли он, как дверь отъехала в

сторону. Я оглянулся через плечо, чтобы проверить. Он стоял в дверном проеме, ярко освещенный сзади, как убийца с топором в фильме ужасов.

Ну что ж, мы уезжаем через несколько часов. Я найду новое укрытие, когда вернусь. Откидываю капюшон старой куртки, и вот они: семьсот баксов. *Надеюсь, он не видел всю пачку*. Пытаясь заслонить ему обзор, я немного повозился с деньгами и, не подумав, облизал пару пальцев, чтобы легче отделить купюры от пачки. *Опять этот запах. Боже милостивый, это ужасно!* Слишком яркий образ рук и пальцев Дэна-Оу промелькнул у меня в голове, и мой желудок сжался. *Мне нужно куда-нибудь сплюнуть*. Я ничего не мог с собой поделать и еле сдерживал рвотный рефлекс. Обернув три пальца в рукав рубашки, я сделал все возможное, чтобы стереть токсичную слизь с языка.

Дэн-Оу сделал шаг ко мне.

– Что с тобой, мэн? Ты увидел призрака, мэн?

– Ничего, мэн. Мне кажется, мне в рот залетел жук. На вкус как дерьмо.

Вытащив пять двадцаток, я засунул остаток наличных в маленький карман, вшитый сбоку в мои шорты, закрыл клапан и пару раз похлопал по нему, чтобы убедиться, что липучка крепко держится. До меня донеслось мощное дуновение *eau de Dan-O*. Клянусь, от этого амбре слезились глаза. *ЧУВАК, ПОЖАЛУЙСТА! Убирайся из моей спальни! Мне же еще здесь спать!*

– Вернись на кухню. Я дам тебе твои бабки.

Он отступил от дверного проема и нащупал за собой кухню, не отрывая взгляда от сотни баксов в моей руке – идеальная карикатура на собаку, ожидающую своей миски с обедом. Я указал ему на стул и жестом пригласил сесть. Он сел как по команде. *Сидеть, стоять, переворот! Чертовски бессердечно с моей стороны так думать*.

Я разложил двадцатки веером на столе, не желая снова вступать с ним в контакт. Дэн-Оу сгреб их, вслух пересчитал свои деньги и поднялся, чтобы уйти.

– Все верно, мэн. Ты не прогадал. Мне пора идти, мэн. Приятно иметь с тобой дело, мэн. Я как-нибудь вернусь и выпью с тобой пива, мэн… Позже.

Теперь мы друзья??? Охренеть.

– Да, конечно, мэн. Давай.

Входная дверь открылась, и в лицо мне полетел прощальный порыв *этого* запаха. Рефлекторно я прикрыл рот и нос ладонью. Не обращая внимания на непреднамеренное оскорбление, он ушел, прибавив шагу.

Вернувшись на кухню, я вымыл руки и лицо средством для

мытья посуды, как только за ним закрылась дверь. Я чувствовал, что мне нужно принять душ и переодеться, но все, что я хотел бы надеть прямо сейчас, уже было упаковано для поездки. Остались только я и моя модная новая камера. Чувство вины вернулось. Я не мог оторвать глаз от аккуратного маленького ряда красно-желтых коробок на моем столе. С таким оборудованием записи в этих коробочках должны были быть весьма хороши. Бывший хозяин камеры знал толк в технике.

Я вернулся в суровую реальность. *Что я буду делать с его пленками?* Моя совесть говорила, что я не могу просто выбросить их. *Это просто неправильно во многих отношениях*. Эти люди проехали полмира, чтобы снять эти фильмы! *Может быть, мне стоит как-нибудь попытаться найти владельца? Нет, это было бы глупо. Меня арестуют. Может быть, постепенно чувство вины отпустит меня?* Эта извращенная логика взяла верх. Машинально, одну за другой, я открыл все коробочки и вытащил содержимое на свет, засветив непроявленную пленку. Вы не можете видеть, как пленка портится, когда на нее падает свет. Он просто мгновенно делает свое дело, а потом все заканчивается. Я знал, что это ставит меня на одну ступень с Дэном-Оу, но пути назад не было. Я это сделал. Теперь испорченную пленку можно выбросить. *В конце концов, она больше никому не нужна, верно? Я чувствовал себя дерьмово.*

Я должен выбросить это из головы, иначе это повлияет на мою поездку в Мексику.

Переломные моменты Кармы, Удар второй: Непредумышленное убийство

Я как раз закончил разогревать остатки спагетти, когда в парадную дверь ворвался Перро.

– Лось убил кого-то в прошлом году.

Он сказал это так, словно сбросил бомбу.

– ЧТО?!

– Не похоже, что он сделал это нарочно или что-то в этом роде. Но да, он убил свою девушку в автокатастрофе. Я только что узнал. Жеребец сказал мне. Оптерс, ты помнишь, когда мы только переехали сюда, у него вся челюсть была зашита?

– Да, я знал, что он попал в серьезную автомобильную аварию, но…

– Так вот, остальная часть истории заключается в том, что он был под таблетками и врезался на своей машине в дерево на Бонита-роуд. Мгновенно убил свою девушку и искалечил к херам двух других людей на заднем сиденье.

– Да ты прикалываешься.

– Вообще ни разу. В прошлом месяце его признали виновным в непредумышленном убийстве, и завтра он должен сесть в тюрьму. Он был освобожден под залог.

– Но утром мы уезжаем в Мексику… – В голове у меня все было как в тумане. – Ты хочешь сказать, что он *сбегает*? – Мой голос надломился, как у подростка, на последнем слове.

– Да. И *ты* его проводник через границу, Пол.

Вау, Перро использовал мое настоящее имя. В Поместье никто никогда не пользовался настоящими именами. Ни при родителях. Ни при подружках. Ни при боссах. Значит, все серьезно.

Изо всех сил пытаясь осознать ситуацию, я откинулся на спинку дивана и принялся ковырять вилкой липкую пасту.

– Так… что он, говоришь, задумал?

– Лось убил человека и теперь использует тебя, чтобы сбежать в Мексику. Что из этого ты не понимаешь?

Я оцепенел. Тема *The Tonight Show* сюрреалистично доносилась из старого черно-белого телевизора в моей спальне. Разрозненный набор мыслей пронесся у меня в голове. Я заметил, что надолго непроизвольно задержал дыхание. Наблюдая за глазами моего лучшего друга в надежде получить какой-то знак, я ждал, что что-то нарушит тяжелую тишину.

– Это чушь собачья, Перро. Почему они позволили ему оставаться на свободе все это время?

– Жеребец сказал мне, что адвокат отложил заключение Лося до тех пор, пока ему не снимут швы с челюсти, чтобы он смог нормально есть. Я не прикалываюсь, Оптерс. Тебе лучше молиться, чтобы тебя не поймали утром, когда ты будешь переправлять Лося через границу, иначе ты отправишься в тюрьму вместе с ним.

– Что мне делать?

Черт, прозвучало не слишком жалобно?

– Я не знаю. Ты в заднице, что бы ты ни решил. Лось убьет тебя на хер, если ты сейчас съедешь, и ты отправишься в тюрьму, если тебя поймают, когда ты будешь его переправлять.

Перро использовал слово «убьет» не ради красного словца. Его описание затруднительного положения, в котором я оказался, было недалеко от истины. Лось обладал телосложением полузащитника из американского футбола и характером бешеного питбуля. Он был лучшим парнем, которого можно было заполучить в свою компанию, и абсолютно худшим из тех, с кем можно было поссориться. Мы все терпели его, потому что одно его присутствие держало других серферов подальше от «нашего места». Однажды он разогнал первенство штата по серфингу, бросаясь с криками на каждого из участников, пока они не выбежали из воды на берег. Один несчастный решил настоять на своем. Лось схватил его, поплыл ко дну и держал там, пока тот чуть не утонул. Организаторы сняли свои навесы, упаковали свои трофеи, и на этом все закончилось.

– Черт возьми, Перро! Если бы ты мне не сказал, я бы и не узнал.

– Глупость не освобождает от ответственности, Оптерс. Ты сам меня этому научил. Помнишь?

Мой разум был в смятении, и я не сразу понял, что он имеет в виду.

– Ты хотел сказать «незнание закона не освобождает от ответственности».

– Видишь? Я прав. Ты в заднице.

Я начал объяснять:

– Если бы я не знал, что Лось нарушает закон, уехав со мной… – Вздохнув, я сдался. – Ты прав. Я в заднице.

Перро протянул правую руку и схватил меня за плечо с притворным сочувствием.

– Эй, ну а зачем еще нужны друзья? Так что ты собираешься делать?

Жребий был брошен. Мои альтернативы были сомнительными, но кристально ясными. Если бы я сейчас кинул Лося и Жеребца, меня бы порвали в клочки – это ясно как день:

я мог бы начинать искать новое место для жизни. Если я рискну перевезти Лося через границу, у нас будет один шанс из двух, что мы сделаем это незаметно.

– Ты можешь *никому* не рассказывать, что я знаю о Лосе, хорошо? Пообещай хранить это в тайне.

– Так ты едешь?

– Утром мы выдвигаемся.

Довольный тем, что выполнил свою миссию, Перро заметил камеру рядом со мной на диване. Я рассказал ему о визите Дэна-Оу и о том, что он украл камеру, но ни слова не сказал о пленках. Мне не было нужно дополнительное чувство вины перед поездкой. Этот поступок был моей тайной, и он мучил мое сердце, когда я доедал свои, теперь уже остывшие спагетти.

Глава 3. …Марш

«Эй, Боже»

Было два часа ночи, и я перестал пытаться заснуть пару часов назад. Чувство вины и нервное напряжение подпитывали безостановочный поток вопросов, безжалостно атаковавших мою голову: *интересно, в супермаркете уже все поняли? Мог ли я что-нибудь сделать, чтобы вернуть пленку этому бедняге? Они же на самом деле не посадят меня в тюрьму за то, что я переправлю Лося через границу, не так ли?*

Неудержимая дрожь охватила меня, пытаясь пробудить от этого кошмара. Боже, я полностью потерял контроль над собой… О чем я, черт возьми, думал? ЛЮБАЯ из этих вещей испортит мне жизнь и приведет к тому, что меня арестуют. Интересно, на кого я настолько пытаюсь быть похожим – или кому пытаюсь понравиться, – что это заставляет меня делать такие глупости? На Лося или Жеребца? Я не хочу закончить так же, как они! Ведь у Лося в данный момент в его жизни есть только два варианта: отправиться в тюрьму или бежать от правосудия. Ему лет двадцать пять – двадцать шесть, и я не завидую тому, что он катится по наклонной. А фантомная будущая плантация Жеребца не будет по нему скучать, когда он уедет на два месяца? Не говоря уже о его схеме импорта мексиканского лайма или какой-нибудь другой нелепой идее, которую ему еще предстоит воплотить в жизнь? Он двадцатичетырехлетний официант, работающий неполный рабочий день – и это его главное достоинство! Не думаю, что кому-нибудь известно, как ему удается ежемесячно платить за квартиру.

Встав с кровати, я тихонько проверил дверь своей спальни, чтобы убедиться, что запер ее, затем подошел к окну и опустил жалюзи. *Было бы крайне унизительно, если бы кто-нибудь узнал, что я собираюсь сделать!* Ай, да какого черта. Стоя на коленях у своей кровати, я начал молиться как мог.

– Эй, Боже… Я имею в виду… Боже милостивый… Э-э-э… В последнее время я много раз облажался и сожалею об этом… правда. Я не просто так это говорю, понятно?

Не думаю, что молитва выглядит именно так.

– Э-э… Просто хочу, чтобы ты знал: я понимаю, что пора прекратить заниматься фигней и что я остановлюсь, прежде чем сделаю что-то действительно плохое, хорошо?

Надеюсь, Он поможет мне понять, как лучше сказать Ему все это.

– О'кей, вот что я пытаюсь сказать… Боже, если бы Ты мог, пожалуйста, помочь мне оставаться в безопасности во время этой

поездки в Мексику… и вернуться целым и невредимым… Я обещаю никогда больше не делать тех дерьмовых вещей, которыми я занимался в последнее время.

БАМ! БАМ! БАМ!

– Оптерс! Поднимай свою задницу с кровати! Пора выдвигаться! – Лось стоял у двери моей спальни.

Моя дверная ручка задергалась.

– Ну же, Оптерс! Мы видим, что у тебя горит свет. Погнали уже! – Жеребец тоже был там.

Что ж, погнали. Ах да, чуть не забыл:

– Аминь, Боже.

Открыв дверь, я притворно зевнул и потер глаза.

– Господи! Вы, ребята, напугали меня до чертиков!

Лось поднял левую руку, держа одну из тех пластиковых «хозяйственных сумок» из сетки, которые мексиканские крестьяне используют для всего подряд. В ней были ласты, трубка, маска, шорты и что-то похожее на два или три рулона туалетной бумаги. На нем были рваные сандалии хуараче, в которых он ходил всегда, когда не серфил и не спал, и пожелтевшая поношенная футболка, один в один как та, в которой я чистил свой автобус днем раньше.

– Остальной наш хлам внизу, у твоего фургона. Дай мне ключи, чтобы я мог бросить все на заднее сиденье.

Мой автобус был идеально упакован. Место было для всего, и все было на своем месте. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-нибудь *бросал* что-нибудь на заднее сиденье.

– Эй, если мы готовы выдвигаться, то погнали. Давайте, я покажу вам, ребята, куда девать ваш хлам.

– Что-что, Пол Э. Оптерс, ты нам не доверяешь? – спросил Жеребец, подражая актеру из «Трех балбесов».

– Да нет же, чувак, все нормально. Давай просто покончим с этим!

Очевидно, они оба уже некоторое время были на ногах и занимались подготовкой к дороге. Толстые черные тросы крепили их доски для серфинга к стойкам на крыше, остальная часть их снаряжения лежала двумя кучами возле дверей автобуса. Одна куча состояла из того, что брал с собой человек, отправляющийся в страну третьего мира на два месяца: спальный мешок, складная походная кровать, рюкзак, вещевой мешок, маска, ласты, трубка; и похожая на копье штука с петлей из медицинского жгута на одном конце, называемая гавайским слингом. Другая куча в целом не была именно «кучей». Старое одеяло, свернутое и перевязанное куском потертой пеньковой веревки, потрепанный пакет из оберточной бумаги для продуктов и старая потрепанная

картонная коробка без верха. Прежде чем я понял, кому какая куча принадлежала, Лось взял скрученное одеяло и сунул старую коробку под мышку.

– Что в коробке, Лось?

Жеребец вмешался, прежде чем тот успел среагировать:

– Грязные журналы. Лось говорит, что это страховка на случай неприятностей с Федеральной полицией Мексики, но на самом деле он просто хочет подрочить в твоем автобусе.

– Пошел ты, Жеребец. Я же рассказывал о контрольно-пропускных пунктах, Оптерс, – сказал Лось, показывая насквозь потрепанный журнал. – Дай *федералес* пару таких, и ты станешь их лучшим другом. Они не могут достать такие журналы у себя. У них нельзя показывать волосы или что-то в этом роде… Я не знаю… Я знаю только, что это работает. Они уже вытаскивали меня из дерьма.

– Если они не могут доставить их туда, не означает ли это, что у нас могут возникнуть проблемы из-за того, что они у нас есть? – задал я очевидный вопрос.

– Да, возможно, но не беспокойся об этом. Они лучше, чем наличные, для подкупа федералес. Доверься мне.

Да, фраза «доверься мне» очень убедительно звучит от парня, который умолчал, что собирается использовать меня, чтобы избежать тюрьмы. Да, я тебе полностью доверяю.

– В любом случае я не хочу, чтобы они были на виду, так что как-нибудь засунь их под кровать, хорошо?

Тем временем Жеребец закончил укладывать свое снаряжение и забрался на переднее пассажирское сиденье.

– Я на переднем!

– Только пока мы не пересечем границу, Жеребец! – выпалил Лось, но тут же осекся. – Э-э-э… ты… э-э-э… Мне нужно показать Оптерсу, как добраться до платной дороги, как только мы перейдем.

Ага, правильно. Желание спрятаться на заднем сиденье, когда мы пересекаем границу, тут ни при чем, правда?

Лось ворчал и ругался себе под нос, изо всех сил пытаясь втиснуть свою коробку с хламом под кровать.

– Проклятье, Оптерс! У тебя здесь столько дерьма, что моя коробка ни за что не влезет! Для чего тут эта гребаная труба?

Со звуком «умф» и громким «стук-бам» он отбросил домкрат, втиснул свои сокровища на освободившееся место и запер дверцу шкафа.

– Эта *гребаная труба* – наш домкрат, Лось! На случай если мы пробьем колесо или типа того.

– К черту все это. Ты слишком много беспокоишься. Если ты

его не возьмешь, он нам не понадобится. Найди для него другое место, если ты так стремишься к неприятностям!

Я стоял, держа домкрат перед собой на вытянутых руках, словно подношение, размышляя о том, что сказал Лось – и о реальности, – так как для домкрата не было *абсолютно никакого места,* разве только под ногами.

– Я сейчас вернусь.

Хоть раз в жизни я буду ожидать лучшего и оставлю домкрат дома.

Лестница, через две ступеньки на всем пути наверх; прислонить домкрат к стене прямо за дверью моей спальни; перепрыгнуть последние три ступеньки на обратном пути вниз. Я вернулся в автобус через тридцать секунд – но этого было недостаточно. Жеребец наклонился в открытое водительское окно машины своей подружки, оставив нам на обозрение только свой зад.

– Что там у Жеребца? – спросил я Лося, положившего локти на спинку моего сиденья, а его большая голова полностью заслоняла мое окно со стороны водителя.

– А-а-а… Шерри говорит, что он не может поехать или что-то такое. – Хрипло втянув воздух, он проревел сквозь утреннюю тишину:

– Давай, Жеребец! Ты едешь или нет?

Жеребец выпрямился, повернулся и рявкнул в ответ:

– Заткнись, Лось! Мне нужно кое с чем разобраться.

Шерри явно была разбита: слезы катились по ее лицу, она всхлипывала и почти не скрывала этого.

– Прояви хоть каплю вежливости, Лось. Я имею в виду… черт возьми! Шерри выглядит так, словно только что узнала, что кто-то умер. Дай им пару долбаных минут!

Я на мгновение почувствовал прилив гордости за то, что действительно возразил Лосю. *Никто* не делал этого без последствий.

Жеребец оторвался от окна Шерри, и я уловил обрывок его фразы:

– Плевать. Я уезжаю.

– ТЫ УБЛЮДОК! – Шерри закричала, как будто только сейчас осознала жестокий обман или получила смертельную рану. – ТЫ ОБЕЩАЛ МНЕ! Ты ублюдок, я надеюсь, что ты там умрешь! Ты обещал… Ты обещал… ты… – Рыдания лишили ее способности говорить связно, и она рухнула на руль. – Т… т… ты … уб… уб… ублюдок!

Ни разу даже не оглянувшись через плечо, Жеребец добрался до автобуса и открыл пассажирскую дверь.

– Трогай. Давай свалим отсюда к чертовой матери, – тон его был серьезным и сдержанным.

Отрывистое «поп-поп-поп-поп-поп» двигателя старого «Фолькси» возвестило о своеобразном падении занавеса на сцену, когда мы отъехали от Поместья.

$6,66

Граница находилась в десяти минутах езды от Поместья. Чуть меньше километра к северу. Остановка. Поворот направо и три километра на восток. Поворот на автостраду, пять километров на юг, и вы в Мексике.

Жеребец пристально смотрел куда-то мимо зеркала заднего вида, установленного за его окном. Лось лежал на животе на кровати, свесив обе ноги и подперев голову руками, как будто он устроился на полу в гостиной, чтобы посмотреть телевизор, и был поглощен тем, как исчезают окрестности за задним окном. Мы ехали уже пять минут, собираясь выехать на автостраду, и до сих пор никто не произнес ни слова. Все были глубоко погружены в свои мысли, и я не думаю, что кто-то обратил внимание на звенящую тишину.

– Нам нужно остановиться у «Спиди Март» и заправиться, – мой голос разрезал тишину, а вместе с ней и физически ощущавшееся напряжение.

– Да ты, мать твою, издеваешься. Ты еще не заправился? – зарычал Лось в заднее окно, не меняя позы.

– Не заводись. Я хочу заправиться хорошим бензином, прежде чем мы пересечем границу. Скоро мы будем заливаться дерьмом на PEMEX[12]. Эй, магазин открыт. Кому-нибудь что-нибудь нужно?

– Да, точно. Что мы выбросим, чтобы освободить место?

Несмотря на то что он был тем еще умником, я подумал, что Лось был прав, когда я вошел внутрь, чтобы оплатить бензин.

В помещении было пусто, если не считать кассира.

– Колонка номер три. Вот десять баксов, но заправка до полного бака будет стоить около шести, – сказал я, кладя купюру на прилавок.

– Направляешься в Мексику? – Продавец был очень похож на кого-то, кто серфил с нами. – Вы двое выглядите так, будто готовы к долгой поездке.

– Да. Нас трое. Еще один парень сзади.

Зачем было это говорить? Я имею в виду, что Лось прячется сзади, чтобы я переправил его через границу и помог ему избежать тюрьмы, а я здесь отыгрываю мистера Полное Разоблачение. Теперь уже слишком поздно, черт возьми.

– Круто. Эй, я видел тебя и другого парня в море. Это же Жеребец, верно? – Я кивнул, и он продолжил:

– А ты кто?

Я ненавидел эту тему.

– Они называют меня Оптерс.

– Оптерс?

– Оптерс. Пол Э. Оптерс. Это дурацкое прозвище, но меня все так называют.

– Что это значит?

– Не знаю. Эй, колонка работает?

– Да, конечно. – Он отвел взгляд, и его голос немного дрогнул, выдавая неприязнь.

– Счастливого пути.

Наконец-то. Бедняге, должно быть, смертельно наскучило работать в эту смену, но в мои обязанности не входило составлять ему компанию в три часа ночи. Я решил, что разговор окончен, и повернулся к двери.

Как только я толкнул дверь, он окликнул меня снова.

– Эй, Оптерс… Ты не сказал, кто третий. Может быть, я тоже его знаю.

Все, что я хотел сделать, это заплатить за бензин и отправиться в путь. Да кто он такой, долбаный уполномоченный по вопросам информации?

– Я схожу за мелочью и вернусь через минуту.

Должно сработать. Если сдача не слишком велика, я просто оставлю ее. Нет, этот маневр будет стоить по крайней мере три или четыре доллара. Мне нужно придумать, что ему сказать, когда я вернусь. Одно можно сказать наверняка: я не могу допустить, чтобы другие парни попали в ту же щекотливую ситуацию, в какую попал я.

Два доллара… три доллара… четыре доллара… Вот так, продолжай в том же духе! *Никогда не думал, что буду переживать за то, чтобы бензин обошелся как можно дороже!* Пять долларов… Шесть долларов… Колонка просигнализировала о выключении, и лишнее топливо вылилось обратно из горлышка бака и потекло по кузову. В бак не поместилось бы больше ни капли. Держа шланг в правой руке, я потянулся, чтобы щелкнуть рычагом «Выкл.» левой рукой. Я замер, глядя на цифры, видневшиеся через грязное, пожелтевшее пластиковое окошко на колонке: 6,66 доллара. *Ни за что на свете я не остановлю счетчик на отметке 6,66 доллара!*

У 1DRBUS было несколько «выдвижных» вентиляционных окошек с каждой стороны, которые открывались всего на несколько сантиметров; достаточно, чтобы обеспечить немного воздуха для людей, едущих сзади. Сунув нос в щель ближайшего окошка, я сказал: «Эй, Лось, проверь, полны ли там канистры с бензином».

Толстая, с короткими пальцами рука Лося, похожая на

бейсбольную перчатку, смяла кусок занавески и резко отдернула ее, частично оторвав от крепления. Кряхтя и постанывая (у него была манера заставлять каждое движение звучать как рутинная работа), он с перекошенным лицом придвинулся достаточно близко, чтобы удариться носом о стекло. От его тяжелого дыхания запотело стекло.

– Проклятье, Оптерс. Ты сам знаешь, наполнены они или нет. Ты сегодня вытаскивал и складывал их десять гребаных раз!

– Мне нужна твоя помощь на две секунды. Посмотрим, есть ли там еще немного места. Этот гребаный насос отключился на отметке 6,66, и я этого так не оставлю. Это дурное предзнаменование. Число дьявола.

– ВЫЛЕЙ НЕМНОГО БЕНЗИНА НА ДОЛБАНУЮ ЗЕМЛЮ, ЕСЛИ ТЕБЕ ТАК НАДО! ДАВАЙ УЖЕ ВЕРНЕМСЯ НА СРАНУЮ ДОРОГУ! – проревел в ответ Лось, явно теряя терпение.

– СРАНУЮ ДОРОГУ… – раздалось эхо в прохладном предрассветном воздухе. Поднявшись на цыпочках как можно выше, я сумел увидеть поверх своего автобуса своего нового друга, самозваного «уполномоченного по вопросам информации»: сложив руки наподобие бинокля и прижавшись к стеклу, чтобы лучше видеть, что происходит снаружи, он пристально смотрел в нашу сторону. Нам пора сваливать.

Два быстрых щелчка ручкой, и порция бензина стоимостью десять центов брызнула в мусорное ведро рядом с колонкой, уже наполненное обертками от фастфуда и синими бумажными полотенцами. *Надеюсь, кассир не видел, как я это сделал*. Счетчик показал 6,76 доллара. Теперь, когда можно было спокойно заканчивать, я вернул шланг на колонку и снова сел за руль. *К черту сдачу, мы убираемся отсюда*.

Двигатель тут же завелся, и мы выкатились через тротуар на улицу. Зацепившись за какой-то бордюр, автобус качнулся, накренившись, напоминая перегруженный грузовик Перро пару ночей назад. Неудивительно, подумал я про себя, половина этого дерьма сейчас здесь – плюс мы втроем!

За чертой

Поза мексиканских полицейских, охранявших границу, всегда казалась мне уж очень непринужденной. Расшифровывалась она примерно так: не так уж важно, кого или что вы привезли в их страну, потому что, как только вы – или то, что вы привезли – оказываетесь в *их* стране, у них появляется *собственность*.

Однако я был обеспокоен тем, что на этот раз ситуация может сложиться иначе. Одного взгляда на 1DRBUS было достаточно, чтобы ясно понять, что мы отправляемся на серьезную экскурсию на юг. На крыше сложены доски для серфинга. Задние колеса вывернулись наружу, говоря о явном перегрузе. И едва ли требовался наметанный глаз, чтобы заметить тревогу, написанную на наших с Жеребцом лицах.

Я никогда раньше об этом не задумывался, но должны ли дорожные знаки «Впереди граница» просто предупреждать… или они задуманы, чтобы усиливать беспокойство и без того нервных нарушителей?

ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕЙ

Наши фары высветили отражающиеся белые буквы. Каждое предупреждение на поле полуночно-синего цвета, казалось, плыло к нам в темноте.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В МЕКСИКЕ ЗАПРЕЩЕНО

Расставленные именно в такой последовательности знаки, несомненно, говорили о повышении ставок.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА
ДВИЖЕНИЕ ПО ВСЕМ ПОЛОСАМ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ДЛЯ ДОСМОТРА ТРАНСПОРТА

Да, верно. Это всегда сцена, напоминающая «встречу за чашкой кофе» в сторожевых будках в странах третьего мира. Рассеянный кивок. Едва заметное движение руки, разрешающее продолжить путь. Интересно, это делается специально? Они надеются, что вы остановитесь и спросите их, закончили ли они вас «досматривать»? Или это делают, чтобы отсеять наиболее нервных?

РАЗВОРАЧИВАТЬСЯ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО

С ворчанием и звуком «ууууф» Лось лег на пол позади меня.

– Останавливайся, только если охранник прикажет.

– Что?.. – начал я и притих на полуслове.

Осталось проехать пятьдесят метров. Сейчас не время протестовать.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРАНИЦА
ВЫЕЗД ИЗ США – ВЪЕЗД В МЕКСИКУ

В пятницу утром в этот час почти никто не пересекал границу Мексики. Конусы были расставлены так, чтобы свести четыре полосы движения в одну. Будка пограничников едва ли была больше будки для оплаты проезда, но в ней были два охранника, занятые оживленной дискуссией. Третий офицер висел в проеме двери, как на турнике. Он разжал пальцы, опустился на землю и встал на нашем пути, когда мы подъехали.

– Я должен остановиться, Лось. Охранник перегораживает дорогу.

В ответ я услышал: «Шшш!»

Наверное, мне не следовало разговаривать с Лосем, так как он надеялся, что его не заметят. Но, может быть, этому придурку следовало сказать мне, что я помогаю ему избежать тюремного заключения – и сбежать в Мексику – *до* того, как мы добрались до границы?!

Примерно через пятнадцать метров я выключил фары. *Все что угодно*, лишь бы не злить этих парней.

Один из двух офицеров, втиснувшихся в кабинку, что-то рявкнул по-испански одинокому полицейскому, стоявшему на нашем пути. Его напарник высунулся из укрытия и бросил ему планшет, полный документов. Он не сводил с нас глаз, и планшет ударился ему прямо в грудь и с грохотом упал на землю. Бумаги рассыпались, вызвав смех у его напарников.

Наш парень развернулся, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как он огрызается на остальных:

– ¡Cállate! ¡Pinche pendejos![13]

Для большей драматичности планшет и бумаги он оставил нетронутыми, когда отошел в сторону и вернулся в лачугу. Показав палец остальным, он сплюнул:

– ¡Besa mi culo ustedes![14]

Было не совсем ясно, кто здесь главный, и трое охранников начали препираться. Стараясь не раздавить планшет шинами, я продолжал катиться, пока передний бампер не оказался над разбросанными бумагами. Нас продолжали игнорировать. Не уверенный в том, что должно произойти дальше, я оглянулся через плечо и бросил озадаченный взгляд на Лося.

– Ходу, ходу, ходу! – прошептал он, для выразительности щелкая пальцами.

Жеребец выразил свое согласие, быстро кивая, что можно было легко принять за дрожь.

Ничего не происходило. Я медленно отпустил тормоз, осторожно отпустил сцепление и тихо поехал дальше – хотя и со скоростью меньшей, чем скорость ходьбы. Мы все равно полностью не останавливались. Наши с Жеребцом глаза были прикованы к боковым зеркалам в поисках каких-либо признаков того, что нас собираются преследовать, но охранники были поглощены своим спором, не обращая на нас внимания. Теперь, в сотне метров от Мексики, пришло время переключиться на вторую передачу. С выключенными фарами мы тихо растворились в утренней темноте Тихуаны.

– Что, черт возьми, они говорили, Лось? – Жеребец напомнил о своем присутствии впервые с тех пор, как мы покинули Поместье.

«Заткнитесь, вы, гребаные засранцы» и «Вы, ребята, можете поцеловать меня в задницу». Если вам надо перевести мексиканскую ругань, предоставьте это Лосю.

Никогда не живущий прошлым (даже если это *прошлое* было три минуты назад), Лось погрузился в настоящее с криком:

– Прорвались! Включи фары и свою потрясающую стереосистему, Оптерс! Мы едем в Ла-Тиклу!

Отчетливо хрюкнув, он просунул свою голову между нами и снял напряжение очищающим гортанным «Д-А-АААААААААААА!»

Слишком потрясенный, чтобы думать о чем-то, я установил громкость на максимум и нажал на «воспроизведение»; кассету с «Born to Run» Брюса Спрингстина я успел найти перед тем, как лечь спать прошлой ночью.

Мы все трое считали, что знаем слова, но ни одна из наших версий не совпадала с другой. Несмотря ни на что, мы орали песню во весь голос. Прилив адреналина и переживания последних нескольких дней тяжело давили на нас, и нашим мозгам требовался отдых. В тот момент мы еще были безответственными детьми, и три идиотских ухмылки отражали наше коллективное облегчение. Никто из нас понятия не имел, что это последние поистине беззаботные моменты, которые нам доведется пережить.

Наверное, оно и к лучшему.

Глава 4. Направить уведомление

Трапеза при свете фонарика

Следующие полтора часа мы ехали по платной дороге на юг вдоль побережья Баха-Норте. Жеребец снова притих, глядя в окно большую часть времени. Лось в какой-то момент стукнул его, пытаясь заставить расслабиться. Но Жеребец есть Жеребец, и когда он замолкает, только *ему* одному известно, когда он вернется в норму. Не то чтобы мы с Лосем болтали. За исключением времени, которое потребовалось, чтобы перевернуть кассету в стереосистеме, мы катились на юг; сначала слушали The Boss, а затем Lynyrd Skynyrd.

Оглушительная гитарная дуэль оплакивала финальное крещендо «живого» исполнения «Free Bird» длительностью 14 минут и 38 секунд. Рев толпы стих, когда мы проехали небольшой подъем на шоссе, и в поле зрения появились рассеянные огни Санто-Томаса.

– Я хочу есть. Давай возьмем тако.

Лось всегда голоден.

– Тако? До завтрака? – спросил я.

– Ты сейчас в Мексике, Оптерс. Тако *и есть* завтрак. – Жеребец заговорил! Видимо, с его необъяснимым обиженным молчанием было покончено.

– Сейчас четыре тридцать утра. Все закрыто. – Я мог часами водить машину без еды и остановок на туалет, и мне казалось, что было слишком рано останавливаться.

– Да ладно, прямо на главной дороге есть охренительный маленький ресторанчик, который всегда открыт. Настоящая еда в стиле Санто-Томас. Я покажу, где припарковаться. – Интонация Лося на последней фразе делала дальнейшие возражения бессмысленными.

– Что такого особенного в мексиканской кухне Санто-Томаса?

– Особенность в том, что мы сейчас *в* Санто-Томасе, и мы с Жеребцом голодны. Эй! Вот он! Нам туда!

– Ладно, плевать.

Лось был прав насчет того, что забегаловка открыта. Она стояла на обочине дороги, освещенная, как ночной зал игровых автоматов, двумя группами прожекторов и оранжево-красной надписью Abierta, 24 Horas[15], периодически мигающей в окне. Несмотря на неоновое сияние, это было крохотное место – передняя часть скромного дома, превращенная в столовую для путешественников.

Выглянув через щель между табличками со списком товаров на окне, седой мужчина, лет за семьдесят, заметил, что мы

въезжаем, и направился к двери. Он распахнул дверь и поприветствовал нас, прежде чем мы вышли из автобуса.

– ¡Buenos días, amigos! Заходите, заходите. Мы накормим вас лучшим завтраком!

Он казался таким искренне взволнованным, увидев нас, что я цинично задавался вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как последний человек действительно останавливался здесь. Ну, по крайней мере, он немного знал английский; может, он не испортит мой заказ.

– ¡Buenos días, my bueno amigo![16] – Даже я понимал, что Лось говорил по-испански с горем пополам, хотя и лучше, чем мы с Жеребцом.

– Проходите, проходите. У меня для вас есть очень хороший стол.

Я задавался вопросом, какой из трех столов был «очень хорошим».

Лось шел впереди, затем Жеребец, а я за ними. Я не обратил бы на это никакого внимания, если бы не последовавший инцидент. В тот момент, когда я переступил порог, вокруг все погрузилось в темноту. Не видя ничего перед собой, я остановился как вкопанный и оглянулся через плечо. В городе было темно. Куда ни глянь. Никаких огней. Черным-черно.

Звук открывшегося где-то ящика – его содержимое с грохотом упало на пол – заставил меня снова повернуться к чернильной темноте впереди.

– ¡Pinché luz![17] – послышался в темноте голос старухи.

Вспыхнула спичка, осветив комнату на несколько секунд, прежде чем угаснуть. Включился фонарик. Старик, который встретил нас у входной двери, держал фонарь под подбородком, его лицо теперь напоминало дружелюбного демона. Тень огромной головы с увеличенным носом плясала в свете фонаря на потолке.

– No problema, друзья мои. У нас есть *собственные* фонари, чтобы приготовить вам еду.

Я не двигался с места, все еще стоя на пороге. Старик направил свой фонарь к моим ногам и сделал жест «идите сюда», поманив меня к столу.

– Садитесь, сеньор. Садитесь здесь, а мы приготовим вам лучший завтрак.

Нужно отдать должное этому парню. Он оставался сосредоточенным на клиенте.

Дама со спичками зажгла свечу из маленькой раковины морского ушка, наполненной воском, и поставила ее на наш стол. Старик достал еще одну, зажег ее с первого раза, и комната снова

стала почти нормальной. Две девочки, примерно шести и восьми лет, вошли в дверь кухни, держа крошечные фонарики. Девочка постарше, лет тринадцати или около того, осторожно поставила младших возле нашего стола. Одну за стулом Лося, а другую за стулом Жеребца. Она по очереди брала за руки девочек и направляла их фонари, а затем встала за моим стулом со своим фонариком. Теперь у каждого из нас был свой личный помощник, который помогал нам просматривать меню.

Вот это да. Эти дети всегда готовы вскочить с кроватей ради посетителей? Или они всегда одеты и бодрствуют в долбаные 4:30 утра? Это было мило – старания, которые проявляет весь клан, чтобы обслужить посетителей.

На стол подали три чашки горячего черного кофе, которые принесла еще одна юная девушка, вероятно, лет пятнадцати или шестнадцати, и очень хорошенькая. Ее шелковистые угольно-черные волосы были заплетены в две косы до пояса, украшенные крошечными бантиками из желтых лент. Она казалась ужасно застенчивой и отводила глаза каждый раз, когда я смотрел на нее. Старик вернулся с небольшим стаканом для сока, наполовину наполненным жидкостью коричневого цвета, и старой керамической чашкой, наполненной грудой крупных грязно-белых гранул. Он подал их с едва заметной помпезностью, поместив в центр нашего стола.

– Café con créma y azucar… Кофе со сливками и сахаром, друзья мои.

Его глаза заблестели обезоруживающим огоньком, усиленным светом свечей. Казалось, он не обращает ни малейшего внимания на отсутствие электричества.

Когда за столом остались только мы и наши маленькие осветители, я наклонился и прошептал остальным:

– Черт побери, ребята! Вы когда-нибудь видели семью, которая так отчаянно пытается заработать деньги?

Лось посмотрел на каждого из детей по очереди, проверяя, поняли ли они то, что я только что сказал, прежде чем ответить.

– Ты не врубаешься, Оптерс. Ты понятия не имеешь, что это за культура. Это простые люди. Все дело в том, чтобы помогать нам и быть хорошими хозяевами. Вот как сюда привлекают людей. Они не хотят потерять лицо из-за того, что не могут обслужить нас только потому, что отключилось электричество. Вот почему они зажгли свечи и фонарики. Они, вероятно, потратят больше на батарейки и свечи, чем получат за еду. Для них важно показать детям, как правильно обращаться с гостями в доме.

Снова появился старик с ручкой и салфеткой, чтобы записать заказы. Ошеломленный реакцией Лося и последовавшей за ней

лекцией, я подсознательно отключился от разговоров за столом и ничего не слышал, пока не подошла моя очередь делать заказ.

– Сеньор? Сеньор? Что будете заказывать, амиго?

– Эээ… Я возьму то же, что и они.

Я почувствовал на своем лице пристальные взгляды всех, кто находился в помещении, даже детей.

– Мы заказали разное, Оптерс, – сказал Жеребец, спасая меня.

На этот раз указав на Жеребца, я попытался изящно выйти из неловкой ситуации.

– Я возьму то же, что и он.

Настала моя очередь молчать, погрузившись в свои мысли, пока парни шутили и смеялись, поглощая завтрак. Лось дал импровизированный мастер-класс по тому, что он назвал «официальным» мексиканским методом использования небольших кусочков кукурузной лепешки в качестве единственной посуды. Наша еда закончилась, и принесли чек. Лось посчитал, внес свою долю в чек и передал его Жеребцу.

– По два пятьдесят с каждого, ребята. К тому же, я думаю, каждый из нас должен вложить по доллару за все проблемы, с которыми эти ребята столкнулись из-за нас. Как *ты* думаешь, Оптерс?

Жеребец хмыкнул и выдал еще одну из своих глупых пародий на «Трех балбесов».

– Да, Оптерс. Что ты думаешь, ммм? Ак-ак-ак-ак.

Жеребец недавно был одержим «Тремя балбесами»; он смотрел их каждый день и до тошноты имитировал их поведение и диалоги. Я думаю, он действительно чувствовал некое извращенное удовольствие, наблюдая, как мы все съеживаемся каждый раз, когда он разыгрывает эту чушь. Возможно, это был его способ чувствовать себя в безопасности; он был красив и встречался с красивой девушкой, но, казалось, неловко съеживался при общении с другими людьми. Мы с Перро наблюдали, как это происходит на вечеринках, и пришли к выводу, что его самоуверенная манера поведения – лишь маска, ложная бравада; когда его ставили на место, неуверенность лезла наружу.

Жеребец добавил свои деньги и положил передо мной купюры и монеты. Не имея однодолларовых бумажек, я взял всю пачку, чтобы положить свою десятидолларовую купюру.

Два пятьдесят плюс два пятьдесят плюс дополнительный доллар с каждого… здесь должно быть семь долларов… но было только шесть.

Гребаный Лось. Да, давайте каждый вложит дополнительный доллар за дополнительные трудности. *Я буду выглядеть мудаком,*

если подниму этот вопрос сейчас. Я сложил в карман пять однодолларовых купюр и четыре четвертака и положил десятидолларовую купюру на стол. *Черт с ними*.

– Muchas gracias, Señores! Спасибо, что пришли, друзья мои! – Старик не мешкал ни секунды.

Дети осветили фонариками наш путь к двери. Старуха вышла из кухни, чтобы посмотреть, как мы уходим. Мы вышли в том же порядке, в каком вошли полчаса назад – Лось, за ним Жеребец, затем я. Со сверхъестественной синхронностью городское электричество включилось в тот самый момент, когда я ступил на улицу.

Старик хлопнул в ладоши и с зубастой ухмылкой воскликнул:

– Видите, друзья мои? Хороший завтрак принесет вам удачу.

Младшая из девочек вылезла между стариком и дверью и крикнула нам:

– Vaya con Dios! Adios Señores. Vaya con Dios![18]

– О да, друзья мои. Vaya con Dios. – Глаза старика закатились, и он на мгновение вздернул подбородок, размышляя, как перевести на английский то, что он хотел сказать. Его лицо расплылось в широкой доброй улыбке. – Пусть Господь хранит вас в вашем путешествии. Si, Señores… Vaya con Dios.

Глава 5. Самые продуманные планы

Держи паракват

Во время наших встреч, в ходе которых мы планировали поездку, в воздухе витало ощущение срочности. Конечно, у меня были *свои* причины «пошевеливаться» – я никогда не был на сто процентов уверен, что в мою дверь не постучит полиция Коронадо. После того как Перро проболтался о бегстве Лося от правосудия, я понял, почему парень так чертовски настаивал на «идеальном» дне для отъезда. Кроме того, он уже однажды занимался серфингом в Ла-Тикле и в красках описывал нам, насколько идеальными были волны в конце лета. Если верить Лосю, мы могли бы поехать куда-нибудь еще, если бы не направились на юг к первому сентября.

Подражая «Трем балбесам», Жеребец поддерживал каждый призыв Лося: когда уезжать, почему надо спешить, каким маршрутом следовать, где разбить лагерь по пути, как долго оставаться. «Да-а-а, Лось дело говорит! Ак-ак-ак-ак…» Мотивы Жеребца не были очевидны, но он был «вторым пилотом» Лося при каждом голосовании. Так как на приключение было отведено два месяца, я отметил на карте всевозможные места, которые выглядели интересными, но их одно за другим отбраковывали. На всем побережье Нижней Калифорнии[19] есть десятки улетных мест для серфинга, но нашей заветной целью был материк. Мы должны были гнать без остановок. Даже съехать с дороги, чтобы *осмотреться*, было непросто, пока мы не добрались до Ла-Тиклы: «тропического рая», который благодаря рассказам Лося превратился в нашем воображении в почти что сказочное место.

Выбор в пользу Нижней Калифорнии был сделан не только из-за удобного старта для продвижения на юг. Путешествие по полуострову позволило нам обойти трехсотмильный участок материкового шоссе, которое проходило в самом сердце сельскохозяйственной области, хорошо известной выращиванием марихуаны. Управление по борьбе с наркотиками президента Джимми Картера активно обрабатывало обширные участки плантаций своим новейшим оружием «Войны против наркотиков» – паракватом. Продвигаемое как делающее марихуану ядовитой – и, следовательно, непривлекательной для поколения укурков, – распыление параквата стало широко разрекламированной (и несколько противоречивой) политической кампанией.

Каждый из нас знал о травке не понаслышке. В основном это было мощное зелье с такими названиями, как «Золото Акапулько», «Красная Панама», «Мауи-вау», «Коричневый Инка»

или «Оахакан» («во-хоук-ин»). Мы придумали свое собственное название для травы, обработанной паракватом. Среди нас она была известна как «Commercial-wa-khan» («Торговый-ва-хан»). Это был настоящий «грязный сорняк» среди всех видов дури, и *последнее*, чего мы хотели, – это чтобы нас заподозрили в контрабанде. Чем больше близился сезон сбора урожая в конце лета, тем больше мы понимали, что три двадцатилетних серфера в старом автобусе «Фольксваген» (с орнаментом из «турецких огурцов» на шторках и калифорнийскими номерами) будут слишком легкой мишенью для *федералес*.

Чтобы обойти опасную зону, мы собирались придерживаться полуострова Нижняя Калифорния. Наш маршрут должен был провести нас прямо на юг до самого маленького сонного рыбацкого городка Кабо-Сан-Лукас, расположенного на самой южной оконечности суши в том месте, где теплые воды Калифорнийского залива сталкиваются с более холодными течениями Тихого океана. Оказавшись там, мы сядем на океанский паром для четырнадцатичасового плавания по открытому морю на юго-восток до Пуэрто-Вальярты на тихоокеанском побережье материка. Паромы на материк также отходили немного дальше по побережью в Ла-Пасе, но мы решили, что чем больше времени проведем на суше, тем лучше. Кроме того, Мексика с гордостью трубила о завершении строительства своей новой магистрали, пересекающей полуостров. В моем путеводителе она рекламировалась как «безопасная и современная скоростная автомагистраль, соединяющая пограничный мегаполис Тихуана с городом Ла-Пас и далее ведущая к причудливым рыбацким деревушкам Южного Мыса…» Как мы вскоре обнаружили, магистраль представляла собой смесь заново заасфальтированной двухполосной дороги, соединяющей бесчисленные участки улиц небольших городов, с американскими горками на пустынном шоссе и изрытыми колеями горных дорог; эдакая мозаика из грязи, гравия, асфальта и бетона длиной в 1700 километров, зигзагом идущая с севера на юг.

Сойдя с парома в Пуэрто-Вальярте, мы направимся на юг по еще не завершенной Мексиканской прибрежной скоростной автомагистрали. По словам Лося, строительство нового шоссе резко остановилось на реке Остула, чуть к северу от нашего конечного пункта назначения: Ла-Тиклы. Текоман, справедливо названный в моем путеводителе «Лаймовой столицей мира», станет нашей последней остановкой для получения очищенной питьевой воды, горячего душа, телефона, бензина, продуктов и медицинской помощи. Как только мы отправимся туда,

оказавшись на последнем двухчасовом отрезке пути до Ла-Тиклы, мы *действительно* будем предоставлены сами себе.

Переломные моменты Кармы, Удар третий: Жеребец раскалывается

Мы были в получасе езды от нашей остановки для завтрака. Уже начинало светать, и предрассветное небо выглядело прекрасно. Случайные мысли мелькали у меня в голове: так, сегодня утро пятницы, 1 сентября 1978 года. Лось будет объявлен в розыск через несколько часов. Как ему удастся вернуться в США, не попав под арест? Интересно, планировал ли он вообще свою жизнь так далеко? Присматривает ли Перро за Дэном-Оу, шатающимся вокруг Поместья? От этого парня у меня мурашки шли по коже. И что за большой секрет Жеребец скрывает от нас? О каком «обещании» кричала ему Шерри?

Музыка молчала в течение нескольких минут, и в относительной тишине меня поразило наблюдение: не знаю, были ли мы уставшими, оцепеневшими, скучающими, испытывающими облегчение или обеспокоенными, но в данный момент мы воплощали дух товарищества трех незнакомцев в лифте.

– Чертова Шерри.

Что ж… теперь все наше с Лосем внимание приковано к Жеребцу!

– Я имею в виду, кто вообще сказал ей отказаться от таблеток? – продолжил он. – Что это за дерьмо было прошлой ночью? Она закатила истерику по поводу того, что больше не беременна.

О'кей, я сбит с толку.

– Что ты имеешь в виду, Жеребец? – вопреки здравому смыслу все же спросил я.

– Я имею в виду, что она *была* беременна, а теперь *нет*, Оптерс.

– Оу.

– Она забеременела в июне. Ты же видел, как она все время ошивается поблизости, как будто мы женаты или что-то в этом роде, не так ли?

– Ну… да, но я…

– Я не знаю, почему она просто не сделала аборт, когда это только случилось… Я имею в виду, кто, черт возьми, сказал ей, что я хочу завести семью? Кажется, что после шести лет отношений она должна была все понять.

После шести лет? Конечно, она должна была понять. Парень обращается с тобой, как с дерьмом, и по-другому уже никогда не будет.

– Итак, две недели назад она сказала мне, что хочет съехаться и родить ребенка. Она, должно быть, сошла с ума, мать ее.

Именно это я и подумал. Во всяком случае, насчет «съехаться».

– Так вот, я говорю ей, что лучше сделать аборт, пока не стало слишком поздно. Я дал ей денег на это и все такое. То есть я думаю, что должен был взять на себя ответственность и разобраться со всем этим. И что я получаю за то, что поступаю правильно? Она бесится из-за меня.

Вау. Он думает, что это способ проявить себя с хорошей стороны и взять на себя ответственность. Что за парень.

– Я совершил ошибку на прошлой неделе, сообщив ей об этой поездке.

Мы планировали эту поездку в Мексику в течение месяца, и Шерри узнала о ней только на прошлой неделе? Может быть, «ошибка» – это то, что ей не сказали раньше? Да что с вами всеми не так?

– Когда она взбесилась из-за того, что я поеду в Мексику, я поставил ей ультиматум. Типа «да» или «нет». Поставил ее перед выбором. Я сказал ей, что, если она сделает аборт, я никуда не поеду, и мы потратим деньги на новое жилье.

– Почему ты не говорил мне, что думаешь свалить, Жеребец?

Лось… кажется, тебя это задело?

– Я сделал это только для того, чтобы подтолкнуть ее к аборту. Я никогда не собирался сваливать от тебя. Ты мой братан, Лось. Брата ны важнее баб, чувак. Ты же знаешь, как это бывает.

– Так она это сделала? Она сделала аборт?

Как мне скрыть недоверие в голосе?

– Ни хрена, Оптерс. Ты гребаный Капитан Очевидность. Как ты думаешь, из-за чего была вся эта истерика прошлой ночью? – ответил Лось за Жеребца.

Вау… Интересно, что перевесило бы на великих весах моральных ценностей? Ограбление своего работодателя и уничтожение драгоценных домашних фильмов целой семьи? Уклонение от тюремного заключения за непредумышленное убийство? Или когда обманом заставляешь свою девушку сделать аборт?

Выстрел под носом

БАМ!

Что, черт возьми, это было? Выхлоп в карбюраторе?

Идиотская сигнальная лампочка ярко горела в нижней части моего спидометра.

БАМ!

Еще раз. Да, это выхлоп в карбюраторе, ладно. Давайте посмотрим… Красная лампочка означает «ремень вентилятора», белая означает «масло».

БАМ!

– Мать твою, *Оптерс*! В чем, черт возьми, проблема? – Жеребец, казалось, был в такой же панике, как и я.

– Я не знаю, но я должен заглушить двигатель, пока он не взорвался или типа того.

Выжать сцепление, заглушить двигатель, выключить передачу… Еще один последний «*БАМ!*», громче прежних… А потом только звук наших шин. Двигатель теперь работал тихо, и мы катились по длинному легкому спуску. Я не знал, что сказать; Лось и Жеребец смотрели на меня, явно ожидая какого-то ответа.

– Лампочка масла горит… Я без понятия, что… ДОЛБАНАЯ ЛАМПОЧКА МАСЛА ГОРИТ!

Я надеюсь, что все не так плохо, как кажется.

Мы свернули налево через разделительную линию двухполосной дороги и скатились по какому-то съезду. Лось и Жеребец оставались на месте, как пенсионеры в туристическом автобусе, в то время как я выскочил, чтобы заглянуть под капот. Мне не нужно было открывать его, чтобы понять, что у нас проблемы. Темные пятна тянулись за нами от шоссе, сияя радужным блеском. Маслянистые радужные разводы показывали, как масло медленно стекало к бамперу, где собиралось и ритмично капало на выхлопную трубу; каждая капля недолго шипела, прежде чем испариться. Лось с ворчанием вышел из автобуса и подошел, чтобы лично посмотреть, в чем дело.

– Это плохо?

Господи, Лось, да как ты догадался?

Я знал, что двигатель мог накрыться, но решил пока не выдавать беспокойства:

– Я не знаю, в чем именно проблема. Видимо, мы потеряли сальник или типа того, потому что отовсюду течет масло.

Семья Лося владела шиномонтажной мастерской с тех пор, как он научился ходить. Он, вероятно, проработал в бизнесе своего старика столько же, сколько я у своего. Он никогда особо

не рассказывал об этом, но складывалось впечатление, что он ненавидел своего отца за это. Однажды я спросил его о том, на что похожа жизнь в тюрьме. Он ответил, что это выбило из него все дерьмо от работы в шиномонтажной мастерской его отца.

Я был там однажды. Лосю нужно было кое-что купить в мастерской, и я его подвез. За те пять минут, которые мы провели в присутствии его отца, не помню, чтобы мистер Мосс сказал нам хотя бы десять слов. К тому же половина сказанного была скорее рычанием: «Какого хрена тебе надо?» Сказать, что в детстве его заставляли работать в мастерской до седьмого пота, было бы приуменьшением проблемы. Тем не менее в этот момент Лось, казалось, инстинктивно знал, что нужно делать, и взял ситуацию под контроль.

– Если все масло вытекло, нужно долить, пока оно еще горячее, иначе оно схватится. Я знаю, что у тебя в запасе есть пара литров, Оптерс. Быстро дай его сюда.

Пара литров? Черт возьми, у меня под кроватью был припрятан ящик с двенадцатью литровыми канистрами. Я нырнул в боковую дверь, выудил три канистры и отдал их Лосю. Он уже открыл капот и возился с щупом.

– ОЙ! Черт возьми! Эта штука охренеть какая горячая!

Не раздумывая, я стянул футболку через голову и протянул ему.

– Уже лучше, Оптерс. Начинаешь соображать! – он взял мою футболку и использовал ее, чтобы вытащить и проверить щуп. – Масла нет.

Ни хрена себе, Шерлок. Я мог бы избавить тебя от необходимости проверять, ПОТОМУ ЧТО ВСЕ МАСЛО БЫЛО НА ЧЕРТОВОЙ ЗЕМЛЕ!!!

Он открутил крышку наливной горловины и залил литр, отбросил пустую канистру в сторону и залил еще один, прежде чем снова проверить уровень. На щупе опять ничего не было видно.

– Твою мать, Оптерс, как давно горит эта долбаная лампочка?

– Только что загорелась… Кажется… Не знаю точно… Я слушал Жеребца… Откуда, черт возьми, мне знать, как долго она горела, прежде чем я это увидел?

– Ну, хорошо, что у тебя есть эти три запасных канистры, потому что, если это сработает, потребуется все до последней капли.

– Я взял двенадцать.

– Очень хорошо.

Лось залил третью канистру и повернул крышку на четверть оборота.

– Иди заведи двигатель.

– Ты уверен, Лось? – Я немного скептически относился к тому, что простое вливание свежего масла поможет нам снова двигаться вперед.

– У тебя есть другой план?

В чем-то он прав.

Я снова сел за руль, закрыл глаза и беззвучно произнес одними губами: «Давай, Боже. Пожалуйста», прежде чем повернуть ключ. Двигатель завелся как ни в чем не бывало, а звук стал гладким, как шелк.

– ДА!!! ДА!!! – вскрикнули мы с Жеребцом, смеясь и давая друг другу пять.

– Эй, не так быстро. Посмотри сюда, – сказал Лось, указывая под двигатель.

На грязь тонким, но ровным потоком стекало свежее моторное масло янтарного цвета.

– Хорошо, вот что мы сделаем. – Лось дал нам понять, что он здесь все еще главный. – Где-то протекает сальник. Мы будем ехать, пока не загорится лампочка, после чего зальем еще канистру. Как только мы поймем, как далеко мы проедем, прежде чем понадобится еще литр, мы сможем составить план действий.

– Ты хочешь продолжать двигаться *на юг*? До Ла-Паса восемьсот миль. Не будет ли безопаснее вернуться в Энсенаду?

Это казалось мне логичным…

– Да ладно, ребята, давайте хотя бы посмотрим, как далеко мы продвинемся, прежде чем понадобится еще канистра. Разве у тебя нет запчастей и прочего дерьма для этой штуки? Мы можем остановиться вечером, вытащить двигатель и починить его. Ты же сам сказал, что сможешь решить проблему за пятнадцать минут.

Думаю, Лось прав. У меня есть все, что нам может понадобиться, и я могу разобраться с двигателем с закрытыми глазами. Твою мать!.. Домкрат. Я позволил ему отговорить меня брать с собой чертов домкрат!

– У нас нет домкрата. Помнишь?

– Ты напрасно тратишь время и масло, Оптерс! Заводи драндулет, мы едем на юг! Мы разберемся с этим после того, как узнаем, насколько хватает литра масла! ПОГНАЛИ!

– Поехали, Оптерс. Не волнуйся. Лось знает, что делает.

Ничего удивительного. Жеребец не хочет возвращаться.

Выехав обратно на дорогу, я осторожно ускорился, внимательно прислушиваясь к любому намеку на неполадки с двигателем. Он звучал идеально.

– Счетчик пробега показывает 116 323 километра. Помогите мне запомнить эту цифру, хорошо, ребят?

Следующие несколько километров я больше пялился на этот идиотский огонек на приборной панели, чем смотрел на дорогу. 116 336. Уже тринадцать километров. Может быть, Лось все-таки был прав.

– Как насчет того, чтобы послушать пару песен, Оптерс?

– Я должен слушать двигатель, Жеребец. Никакой музыки, пока я не узнаю, в чем дело.

Счетчик перевалил за 116 355.

– Ух ты. Мы уже проехали тридцать километров, ребята. Может быть, план сработает.

116 370. Погрузившись в свои мысли и визуализируя, как уровень масла падает все ниже, я резко повернул руль влево, вправо, влево, вправо, а затем снова влево, желая посмотреть, загорится ли сигнальная лампочка, если я буду перегонять масло в двигателе из стороны в сторону. Застигнутый врасплох, Жеребец на мгновение накренился ко мне, прежде чем дернулся в противоположную сторону и сильно ударился головой об окно. Прежде чем он смог перегруппироваться, цикл повторился, и его голова ударилась в окно во второй раз.

Наверное, мне следовало предупредить его.

– АЙ!!! Мать твою, Оптерс! Что ты делаешь?!

– Прости, Жеребец. Я проверяю, как там с маслом.

– Сделаешь так еще раз, и мы проверим ТВОЕ масло!

Лампочка все не загоралась. Я не мог в это поверить, но все, казалось, шло хорошо. Мы проехали еще десять километров, а предупредительного сигнала все еще не было.

– Так, ребята, еще раз проверю масло.

Влево-вправо-влево-вправо-влево. Лампочка мерцала при каждом маневре.

– Приехали, ребята. Пятьдесят пять километров на литре масла. Что думаешь, Лось?

Не дожидаясь ответа, я выключил зажигание и начал катиться, выискивая удобное место, чтобы съехать с двухполосной дороги. Двигатель затих, звуки гравия, хрустящего под шинами, нарушили тишину, когда мы съехали с обочины и замедлили ход, чтобы остановиться. Лось пробормотал что-то себе под нос и разложил карту на коленях. Я решил, что ему нужно было кое-что подсчитать, поэтому я схватил новую канистру и отправился поить двигатель.

«Бульк, бульк, бульк, бульк…» Звук густой жидкости, вытекающей из бутылки, казался неуместным в неподвижных просторах пустыни Нижней Калифорнии. Ворчание спереди возвестило о выходе Лося из автобуса. Плохо сложенная карта была зажата в его кулаке.

– Что там видно?

– Похоже, все нормально. Просто повсюду куча масла.

– Давай заправимся в Герреро-Негро. После этого первый нормальный город, в который мы попадаем, – это Санта-Розалия, примерно в четырехстах километрах отсюда. Останемся там на ночь, вытащим двигатель и починим. Мы можем вернуться на шоссе к утру и все еще сесть на паром, который отправляется из Кабо в воскресенье.

– Между *этим местом* и Санта-Розалией только пустыня? Мы едем на честном слове, Лось. Мы не можем не тащиться так до самой гребаной Санта-Розалии?

– Нет… нет. – Лось был непреклонен. – Дорога поворачивает на восток в Герреро-Негро. Ничего, кроме маленьких городков и пустыни, мы не увидим, пока не переедем на сторону залива. Не беспокойся об этом. Там есть места, где можно купить еще масла, если оно нам понадобится. Давай проедем еще пятьдесят пять километров.

Еще пятьдесят пять километров? «Ничего, кроме пустыни?» Где мы возьмем «еще масла», у долбаного Джеда Клампетта[20]*? Нельзя показывать, что я в панике. У нас все еще есть восемь канистр. Даже если мы не найдем больше масла, мы проедем четыреста тридцать километров до Санта-Розалии. Так ведь, БОЖЕ?*

– Хорошо, Лось.

Следующие двести двадцать километров состояли из нескольких доливов масла, болтаний «влево-вправо-влево-вправо-влево» через каждые несколько километров и пыльных маленьких городов через каждые пятьдесят-шестьдесят. Вместо ста километров в час с включенной стереосистемой мы ехали в тишине со скоростью восемьдесят. Километр сменялся километром. Пустыня, казалось, тянулась бесконечно во всех направлениях. Мы ни разу не видели воды после большого поворота на Герреро-Негро. Мне казалось, что *это* было уже три дня назад.

– До Санта-Розалии меньше ста шестидесяти километров, Лось. Я думаю, у нас получится, но до того, как мы туда доберемся, стемнеет.

Солнце уже стояло низко в небе позади нас, когда мы направлялись почти прямо на восток через полуостров.

– Как думаешь, может быть, нам стоит остановиться где-нибудь и попытаться починить двигатель?

– Не… Даже если мы остановимся прямо сейчас, все равно стемнеет, прежде чем двигатель остынет, и с ним можно будет что-то сделать. – Лось не собирался так легко отступать от своего

плана. – Давай просто доберемся туда.

Чувствуя себя в какой-то степени подчиненным, я проворчал себе под нос: «Ведь *достаточно* сложно починить двигатель и при дневном свете…», но решил пока не спорить. Не прошло и двух минут, как лампочка предупреждающе мигнула.

– Что-то случилось, ребята. Лампочка уже горит, а масло мы заливали всего двадцать пять километров назад. Держитесь.

Быстрое движение влево-вправо-влево подтвердило это предположение. Нам уже нужна была еще одна канистра.

– Отстой. Видимо, утечка становится все серьезнее. Мы должны остановиться и разобраться с двигателем, Лось, или у нас не будет достаточно масла, чтобы залить его обратно, когда мы закончим.

Теперь, когда ярко горела сигнальная лампочка, я не мог позволить себе ждать чьего-либо благословения и выключил зажигание. Выбрав другой вариант, я направил 1DRBUS через насыпь на твердую землю пустыни. Изредка попадались случайные сорняки, и хотя было уже далеко за семь часов вечера, адская жара все еще не спадала. Не было ни малейшего дуновения ветра, пыль, поднявшаяся, когда мы остановились, висела над головой, поддерживаемая жаром, поднимающимся с земли. Капля масла возвестила о своем падении на глушитель громким шипением. Слабая дымка голубоватого оттенка окрасила изображение в моем боковом зеркале. Глядя на искаженный жаром горизонт, я размышлял, что горячее: двигатель или земля?

Вскрытая коробка

Очевидно, никто из нас не хотел выходить первым. Мы сидели, спокойно готовя еду в автобусе, и чувствуя, что снаружи было *еще более* невыносимо. Наше смятение, казалось, повисло в тяжелом воздухе. Я выждал еще несколько мгновений, затем вылез, чтобы оценить наше положение. Так, посмотрим… Тени нет. Домкрата нет. Уже час мы не видели ни одной машины. Двигатель раскаляется, мои шлепанцы прилипают к земле у меня под ногами. *К черту все это*. Вернувшись на переднее сиденье, я снова прикоснулся своими шортами к дымящемуся зеленому винилу водительского сиденья.

– Посмотри на карту, Жеребец. Сколько до ближайшего города, где мы сможем достать масла?

– Что такое? Ты передумал?

– Не-а. Просто там слишком чертовски жарко, чтобы даже думать о том, чтобы немного повозиться с двигателем. Мы могли бы с таким же успехом продолжать ехать. Особенно если удастся найти место для ночевки получше, чем это.

Где угодно должно быть лучше, чем здесь, верно?

– Давай сделаем это сейчас, – вмешался Лось. – Давай. Мы *должны* сделать это сейчас. Слишком много масла вытекло, пока мы тут торчим. Глупо доливать еще масла, не починив двигатель. У нас нет другого выхода.

– Что-о-о?

Так это я виноват в том, что мы остановились? Ладно, похрен. В любом случае лучше я буду знать, что двигатель починен, чем продолжать беспокоиться о том, как бы не сжечь его.

– Хорошо, Лось. Но пройдет по крайней мере час или два, прежде чем двигатель остынет настолько, чтобы можно было с ним работать.

– Чушь собачья. Мы сделаем это сейчас. У нас есть тряпки и вода, так?

– Ну, да, тряпки… но…

– Давай. Я тебе сейчас покажу. Мой отец научил меня работать с горячим двигателем.

Навык, который, как я надеялся, мне никогда не понадобится. Хорошо, Лось. Ты мне покажешь. Ты сделаешь все это, мать твою, потому что я и близко не подойду к двигателю, подающему дымовые сигналы!

– Бери свои инструменты, и начнем. – С этими словами Лось стянул футболку через голову, благоговейно повесил ее на спинку сиденья и направился обратно к моторному отсеку. Обнаженный

по пояс, он выглядел готовым к драке.

– Оптерс, возьми воды и хорошенько намочи пару тряпок.

Хм-м. Первым шагом должно было быть: «Вытри масло».

Я сделал, как мне было велено, и вскоре вернулся с ящиком инструментов в одной руке и кучей мокрых тряпок в другой.

– Держи, Лось.

– Без перчаток?

– Я их не брал.

– Тогда возьми четыре носка и хорошенько намочи их.

– Это для чего, Лось? – спросил я.

У меня было плохое предчувствие по этому поводу.

– Они для наших рук. Я же говорил, что собираюсь показать, как работать с горячим мотором.

Словно срываясь с цепи, любимая придирка моего отца всплыла у меня в голове, и я озвучил ее, не задумываясь:

– Это *двигатель*, Лось. *Моторы* работают на электричестве; *двигатели* работают на горючем. – *М-да, это точно не сделает меня более крутым в его глазах*. – Более того, это двигатель с воздушным охлаждением, из которого вытекло все масло! У тебя есть хоть какое-то представление о том, насколько он чертовски горяч прямо сейчас?

– Прекрати хныкать, Мистер Волшебник, и неси чертовы носки!

Я посмотрел на Жеребца в поисках поддержки, но он просто пожал плечами и отвел взгляд, признавая бессмысленность своего участия.

– К черту все это! Я сам их достану! – с этими словами Лось направился к боковой двери.

Он явно не собирался затягивать процесс.

– Я понял, понял. Я не хочу, чтобы ты копался в моем хламе.

Пару минут спустя «операционная медсестра Жеребец» натягивала носки нам с Лосем на руки, как будто мы были парой хирургов с улицы Сезам.

– Оптерс! Намочи носки и давай уже разделаем эту свинью. Домкрата нет… Ладно… Жеребец! Обойди спереди, сними запасное колесо и принеси его сюда.

Мы с Лосем начали с того, что сняли маленькие болты, удерживающие различные жестяные детали, которые закрывали двигатель. Практически всё, к чему мы прикасались, на что натыкались или задевали, шипело или дымилось. Горячий воздух пустыни сушил наши импровизированные прихватки, и возникшая в результате прохлада приятно отвлекала нас от нашей незавидной участи. Несмотря на то что нам не хватало ловкости из-за носков на руках, через десять минут мы сняли

двигатель и были готовы опустить его.

Лось продолжал выкрикивать приказы, как командир эскадрильи, готовящий нас к лобовой атаке.

– Иди сюда, Жеребец. Засунь эту шину под двигатель и достань себе несколько мокрых тряпок. Оптерс, вы с Жеребцом беритесь за выхлопную трубу и сильно тяните, пока будете ее раскачивать. Я собираюсь подтолкнуть автобус вперед. Двигатель упадет на шину. Когда это произойдет, вам, ребята, нужно не дать ему перевернуться и кого-нибудь им убить.

– Как насчет того, чтобы я толкнул автобус, Лось? Вы с Оптерсом знаете больше о том, как хватать мотор и все такое.

– Это двигатель, Жеребец. – На этих словах Лось одарил меня дурацкой ухмылкой. – Просто спроси Мистера Волшебника, если что. А теперь вы оба хорошенько смочите свои тряпки. Труба все еще раскалена докрасна, и я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас отпустил ее и обжег меня.

Первая наша попытка провалилась. Присев на корточки, мы с Жеребцом схватились за выхлопную трубу и начали тянуть изо всех сил. Лось без предупреждения врезался плечом в автобус, вырвал выхлопную трубу из рук Жеребца и рывком поставил меня на четвереньки, после чего острый гравий впился мне в обе коленки.

– Эй, Лось! Как насчет предупредить или типа того?

– Просто будьте внимательнее, мать вашу!

Держу пари, что эту фразу Лось довольно рано выучил от своего отца.

Жеребец усмехнулся и кивнул подбородком в сторону моих свежих царапин.

– Симпатично, Оптерс.

– Ну а что делать, Жеребец.

По крайней мере, носки защитили мои ладони. Перегруппировавшись для второго захода, Лось заставил нас обоих сесть в грязь и упереться пятками. Через слой тонкой ткани пляжных шортов, защищающих наши задницы, горячая земля быстро стала невыносимо жечь кожу, и пар мгновенно поднимался оттуда, где наши руки, защищенные носками, касались выхлопной трубы.

– На счет «три», хорошо?

– К черту это, Лось! Мы здесь сгорим дотла!

– Я думал, вы, сопляки, хотели, чтобы вас предупредили?

– Да чтоб тебя, ТОЛКАЙ уже!

– ТРИ!

Это было чудо, что никто из нас не пострадал. Двигатель оторвался от своих креплений и обрушился на шину, как

сорокакилограммовый мешок бетона, соскользнувший с крыши.

Как только мы вытащили его и сняли кожух вентилятора, стало очевидно, откуда текло масло. В старых двигателях «Фольксвагенов» на верхней части блока установлена маленькая черная металлическая штука в форме небоскреба, которая помогает охлаждать масло. Два маленьких резиновых кольца у основания небоскреба предохраняют масло от вытекания. Один из них был разорван пополам и торчал, как два куска зеленой резинки для волос.

– Потрясающе, Лось!

– Что такое?

– Посмотри туда… Этот сальник разодран, а у меня есть совершенно новый комплект.

– Вперед, Оптерс! Тащи его сюда, и давай снова отправим эту свинью в путь!

Чувствуя себя асолютно довольным собой, я отодвинул в сторону запасной топливный насос, дополнительную крышку распределителя, новую катушку зажигания, пачку с четырьмя новыми свечами зажигания. Вот она, во всей своей красе – нетронутая упаковка с картонной обложкой, завернутая в целлофан, с сине-белым логотипом «Фольксвагена» и практически кричащей надписью: «Уплотнение двигателя. Мастер-комплект для двигателя VW 1500cc». Я схватил его и торжествующе зашагал обратно к задней части автобуса. Стараясь не упасть в обморок от ощущения собственной крутизны, я бросил коробку Лосю.

– Зацени это.

– Отлично, Оптерс. Посмотрим, что там у тебя.

Лось прижал оба больших пальца к дешевому целлофану и разорвал шов, идущий по задней стенке, вывалив на землю все содержимое коробки. Вряд ли запчасти заслужили такое обращение, но, возможно, я снизил планку, бросив ему коробку.

– Я их не вижу, – сказал Лось, роясь в куче пухлыми пальцами.

– Да. Вот и весь рассказ… Ак-ак-ак-ак… В упаковке нет сальников… ак-ак-ак-ак… В упаковке нет сальников.

Ни разу не смешно, Жеребец.

– Нет, правда, ребята, мать вашу, их тут нет.

– Дай посмотреть.

Ну да, будто ты знаешь, что искать, Жеребец.

– Они должны быть там! Может быть, ты закопал их, когда вот так вывалил все в грязь!

– Да пошел ты, Оптерс. Слушай, я же говорю тебе, коробка была вскрыта. Маленьких сальников здесь нет. Мы в заднице.

В течение следующих десяти минут сначала я, затем Жеребец скребли, рыли и пинали рыхлую почву, по которой были разбросаны новые уплотнители и прокладки. Лось сидел в автобусе, высунув ноги из дверей сарая, что-то бормотал и качал головой. Над нами темнел закат. То, что недавно было поводом для радости, теперь стало серьезной проблемой. У нас был двигатель в разобранном виде, не хватало деталей, чтобы собрать его обратно, скоро темнело… И МЫ БЫЛИ ПОСРЕДИ ГРЕБАНОЙ ПУСТЫНИ!

– Мы должны поставить его обратно, – сказал Лось.

– И что потом?

– А потом мы доберемся до следующего города, Оптерс. Я не собираюсь проводить здесь ночь, дожидаясь, когда меня ограбят.

– ОГРАБЯТ? О чем, черт возьми, ты говоришь?

– *Бандитос* поймут, что мы тут застряли. Они поймут, что у нас есть деньги, потому что мы направляемся на юг. И они поймут, что мы ни черта не можем сделать, чтобы помешать им. Если мы в ближайшее время не доберемся до какого-нибудь города, нас тут ощиплют как кур.

– С каких это пор здесь, посреди пустыни, появились *бандитос*? – Я все еще ждал развязки этой шутки.

– Я серьезно, ребята. То, что они построили эту новую дорогу, не значит, что они не грабят *гринго*, достаточно глупых, чтобы разбить лагерь в такой глуши.

– Оптерс. Неужели ты не можешь сделать сальник из другой прокладки, или из своих ласт, или еще из чего-нибудь, чтобы запечатать эту свинью достаточно надолго и доставить нас в Санта-Розалию?

Ну, желание не быть ограбленным и убитым – это, безусловно, мотивация для того, чтобы что-то придумать, не так ли?

– Я… я могу попробовать сделать что-нибудь из прокладки клапанной крышки… Нет, это не сработает… Может быть, если я… ну… Я постараюсь сделать что-нибудь, о'кей?

Следующие десять минут я провел, роясь в своих вещах. На мысленном автопилоте я обдумывал, что может содержать подходящий материал, из которого можно создать два новых «резиновых пончика» размером с мизинец, которые заменили бы уплотнители масляного радиатора. Я скептически относился к тому, что это сработает, но терять уже было нечего. Ну, кроме того, что надо было пожертвовать чем-то, что, как я думал, было необходимо в этой поездке.

Ласты, маска для ныряния, трубка… Ни за что. Я не собираюсь оказаться на тропическом пляже без снаряжения,

необходимого для осмотра рифов. Поводок для серфа? Нет. Не с тем видом серфинга, о котором говорил Лось, сколько я себя помню. Может быть, есть часть автобуса, которую я могу уничтожить… Подождите, я понял! Кинокамера имеет пару резиновых колпачков для объективов: один для переднего объектива, другой для окуляра. Жаль, что мне придется это сделать, но разве есть другие варианты? Кроме того, рассудил я, камера укомплектована убийственным футляром, который сохранит линзы в безопасности, и я всегда смогу купить новые колпачки, когда мы вернемся в Штаты. Вот оно. Я заставлю их работать. Надеюсь.

– Ладно, Лось. Я придумал. Я собираюсь сделать сальник из этого. – Я раскрыл ладонь, демонстрируя свою находку.

– Отлично, Оптерс. Начинай, чтобы мы могли вытащить эту свинью обратно на дорогу, пока нас здесь не ограбили.

У меня не было достаточно свободных клеток мозга, чтобы одновременно париться о том, что Лось постоянно называет мой автобус «свиньей», переживать об опасности быть ограбленным и думать, как сделать два новых сальника для масляного радиатора из колпачков от объектива кинокамеры. Первые два дела я приберег на потом и принялся резать колпачки.

Потребовалось несколько минут, чтобы отметить форму разорванного сальника на резиновых колпачках, и затем я приступил к вырезанию. Я решил, что у меня есть только один шанс; к тому же мне не обещали очков за скорость, важен был только результат.

Лось начал терять терпение, когда небо из фиолетового стало черным.

– Ну же, Оптерс! Просто сделай их уже!

– Эй, ты хочешь, чтобы они подошли… или они нужны тебе прямо сейчас?

Черт. Прозвучало как слова «главного». Круто!

Сделав несколько попыток приладить сальники, подрезав здесь и потерев там, я был удовлетворен тем, что две самодельные детали вышли настолько хороши, насколько это было возможно. С учетом того, что мне пришлось смастерить их с помощью бритвы и куска резины.

– Ладно, ребята. Давайте соберем все обратно.

Здесь я почувствовал, что должен на мгновение остановиться поблагодарить Бога за материалы, инструменты и навыки, необходимые для этого, но рассудил, что сейчас на это действительно нет времени. Я сказал себе, что займусь этим позже, как только (и если) мы снова отправимся в путь. Двигатель снова заработал как часы. Не прошло и пятнадцати минут, как мы

были готовы снова установить его в автобус. Проклятье! У нас все еще не было домкрата.

– Эй, Лось. Как вернуть двигатель на крепления?

Ну… это же он сказал, что может вытащить его и поставить обратно; я лишь говорил, что смогу разобрать и собрать его.

– Ты слишком много беспокоишься. Я все разрулю. – С этими словами он расстелил пляжное полотенце и лег на него, распластавшись на спине, его голова находилась за открытым люком двигателя.

Это должно сработать.

– Жеребец, берите с Оптерсом двигатель с двух сторон, несите его сюда и кладите мне на грудь, только поверните нужной стороной.

– Хорошо, Лось, как скажешь, но он все равно будет слишком низко, чтобы дотянуться до креплений, и мы не сможем поднять его на чем-нибудь, потому что тогда он будет слишком высоко, чтобы пройти через люк.

Ого, не думал, что Жеребец обращает внимание на что-то, кроме Жеребца.

– Вот что надо сделать. Вы, ребята, положите двигатель мне на грудь, а затем покатите автобус назад, пока двигатель не проедет сквозь люк. О, и положите несколько камней под колеса, чтобы автобус не укатился. Затем я подниму двигатель так, чтобы он мог скользить по крепежным болтам. Когда я это сделаю, Жеребец, ты сядешь на задницу и загонишь двигатель обратно на болты.

Это делало меня третьим лишним.

– А я что буду делать, Лось?

– Ты залезешь со мной под автобус и навинтишь гайки на крепежные болты, как только двигатель встанет на место.

– Я не уверен, Лось.

– У тебя есть план получше или нам следует подождать, пока *бандитос* нам помогут?

В этом есть своя правда.

Лось еще раз повторил инструкции (думаю, он не хотел навсегда остаться в пустыне с двигателем на груди), а затем мы занялись делом. Мы с Жеребцом напряглись, чтобы поднять двигатель, и оттащили его на пару метров туда, где Лось лежал на спине. Ни за что на свете ни один из нас не смог бы поднять эту штуку самостоятельно, и мне было трудно представить, как Лось поднимает ее в воздух (и держит), в то время как мы с Жеребцом занимаем свои позиции, двигаем ее на место, а затем устанавливаем болты, на которые нужно было накрутить гайки,

… – и все это в темноте. Тем не менее мы сделали, как нам было сказано, и как можно осторожнее положили двигатель на грудь Лося. С глушителем, впившимся ему в живот, и маховиком, прижатым к подбородку, он пискнул: «Давайте быстрее! Давай, давай!»

Мы оттолкали автобус назад к нему, его нижняя половина торчала сзади, напоминая смертельную аварию. Жеребец занял позицию, готовый к сигналу, чтобы загнать двигатель обратно на крепления. Я протиснулся рядом с Лосем, держа в каждой руке по крепежной гайке. Мне потребовалась минута, чтобы забраться достаточно далеко и добраться до тех мест, где должны были находиться гайки. Неловко зажатый между Лосем и внутренней стороной левого заднего колеса, я ударился носом о нижнюю часть двигателя, лежащего поперек его груди. Обе мои руки были вытянуты над головой… Одним словом, я был *беззащитен*.

– Ладно. Порядок. Ты можешь его поднять?

Моя мать убила бы меня, если бы узнала, чем я занят. Я не знал, надеяться ли, чтобы Лось смог, или молиться, чтобы не смог. Вся затея была полным безумием.

Грудь Лося раздулась, затем застыла на месте; его правый локоть резко ударил меня по ребрам ниже левой подмышки. Его ноги напряглись, вены на шее странно вздулись, и он проревел первобытное «Аггхх…», которое включило подпитываемый адреналином инстинкт «бей или беги», граничащий с паникой, глубоко внутри меня. Двигатель немного пошатнулся и закачался, прежде чем неуверенно оттолкнуться от наших лиц и погрузиться в темную пустоту наверху. Слишком быстро – его верхняя часть с громким стуком ударилась о потолок моторного отсека.

– Слишком высоко. Тебе нужно немного опустить его.

Я не знал, как долго он сможет держать двигатель – не говоря уже о том, чтобы опустить на несколько сантиметров – а затем удерживать в таком положении.

Именно для этого и нужны домкраты.

– Ч-т-оооо?.. Насколько ниже, насколько?! Скажи мне, когда хватит! Черт возьми! – руки Лося задрожали, когда он рывками опускал двигатель. Он начал раскачиваться из стороны в сторону, и Лось, пытаясь его удержать, опустил его наполовину.

– ВОТ ТАК, ЛОСЬ! ДЕРЖИ ЕГО ТАМ! ЖЕРЕБЕЦ! ПИНАЙ! ПИНАЙ! ПИНАЙ!

Боже милостивый, я надеюсь, что движок встанет на нужное место!

Я не предвидел, что Лось сможет плавно опустить двигатель, и мое лицо оказалось между ним и землей. Жеребец отпихнул

двигатель назад, но концы болтов не попали в отверстия. Немного выше в первый раз, немного ниже в следующий, немного левее, немного правее…

Черт возьми!

– Ты в порядке, Лось? У нас не получается. Ты можешь держать его так, чтобы он не болтался?

– Аггхххх! У вас, ребята, есть пять секунд, прежде чем я его уроню. ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ДАВАЙТЕ УЖЕ!!! АГГГГГГХХХХ!!!!

После этого двигатель встал на место. Несколькими движениями я плотно закрутил первую гайку, надежно зафиксировав агрегат. Руки Лося упали на грудь, словно разваренные макароны. У него вырвался нехарактерный нервный смешок.

– Ну, у вас получилось, ребят?

Жеребец в ответ пнул меня ногой.

Некоторое время мы вдвоем просто лежали прямо там, слишком опустошенные, чтобы пошевелить хоть одним мускулом. Лось теперь посмеивался между вздохами, а я мягко качал головой.

– Эй. Оттолкни автобус от нас, ладно? Я не думаю, что мы сможем выбраться сами.

Жеребец подчинился, и вместо нижней части двигателя я увидел самое яркое, наполненное звездами небо, которое я когда-либо видел. Все еще лежа на спине и глядя на звезды, я первым прервал молчание.

– Эй, Лось, над чем ты только что смеялся?

– Я думал о том, как тюрьма спасла мне жизнь. Если бы я не тратил там так много времени на поднятие тяжестей, я бы уронил на нас эту чертову хрень.

Вау.

Потребовалось около десяти минут, чтобы снова прикрепить жестянку, подсоединить провода и поставить все остальное на место, прежде чем мы вылили остатки масла и были готовы испытать двигатель. Тот завелся и замурлыкал как котенок. Никаких признаков утечки масла.

Круто, не так ли?

Мы выехали на шоссе и проехали сто миль до Санта-Розалии почти на нормальной скорости, остановившись только один раз, чтобы убедиться, что масло все еще в двигателе, где ему и положено быть. Оказавшись в городе, мы нашли место, где можно припарковаться на ночь. Ребята расположились снаружи, Лось в своем спальном мешке на земле, а Жеребец на койке. Я переставил вещи внутри автобуса и разложил свою кровать. Мы почти не разговаривали друг с другом, слишком измотанные

морально и физически, чтобы сделать что-либо, кроме как лечь спать.

Случай с «лууу-бри-каунт-а»

Лось проснулся на рассвете и счел своим долгом разбудить Жеребца и меня, чтобы поделиться с нами тем, как болят его руки и грудь этим утром.

– Мне кажется, вчера я что-то себе потянул. С трудом могу поднять руки.

– Тогда, наверное, тебе просто придется голодать.

Неплохо, Жеребец.

– Ну и как близко ты был к тому, чтобы бросить эту штуку нам на головы, Лось?

– Я не собирался ронять двигатель *себе* на голову. Провода едва задевали мне лицо. К черту это все. Парни, вы готовы перекусить чем-нибудь, прежде чем мы отправимся дальше?

– Я не голоден. Вы, парни, идите. – Представив, как эта штука раскалывает мне череп, я сразу отвлекся от еды. – Кроме того, я хочу кое-что проверить в автобусе, прежде чем мы снова отправимся в путь. И знаете… на всякий случай… хочу купить еще немного масла в дорогу.

– На случай чего, Оптерс?

Неужели Жеребец думал, что все это ему приснилось?

Лось скрестил руки на груди, массируя оба бицепса:

– О, это хорошая идея. Мексиканцы называют это *lubricanté*.

Я так рад, что он немного знает испанский. Эта поездка была бы намного сложнее без него.

– Как ты это произносишь, Лось? Скажи помедленнее, хорошо?

– Лууу-бри-каунт-а.

– Хорошо, понял. *Lubricanté*.

После этого парни перешли дорогу к скоплению магазинов в поисках завтрака, и я схватил тряпку, чтобы проверить щуп. Хм-м, неплохо. Вытекло самую малость. Думаю, колпачки для линз держатся.

Может быть, мне стоит стать изобретателем или кем-то в этом роде.

Тем не менее нам потребовалась каждая капля масла, чтобы добраться сюда прошлой ночью. Я решил взять по крайней мере шесть или восемь литров. Знаете… на всякий случай. Но не увидел ничего, отдаленно напоминающего магазин автомобильных товаров через дорогу, поэтому запер двери и пошел в противоположном от Лося и Жеребца направлении.

Каждая витрина, мимо которой я проходил, казалась мне чем-то чужеродным. В витрине первого магазина была карикатура

на неоновую лампу, изображающая кувшин, лежащий на боку и проливающий жидкость. Табличка на двери гласила «Agua Pura»[21]. Я привык видеть несколько полок с бутилированной водой в супермаркете, но целый магазин, посвященный только воде? Затем была «Veterinaria», за которой следовали «Farmacia», «Dentista», а затем «Licoreria»[22]. Все это было так нелогично. А может, и наоборот. В том смысле, что лекарства или алкоголь по дороге в кабинет дантиста или из него могут оказаться полезными.

Следующие несколько зданий были недостроены и просто разваливались на глазах. Или, возможно, они когда-то были достроены, а теперь их растаскивают на стройматериалы? Трудно сказать наверняка. У меня заканчивались варианты, поэтому я зашел в следующий магазин, решив, что могу по крайней мере попросить их указать мне правильное направление в моих поисках *lubricanté*. Внутри скромный магазин оказался эклектичной смесью из заваленного хламом гаража, кондитерской и магазина игрушек. Всевозможные инструменты висели на проволочных обручах, сделанных из старых вешалок для одежды и прибитых гвоздями к балке высоко над дверным проемом. Красочные, завернутые в целлофан пакеты с чем-то, похожим на жевательную резинку (и конфеты, о которых я никогда не слышал), были разложены аккуратными рядами в маленьких бумажных коробках вдоль прилавка у окна. Две изношенные велосипедные шины, одна очень большая, а другая, очевидно, с задней части трехколесного велосипеда, свисали с металлического колышка для палатки, воткнутого в трещину в деревянной дощатой стене. В углу был припаркован игрушечный фургон с несколькими пластиковыми садовыми предметами размером с ребенка и выгоревшей на солнце оранжево-желто-зеленой игрушечной газонокосилкой.

Пожилая женщина чопорно поднялась из-за прилавка и, не говоря ни слова, смерила меня взглядом.

– ¿Dondé esta el lubricanté, por favor?[23]

Мой испанский неидеален. Но с помощью Лося я должен был бы донести суть дела, так?

Она посмотрела на меня так, словно я свалился с Марса:

– Que?

– ¿Dondé esta el lubricanté, por favor? Ну… масло для *mi carro*.

Я понятия не имел, что означает «mi carro», но надеялся, что это что-то достаточно близкое к английскому *car*, чтобы она могла догадаться.

Выражение ее лица было чем-то средним между раздражением и недоумением, она просто уставилась на меня.

Надеюсь, я не оскорбил ее случайно? Все идет не очень хорошо.

– ¿Dondé esta lubricanté?

Может быть, она индианка и не очень хорошо говорит по-испански? Я попытался сказать это более медленно, тщательно проговаривая каждый слог:

– Looooo-breeee-cawwwnt-Ā.

– No esta.

Да, я вроде как понял это, осмотрев ваш магазин, леди.

– Si. Я знаю, что lubricanté no esta. Где… Я имею в виду, dondé es lubricanté?

– ¿Qué es?[24]

– ¡Si! ¿Que es lubricanté?[25]

Она так докопалась, потому что у меня плохо с грамматикой?

Она покачала головой и молча вернулась на свое место за стойкой.

Лось, ты мне здесь нужен…

Я вернулся той же дорогой, по которой шел, и ребята уже были там, прислонившись к борту автобуса.

– Где масло, Оптерс? Нам нужно вытащить эту свинью на дорогу.

– Я не смог его найти, Лось. Похоже, никто не знает, что такое *lubricanté*, или, может быть, я просто говорю это неправильно. Мне нужно, чтобы ты спросил.

– Давай просто двинемся в сторону Лорето. Надо заправиться и купить масло в PEMEX по дороге из города. Кроме того, масло – это *aceité*. Я просто издевался над тобой. Ты хорошо провел время? Завтрак был убийственным.

– Да, Оптерс. Завтрак был убийственным. Ак-ак-ак-ак.

Жеребец знал обо всем с самого начала или просто наслаждался тем, что я выгляжу дураком? Мне было все равно. Они оба придурки.

Белые кресты и фиолетовые шарики

Итак, как и сказал Лось, мы купили ящик масла на заправке в южной части города и отправились в путь. Если не считать раздражения и небольшого голода, следующие три часа были настоящим раем. Я начал постепенно расслабляться и наслаждаться путешествием, так как шоссе шло по побережью и огибало самые красивые лагуны, которые я когда-либо видел. Цвета скал, песка и воды были совершенно фантастическими. Время от времени по обе стороны проезжей части попадались белые кресты с букетами цветов, напоминая мне о том, что я должен следить за дорогой. На мгновение я задумался, сколько лет потребовалось, чтобы появилось так много импровизированных памятников невнимательным автомобилистам. Когда в одном месте встретилась целая дюжина крестов, это была одна большая ужасная авария или просто особенно опасный поворот дороги, который часто не замечали?

Мы снова заправились в Лорето и продолжили движение на юг, пока шоссе не сделало резкий поворот на запад от залива и не начало неуклонный извилистый подъем в горы. Можно было подумать, что по мере подъема воздух будет становиться прохладнее, но удаление от воды имело противоположный эффект. Все утро воздух был терпимым, но теперь снова стал тяжелым, горячим и невыносимым. Единственное, что хоть как-то издавало дуновение, – это то, что мы ехали сквозь пекло, рассекая воздух. Лось храпел сзади; Жеребец развалился на пассажирском сиденье в тщетной попытке найти удобную позу для отдыха. Я наклонился вперед, положив локти на руль, изо всех сил стараясь держаться подальше от горячей темно-зеленой виниловой обивки, которая прилипала к моей голой коже всякий раз, когда предоставлялась такая возможность. Я переключился на третью передачу, когда уклон стал круче, а дорога сузилась, снижая наш и без того болезненно медленный темп.

– Эй, Жеребец. Как ты думаешь, почему на нашей стороне дороги так много крестов, а на склоне холма ни одного?

Прежде чем он успел ответить, из-за поворота выскочил сигналящий автобус, двигавшийся слишком быстро. В странный, растянутый момент времени я встретился взглядом с водителем – в идеальном обрамлении полосы от дворников на покрытом грязью ветровом стекле – и заметил ряд крошечных (чередующихся фиолетовых и зеленых) шариков, танцующих над его головой. С рефлекторным «срань господня!» я съехал так далеко на обочину, как только осмелился; крутой спуск с нашей

стороны был совершенно не защищен, за исключением аккуратного ряда побеленных камней, определяющих край. Автобус пронесся мимо, и воздушная волна от него еще немного продвинула 1DRBUS на его пути к гибели.

– Какого хрена, Оптерс! Ты пытаешься нас убить? Этот автобус чуть не сбил нас!

– Да, я видел, Жеребец, – я был невозмутим.

Позади нас проснулся Лось:

– Почему мы остановились?

– Оптерс чуть не врезался в автобус.

– Что ты несешь? Он занял всю чертову дорогу и чуть не столкнул нас со скалы! – возразил я. – Я должен проверить шины. Мы довольно сильно ударились об эти сраные камни.

С этими словами я выключил двигатель, выскочил и обошел машину спереди, чтобы посмотреть на правые колеса. Переднее выглядит нормально. То же самое с задним. *Вот дерьмо. Масло*.

– У нас снова вытекло масло. Много.

– Из-за камня? – спросил Жеребец.

– Не думаю. Течет там же, где и раньше. Я думаю, это из-за этих чертовых сальников. Двигатель, вероятно, слишком нагрелся, пока мы поднимались по этим долбаным горам, и колпачки расплавились. Странно, что это произошло именно в этот момент.

Последние несколько минут казались эпизодом из «Сумеречной зоны».

– Как думаете, может быть, этот автобус был послан нам, чтобы мы съехали на обочину, пока не сожгли двигатель? Как бы то ни было… Я рад, что у нас есть ящик масла, чтобы добраться до следующей заправки.

– Мы не можем оставаться здесь, одной половиной на дороге. Долей немного масла, и давай перенесем эту свинью за холм.

Эй, у меня есть идея, Лось. Перебраться через перевал, выключить двигатель и спускаться по другой стороне!

Так мы и сделали. Добавить масло. Проехать немного. Проверить, если это возможно. Повторить. Всю дорогу до дилерского центра «Фольксваген» в Ла-Пасе, примерно в двухстах восьмидесяти километрах отсюда. Теперь это расстояние не казалось таким уж большим, но на них ушли еще *двадцать пять* литров масла, остаток дня и вся ночь.

Когда дело дошло до последней канистры, и было слишком рискованно ехать дальше, мы разбили лагерь перед салоном «Фольксваген» в Ла-Пасе, в Южной Нижней Калифорнии. Расположившись на пересечении Федеральной трассы № 1 и главного бульвара в центре города Ла-Пас, мы представляли

собой местную достопримечательность. Ребята повесили москитную сетку сбоку от автобуса, натянув ее на тяжелую цепь, которая ограничивала въезд в служебный гараж. Из автобуса вытащили холодильник, спальный мешок Лося и кровать Жеребца. Мы разожгли плиту и приготовили поздний ужин из консервированной ветчины и печеных бобов.

Местные жители сигналили и окликали нас. Испанский язык Лося подвергся серьезному испытанию, когда он изо всех сил пытался объяснить полицейским, о чем мы думали, когда решили разбить лагерь *здесь*. Когда он указал на толстый слой моторного масла по всей задней части автобуса, это решило проблему. Они позволили нам остаться – вероятно, просто пожалели, – догадываясь, что мы не уйдем далеко, если нас прогонят. Но они также совершенно ясно дали понять, что эта сделка *только на одну ночь*, и завтра нам лучше найти палаточный лагерь. Засыпая, я думал о том, что не могу вспомнить цвет автобуса, который чуть не сбил нас с обрыва, но крошечные фиолетовые и зеленые шарики, обрамлявшие лицо водителя, все еще стояли у меня перед глазами.

Между Лосем и едой

Сразу после рассвета нас разбудил *бах-бах-бах-бах!* – кто-то сильно хлопал рукой по боку автобуса, разрывая тишину в рассветном воздухе. Несколько секунд тишина, и снова – *бах-бах-бах-бах!* Лось пробормотал что-то неразборчивое с точки зрения любого языка. Москитная сетка поднялась посередине, и мы увидели серьезного вида мужчину средних лет в накрахмаленной синей рубашке и черных брюках, с эмблемой «Фольксваген» на одном кармане рубашки и вышитой нашивкой *Roberto Nueves, Administrador de Auto Servicio* на другом. Нам троим понадобилось мгновение, чтобы собраться с мыслями и вспомнить, где мы и для чего мы оказались здесь.

В течение следующих нескольких минут менеджер по обслуживанию терпеливо слушал ломаный испанский Лося. Когда Роберто увидел масляное пятно на задней части автобуса, он понял, что мы кое-как добрались сюда, стартовав немного севернее Сан-Квентина и поливая дорогу маслом на протяжении почти тысячи трехсот километров. Мне показалось забавным, что он не спросил, почему мы не вернулись в Тихуану. Или, еще лучше, домой, в Сан-Диего.

Роберто просто сиял от радости, что мы так усердно боролись, чтобы добраться до *его* сервисного центра, и теперь *он* собирался стать героем и спасти положение! Как только он полностью переварил тот факт, что мы потратили тридцать восемь литров масла, чтобы добраться до его гаража, он поднял руку:

– Un momentito, por favor.

Механики начали приходить на работу группами по двое и трое. Роберто подзывал каждую прибывшую группу и взволнованным тоном рассказывал им нашу историю. В понимании языка не было необходимости. Когда он дошел до части о тридцати восьми литрах масла и последних 1300 километрах нашего путешествия, округлившиеся глаза рабочих, качающиеся головы и смех говорили ярче всяких слов. Лось вытащил около десяти своих порножурналов, отдал два из них Роберто и с его согласия раздал остальные механикам, собравшимся вокруг нас.

После обязательной бумажной работы наш новый лучший друг Роберто спросил нас, где мы остановимся, потому что он ожидал, что ремонт займет весь сегодняшний и завтрашний дни, и он не мог позволить нам ночевать у дилерского центра еще одну ночь.

Черт, мы вытащили двигатель, разобрали его на части, собрали обратно и поставили на место менее чем за девяносто минут… в темноте, посреди пустыни, без домкрата! А им нужно почти два дня! Что ж, по крайней мере, все будет отремонтировано с использованием нужных деталей.

Поскольку мы понятия не имели, куда идти, Роберто велел нам погрузить наше снаряжение в кузов его пикапа и отвез нас на окраину города, в место, которое он назвал «разрешенным кемпингом». На самом деле это было больше похоже на пыльную парковку, окруженную с трех сторон колючей проволокой, чем на палаточный лагерь. На парковке стояли шесть или семь старых туристических трейлеров, несколько ветхих сараев и два небольших укрытия из гофрированной жести, которые выглядели так, словно их возвели для скота. Электричества не было, проточной воды тоже. Одинокий мобильный туалет стоял примерно в пятидесяти метрах от ближайшего трейлера, за щелью в заборе из колючей проволоки.

Боже, мне не терпится свалить туда, в послеполуденную жару!

Крошечный, сморщенный от солнца старичок, одетый лишь в выцветшие черные плавки и пару потрепанных резиновых шлепанцев, вышел из трейлера. После короткого разговора с Роберто он указал на одно из двух укрытий с жестяной крышей и поднял три пальца. Роберто сказал что-то Лосю по-испански, и Лось повернулся к нам:

– Он хочет по доллару за ночь.

Все посмотрели на меня, поэтому я достал из кармана три купюры и передал их нашему хозяину. Он сложил их несколько раз, засунул их за пояс и исчез в своем маленьком трейлере, дважды хлопнув дверью, чтобы запереть ее на задвижку.

С широкой улыбкой, пафосным взмахом руки Роберто указал на наше жестяное укрытие.

– *Tu casa*, – ободряюще сказал он, пообещав, что приедет за нами, как только ремонт будет завершен.

На часах было лишь девять утра, а в тени уже было под сорок градусов жары. Брошенные в этой глуши, мы беспомощно смотрели, как Роберто уезжает.

Жеребец поставил свою кровать; мы же с Лосем делали все возможное, чтобы очистить от камней, сорняков и колючек участок земли, достаточно большой, чтобы мы могли устроиться там на ночь. Время от времени большой красный муравей пробирался по плотно утрамбованной земле в поисках чего-нибудь, о чем можно предупредить колонию. Эскадрилья мух патрулировали воздух над головой четко очерченными

угловатыми узорами, укрываясь от прямых солнечных лучей.

– Эй, Оптерс, каково это – не спать на твоей большой старой кровати, сделанной на заказ? Держу пари, моя кроватка сейчас тебе очень нравится, а?

– Да, Жеребец, как скажешь. Завтра я вернусь в свою постель, а ты все еще будешь лежать на своей дурацкой койке.

– А ты, Лось? Не жалеешь, что у тебя не хватило ума взять складную кровать? Как там поживают муравьи?

– Пошел ты со своей кроваткой. Я измажу тебя козявками, как только ты уснешь, и тогда мы посмотрим, кто больше нравится муравьям, – с этими словами Лось повернулся на бок и выпустил длинный громкий «пук» в сторону Жеребца.

Я буду держаться подальше от этой стычки.

Ответный удар последовал примерно через пять секунд, когда первая волна ароматического нападения Лося достигла Жеребца. Одним движением он поднес руку к лицу, вытянул ноги и, напрягшись, выпрямился на своей драгоценной раскладушке из армейского магазина. Последовавший за этим звук был похож на то, как будто быстро расстегнули длинную молнию, когда старая материя под ним порвалась, и Жеребец упал на землю.

Я не думаю, что когда-либо в жизни так сильно смеялся. Лось пускал слюни и смеялся до слез. Ни один из нас не смог закончить предложение. Через несколько минут мы уже держались за животы, чтобы унять боль. Жеребец больше не произнес ни слова до конца дня. Он отказался признать поражение, вместо этого задвинув сначала один, а затем второй холодильник под края разорванной койки, а потом переложил свою кровать на них. Я ревниво берег свою пленку, чтобы увековечить наши эскапады в Ла-Тикле, но, не в силах устоять перед этим эпохальным моментом, заснял Жеребца на его импровизированной койке. Это, черт возьми, было слишком смешно, чтобы пройти мимо! Я задремал, чувствуя себя так, словно только что сделал сотню приседаний.

С приближением заката Лось разбудил нас обоих:

– Оптерс, убери москитную сетку. Жеребец, оторви свою задницу от холодильников, чтобы я мог что-нибудь поесть.

Жеребец приподнялся на локте – затем застыл на месте – прежде чем *очень медленно* лечь на спину. Он прошептал:

– Я не могу встать прямо сейчас. Мне нужна помощь. Иди сюда. Помоги мне. Кто-нибудь, черт возьми, помогите мне!

– Давай, Жеребец! Я голоден, и мне нужно что-нибудь съесть! Свали с этих гребаных сундуков! – проревел в ответ Лось.

Какая прелесть.

– С-с-скорпион.

Вот тогда-то мы и увидели его. Огромный скорпион устроился возле пупка Жеребца, и его длинный хвост и устрашающее жало угрожающе изогнулись над ним.

Я испугался за Жеребца.

– Не двигайся! Он выглядит взбешенным!

Лось выбрал несколько иную тактику.

– Видишь, что ты наделал, Жеребец? Карма отплачивает тебе за все то дерьмо, которое ты нам наговорил о том, что ты умнее, взяв раскладушку, и все такое. Это космическая расплата в мексиканском стиле.

Теперь он заделался философом?

– Что нам делать, Лось? – Я понятия не имел, с чего начать. – Может быть, если ты останешься на месте, Жеребец, он отползет.

– Нет, ты должен действовать. Быстро перевернись на бок, и он сразу же скатится.

Все правильно, Лось. До того момента, когда он вонзит эту боеголовку в плоть Жеребца, чтобы удержаться на ногах.

Прошла минута, пока мы все смотрели на скорпиона. Жеребец вспотел, как свинья, и немного побледнел. Наконец Лось достал из сумки пачку спичек, вытащил одну, зажег ее и бросил в сторону Жеребца.

– Какого хрена? Что ты делаешь?! Из-за тебя его убьют!

Лось ничего не сказал и даже не посмотрел на меня. Он просто достал еще одну спичку, чиркнул ею и – пока она все еще горела – бросил ее на голую грудь Жеребца.

Проблему ведь можно и усугубить!

В мгновение ока Жеребец метнулся в сторону и резко выпрямился. Скорпион упал на рыхлую почву; Лось раздавил его до смерти своей сандалией и – без паузы – вытащил холодильник и открыл крышку. Стойкий запах сгоревших волос на груди – вот и все, что напоминало о произошедшем.

Лось заговорил первым, хотя и с половиной тортильи во рту.

– Послушай, Жеребец. Либо тебя ужалили бы, либо нет. Мне нужно было поесть, и пришлось выяснить, чем все обернется.

Вау. Молю небеса, чтобы никогда не стать препятствием между Лосем и едой.

Жеребец почти ничего не говорил весь остаток вечера. Я не уверен, продолжал ли он дуться из-за раскладушки, пребывал в шоке или просто боялся показаться слабым, если заговорит об этом. С другой стороны, мы с Лосем не могли говорить ни о чем другом. Насмешки Жеребца… Ядовитый пук Лося… Разрыв раскладушки… Ремонт с помощью холодильников… Скорпион… Спички… Участок ярко-красной кожи без волос размером с четвертак, который Лось окрестил «третьим соском Жеребца». Мы

рассказывали и пересказывали эту историю до самого вечера, снова и снова смеясь над одними и теми же глупостями.

Может быть, это из-за того, что мы с Лосем сблизились? Стали приятелями? Боже, надеюсь, что нет. Я просто хотел стать «крутым». Я не собирался становиться его приятелем, и у меня, конечно, не было желания прославиться как сообщник разыскиваемого преступника.

К полудню следующего дня мы собрали вещи, готовясь к тому, что Роберто приедет за нами. В безделье мы сидели и потели под рифленой жестяной крышей. (Удивительно, как сознание и подсознание могут влиять на основные функции организма. Ни у кого из нас не было ни малейшего желания пользоваться мобильным туалетом на краю лагеря. Мы вполне могли потерпеть, пока не доберемся до туалетов с кондиционерами в дилерском центре.) Так прошло несколько часов. Мы вспотели так сильно, что я был уверен, что к вечеру у нас закончится питьевая вода. И что мы будем делать тогда?

Тик-тик-тик-тик, секундная стрелка тащилась по циферблату моих часов. Я постоянно проверял и перепроверял время; минуты и часы мучительно медленно сменяли друг друга. День тянулся и тянулся. Мы почти не разговаривали друг с другом, предпочитая молча страдать, чем обсуждать свои проблемы.

Если бы мне не было так ужасно жарко – и я не был бы так обезвожен – я бы на самом деле расплакался от эмоций, когда Роберто и его прекрасный грузовик показались на горизонте, чтобы забрать нас из этой адской дыры. По всей видимости, он выучил несколько слов по-английски и крикнул нам:

– *Hola*, друзья мои! Как провели время?

– Мой автобус готов? – выпалил я в ответ, не желая задерживаться ни на минуту по пути обратно к цивилизации.

– Sí. Esta completo.

Слово «да», должно быть, не входило в утренний урок английского языка.

Мы погрузили наше снаряжение в его пикап, не дожидаясь, когда он предложит, и направились обратно в сервисный центр. Лось попытался завести разговор с Роберто, но жара, недостаточное знание языка и ухабистые дороги делали общение практически невозможным.

Можно было подумать, что автобус выставляется на продажу. Припаркованный прямо перед дилерским центром, он блестел на солнце, когда мы въехали на стоянку. Я был в шоке от того, как хорошо он выглядел. Они начистили и отполировали все внутри и снаружи, натерли воском, вымыли окна, обработали шины и отполировали хром. Около дюжины механиков, продавцов,

посыльных и офисных работников стояли вокруг. Сложно сказать, что в тот момент было более впечатляющим: мой автобус, собрание или вдохновенное выражение лица Роберто. Его подбородок был поднят, плечи расправлены, грудь гордо выпячена. Момент его славы – перед его командой и сотрудниками дилерского центра – выглядел просто потрясающе. Для мужчин (и двух женщин) это было поводом светиться от гордости за то, что они оказали нам услугу. Мы обнялись и пожали руки всем присутствующим. Улыбки не сходили с лиц. Языковой барьер не был проблемой. Мы в тот момент все были одно целое, с одной миссией. Я был буквально в шоке.

Наш счет составил чуть больше девяноста долларов за все. Кто-то из офиса достал старый «Полароид», и мы попозировали для двух фотографий. На первой были запечатлены мы, трое гринго, и наш автобус, на второй – все, кто стоял в два ряда перед ним. Ну а я? Я был растроган до глубины души, настолько, что у меня возник комок в горле. Эти люди бескорыстно отдали себя, чтобы помочь незнакомцам, попавшим в беду. Это была чистая и искренняя доброта – так плохо знакомая мне, – которую сложно понять. Они по-настоящему *любили* нас.

Никогда не садитесь за руль ночью

В тот вечер, когда мы направлялись на юг из Ла-Паса в сторону Кабо-Сан-Лукас, я не мог перестать думать о неоднократных предупреждениях не ездить по шоссе после наступления темноты. Но мы уже потеряли так много времени, что, если бы перестали двигаться, пропустили бы еще одно отправление парома на материк.

Единственный яркий внедорожный прожектор находился на запасном колесе, установленном на передней части автобуса. Когда он был включен, в темноте мы напоминали приближающийся товарный поезд. К сожалению, обычные фары были тусклыми, так что мы не могли безопасно ехать на приличной скорости, видеть достаточно далеко перед собой – и при этом избежать аварии, если что-то выскочит из темноты. Поэтому мы поступили так, как было безопаснее *для нас*. Мы решили вообще не выключать прожектор. Все, с кем мы встречались на дороге, мигали фарами, сигналили или кричали нам вслед. Мы были угрозой на дороге, но не могли поступить иначе: ехать медленно значило пропустить паром. Из источника вечной благодарности, коим мы были в дилерском центре «Фольксваген», мы превратились в «мерзких американцев» за время, меньшее, чем требуется для просмотра фильма. Но мы старались.

Прожектор отбрасывал характерный и четко очерченный широкоугольный луч. Он освещал большое пространство по горизонтали, но был чрезвычайно мал в высоту. Чтобы заставить его светить достаточно далеко вниз по дороге, чтобы это имело хоть какой-то смысл, свет надо направить так, чтобы у него был четкий верхний «горизонт» (на уровне нижней части лобового стекла), и таким образом неприлично ярко освещать шоссе, зажатое между ним и темнотой под бампером. С каждым ухабом на дороге освещение менялось с дезориентирующей внезапностью и так же быстро возвращалось в нормальное состояние.

Один особенно длинный участок дороги пересекал пустынный ландшафт, часто размываемый сезонными штормами, которые мексиканцы называют *арройос*. Дорога погружалась на пару метров в высохшие русла ручьев, пересекала дно и снова выходила на пустынную равнину с другой стороны. Поскольку наш прожектор обычно не освещал такие провалы до последнего момента, это привело к некоторым очень внезапным и нервирующим эпизодам, в результате чего мы несколько раз получали «время в полете». Во время спуска прожектор светил

вниз (буквально делая нас слепыми к тому, что лежало более чем в нескольких метрах впереди), пока мы не достигали дна, вернувшись в горизонтальное положение. Когда мы выезжали (поднимаясь с другой стороны), свет бил в небо, на несколько секунд лишая нас возможности видеть дорогу впереди, пока мы не достигали вершины склона.

Мы проехали около дюжины таких русел, после чего начались несколько километров ровной дороги. Мы начали потихоньку расслабляться и обсуждать то, через что нам уже пришлось пройти. Разговор крутился в основном вокруг того, как дерьмово все шло до сих пор. Мы жаловались на поломку и задержку. Я ворчал по поводу местных в Санта-Розалии; людей, неспособных или не желающих понять, что мы нуждаемся в моторном масле, *даже* если я говорил неправильно. Лось ныл, что пропустил первый паром в Пуэрто-Вальярту, и совершенно ясно дал понять, что нам придется здорово поплатиться, если мы вовремя не успеем на следующий рейс. Трудно было не испытывать нетерпения из-за того, что мы все еще находились в пути. О непостижимом проявлении любви и поддержки от сотрудников дилерского центра, о том *подарке*, который мы получили всего несколько часов назад, уже никто не вспоминал.

Внезапно дорога ушла вниз в самое глубокое из всех русел. Свет прожектора упал вниз, делая нас неспособными различить что-либо впереди в течение пары секунд. Достигнув дна, мы выровнялись, и луч света наконец поднялся, чтобы мы смогли увидеть дорогу впереди. Стадо скота выскочило из темноты прямо перед нами. Я ударил по тормозам, и мы начали скользить, не замедляя хода, прямо на стадо. Первобытный ужас отразился в сотне пар глаз. Словно призрачные иллюзии, одна за другой, одна за другой, коровы проносились мимо нас по обеим сторонам автобуса. Стадо расступилось, как Красное море перед Моисеем, когда мы неслись сквозь него, и наша скорость едва ли уменьшилась на рыхлом гравии. Тридцать, сорок, пятьдесят метров. Мы скользили, скользили и скользили. Внезапно мы добрались до другой стороны русла и выскочили – вернувшись на ровное шоссе – из стада. Перед нами открылось совершенно чистое и открытое шоссе. Все было так, как будто ничего не случилось. Галлюцинация. Дурной сон. Старт с трамплина – двадцать секунд хаоса и паники – снова взлет – и всё.

Сообщение получено. Ты всего лишь пылинка на космическом ветру. Приди уже в себя.

Два лучших двигателя

Кабо-Сан-Лукас был сонным маленьким рыбацким городком, и найти пристань для яхт было нетрудно. Около сорока небольших судов были пришвартованы с одной стороны явно мелководной бухты. Оказалось, что в тот момент шло масштабное расширение небольшой гавани. Два бульдозера сталкивали груды плодородной на вид красной почвы к живым изгородям вдоль кромки воды. Кран несколько раз опускал в воду большой потрепанный, проржавевший желтый ковш, прежде чем протащить его вдоль каменного причала, отмечавшего вход в рукотворный порт. Казалось, он не извлекал из воды ничего твердого, поэтому я предположил, что он просто выкапывал песок и ссыпал его вдоль причала.

Паром оказался намного больше, чем я себе представлял. Хотя я никогда не видел ни одного в реальной жизни, я предположил, что круизные лайнеры, вероятно, были ненамного больше этой штуки. Всевозможные легковые автомобили, фургоны, автобусы и грузовики выстроились на мощеной полосе вдоль набережной, готовые погрузиться в трюм корабля для ночного плавания в Пуэрто-Вальярту. В конце, где переулок приближался к передней части парома, пирс выступал навстречу полностью открытому, откидному носу корабля. Вся эта картина была похожа на поднятую к небу челюсть огромной акулы, которая сейчас проглотит ничего не подозревающую добычу.

Измотанные ночной поездкой, мы все же испытывали облегчение от того, что у нас оставался почти час до загрузки автомобиля. Мы встали в очередь за фурой, и за нами быстро пристроился еще один большой тягач с прицепом. Тощий парень в синем комбинезоне, с несколькими папками с документами в руках, подошел и протянул мне несколько бумаг для заполнения. К счастью, под каждым пунктом был английский перевод. Нужно было заполнить стандартные пункты: марка, модель, страна регистрации, номер автомобиля, имя владельца, тип груза на борту и так далее. Сотрудник порта дал понять, что только водитель может остаться с автомобилем, поэтому, пока я заполнял документы и ждал загрузки, Лось и Жеребец пошли в кассу купить билеты на нас троих и автобус.

Было немного странно спускаться по трапу и въезжать в похожий на пещеру корпус корабля. Наверное, я никогда не думал о своем автобусе как о *крошечном*, но среди автобусов и грузовиков 1DRBUS казался детской игрушкой. Тощий парень в комбинезоне махал мне рукой, пока запасное колесо,

установленное над моим передним бампером, буквально не поцеловало край тракторного прицепа впереди. Я немного посидел на водительском сиденье, и тут тусклый свет в корпусе корабля погас, заслоненный огромным тягачом размером с Годзиллу, который прижимался к моему заднему бамперу. В моем зеркале виднелась только угрожающе большая табличка с надписью VOLVO во все заднее окно автобуса. Характерный звук (*фссссшшат!*) пневматических тормозов увенчал этот момент.

Ха, я не знал, что «Вольво» производит грузовики. Это обнадеживает. У них наверняка хорошие стояночные тормоза.

После быстрой проверки салона на предмет забытых вещей я выскочил и закрыл дверь, оставив ключи в замке зажигания. Я был немного удивлен тем, что во всех документах написано об этом ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ. При каких же это обстоятельствах им нужно выгонять вашу машину из парома без вас? Вы не завершили поездку, но ваша машина завершила? М-да, о таком лучше не думать.

Отступив назад, чтобы лучше рассмотреть свой автобус, я подумал, что он со своим «загаром» цвета ликера «Айриш крим» и с колесами цвета темного пива напоминает прокладку между двумя большими тягачами. Я боялся, что ему суждено принять на себя неизбежный удар, когда та или иная фура вырвется на свободу и ликвидирует зазор между ними.

Путь из трюма был извилистым, напоминая какую-то разбойничью тропу. Лестницы были похожи на приставные, проходы были узкими и плохо освещались. Двумя пролетами выше я столкнулся с еще одним членом экипажа, одетым в комбинезон, на этот раз идущим в другом направлении. Нам двоим пришлось повернуться боком и прижаться спинами к противоположным стенам, чтобы пройти; если бы один из нас нес сумку или чемодан, места бы не хватило. В душном трюме воняло дизельными выхлопами, шинами и смазкой. Подняв глаза и увидев голубое небо, я ощутил буквально физическую тягу к свежему воздуху.

Оказавшись наверху, я разыскал парней в баре на корме. Каким-то образом они уже быстро подружились с англоговорящей парой, приехавшей в отпуск из Швеции, и та вскоре уже покупала напитки на пятерых. Машины под палубой у шведов не было. Они путешествовали как наиболее типичные туристы, на самолетах, поездах и арендованных автомобилях. Я начал рассказывать им о приключении, связанном с загрузкой моего автобуса внизу, но быстро понял: этот разговор должен был быть посвящен им и чудесам жизни в Швеции.

Все в порядке. Они покупают выпивку.

Примерно через час по толпе на кормовой палубе пробежал тревожный слух. Где-то между нами и тем местом, куда мы направлялись, был ураган. Это быстро стало единственной темой разговора.

– Интересно, будет ли отменен выход в море, – спросила шведка.

Все взгляды обратились к Лосю в поисках ответа.

– Нет, они не посмеют. Они ничего не выиграют, оставаясь здесь и тратя время впустую.

Точно, Лось. За исключением, может быть, того, что паром не потонет. Вот ради чего он мог бы остаться в порту.

Система оповещения корабля ожила, и человек, представившийся капитаном корабля, заявил, что будет обращаться к нам по-испански, а затем повторять все по-английски. Я понял пару слов из первого объявления, но не уловил, говорил ли он, что мы остаемся, или демонстративно заявлял, что нас ничто не остановит. Он закончил с веселым возгласом: «Gracias por su atención»[26].

После нескольких секунд молчания капитан заговорил снова, на этот раз на безупречном английском.

– Друзья мои, это капитан вашего корабля. Многие из вас, без сомнения, слышали разговоры о шторме, который недавно перерос в ураган над океаном к западу от Пуэрто-Вальярты. Океанские штормы довольно типичны для этой области с конца лета до начала осени, и мы хорошо знакомы с ними. Если это недостаточно вас успокаивает, то мы только что вернулись с верфей в Масатлане, где нас оснастили двумя самыми передовыми и мощными дизельными установками, когда-либо использовавшимися на судне такого размера. Мы абсолютно уверены, что нам не составит труда обойти ураган и прибыть в Пуэрто-Вальярту по расписанию. Однако из-за шторма нас может ждать немного более сильная качка, чем обычно. Это не представляет опасности ни для пассажиров, ни для судна, но может сделать часть нашего плавания неприятной для людей, подверженных морской болезни. Поэтому, если кто-то решит высадиться сейчас и сесть на следующий паром, отправление которого запланировано на послезавтра, вы можете сделать это без штрафных санкций. К сожалению, для тех, у кого есть транспортное средство на борту, мы не можем вернуть его вам в настоящее время. Оно будет храниться на охраняемом складе в Пуэрто-Вальярте до вашего прибытия в конце недели. Все желающие высадиться сейчас и дождаться следующего парома, пожалуйста, сообщите об этом члену экипажа. Спасибо за внимание.

– Видите, ребята? Не о чем беспокоиться, – сказал Лось, расплываясь в улыбке Чеширского кота.

А что насчет меня? О, вот у меня был целый список вещей, о которых нам стоило беспокоиться! Вы что, издеваетесь? Мы собираемся проскользнуть мимо урагана в открытом океане? «Немного более сильная качка, чем обычно»? Конечно, я могу остаться, если захочу, но при этом моя машина поедет в Пуэрто-Вальярту без меня? Каковы шансы, что Лось и Жеребец будут ждать меня в Пуэрто-Вальярте? Черт, я так и вижу себя на охраняемой стоянке озирающимся в поисках автобуса, который к тому времени будет в тысяче миль к югу, на пляже в Ла-Тикле. Дерьмо собачье. Все варианты были довольно паршивыми. Ну что ж, делать нечего.

– Звучит здорово! Давайте возьмем еще по стаканчику и выпьем за грядущее приключение.

– Да, Лось. Давайте выпьем за приключение, ак-ак-ак-ак.

Пожалуйста, Жеребец. Не сейчас. Сейчас не время играть в «Трех балбесов» в морском круизе. Это безумие, и ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Мы заказали еще по одной порции, но на этот раз шведы отказались и сказали, что им нужно поговорить наедине.

– Ну, Оптерс, похоже, этот раунд за твой счет. Ты говоришь тост.

Потрясающе. Спасибо, Жеребец.

Мы произнесли дурацкий тост и чокнулись пластиковыми стаканчиками, прежде чем залпом выпить. Я пил «отвертку», потому что действительно не знал, что еще можно попросить кроме нее и пива. Разговор вскоре вернулся к серфингу и материку, когда зазвучал корабельный гудок и мы отчалили от причала. Огромный корабль затмевал все остальное на пристани, медленно продвигаясь назад – к нашему выходу в открытый океан. Капитану корабля, по-видимому, было неудобно пытаться развернуть огромный паром в узком канале, поэтому мы собирались пройти его задним ходом. Приближаясь к тому месту, где кран ранее таскал ковш по краю причала, странная дрожь и глухое *стук-стук-стук-стук-стук-стук* послышались во внутренностях корабля под нашими ногами.

– Что, черт возьми, это было? – риторически воскликнул я.

– Расслабься, Оптерс. Они, наверное, просто переключают передачи.

Ага, Лось. Новые двигатели и старая дерьмовая коробка передач. Капитан, вероятно, недостаточно сильно нажал на педаль сцепления.

Корабль немного замедлил ход, но продолжал пятиться к

краю причала. Капитан развернул нас на 180 градусов – и направил прямо на юг, в открытую воду, – а потом остановился. Казалось, бóльшая часть членов экипажа суетились с озабоченными выражениями на лицах. Двигатели смолкли. Единственное, четко очерченное, темно-черное кольцо дыма поднималось из основной трубы.

– Мы уже на месте? Ак-ак-ак-ак.

– Да, будем с минуты на минуту, Жеребец. Хотя я должен был признать, что это было забавно. Помогло снять напряжение.

Система оповещения снова ожила:

– Друзья мои, это ваш капитан. Похоже, из-за работ в гавани на нашем пути возникло неотмеченное подводное препятствие. К счастью, мы лишь слегка задели его, и осмотр не показал никаких повреждений. К сожалению, мы решили, что лучше всего прекратить использование одного из наших двигателей из-за возможности того, что один из винтов был слегка согнут, когда ударился о препятствие. Тем не менее вы можете быть уверены, что мы в полной мере используем оставшийся двигатель и винт. И поскольку это один из самых современных и мощных дизельных двигателей, когда-либо использовавшихся на судне такого размера, мы уверены, что больше не будем испытывать задержек. Спасибо за внимание.

Э-э, подождите-ка. Вы не забыли ту часть сообщения о возможности подождать следующего парома? Теперь нам нужно не только проскользнуть мимо урагана, но и сделать это только с одним из двух работающих двигателей? Неужели мексиканские авиалинии вытворяют такое же дерьмо? «Э-э, добро пожаловать на борт нашего самолета сегодня, дамы и господа. У нас есть только один работающий двигатель для этого рейса, но не волнуйтесь, потому что на прошлой неделе мы проверили щуп, и в нем было много масла». Я хочу свалить отсюда.

– В чем дело, Оптерс? Ты выглядишь так, словно увидел привидение.

– В чем дело?! Ты что, мать твою, издеваешься надо мной? Нам крышка. Вот в чем, черт возьми, дело! Я хочу свалить отсюда.

Как раз в этот момент труба изрыгнула новый клуб черного дыма, и оставшийся работоспособный двигатель с грохотом ожил.

– Слишком поздно хныкать, Оптерс. Мы на пути на материк. Почему бы тебе не взять еще одну «отвертку», не расслабиться и не насладиться поездкой?

Хотел бы я не бояться Лося в тот момент. Я бы с удовольствием выбросил его за борт прямо там. Меня ощутимо тошнило, и не думаю, что из-за «отвертки».

Они вдвоем ушли, оставив меня наедине с собой – вероятно,

лучшее, что они могли сделать прямо сейчас. Я прислонился к перилам и посмотрел на воду. За кормой шел только один след от винта. Кабо довольно быстро исчезал вдали, так что, возможно, мы все-таки двигались нормально. Через несколько минут во всех направлениях был виден только океан. Такое я видел впервые, и это вызвало во мне неоднозначные эмоции. Да, ощущение приключения. Но прежде всего – чувство страха перед тем, что может лежать перед нами. Океан казался невероятно огромным. Я размышлял о том, какая глубина сейчас под нами.

Я видел последствия урагана «Камилла» на фотографиях и по телевизору. Он с ревом выбросился на берег между Новым Орлеаном и Мобилом, штат Алабама, в 1969 году. Я отчетливо помню, как моя мама прильнула к радио и с большим волнением и слезами слушала репортажи, потому что ее лучшая подруга жила в маленьком городке прямо на пути «Камиллы». Подруга выжила, но дом ее был уничтожен. В лесах на протяжении многих километров огромные деревья были переломаны пополам. Это выглядело так, как будто по лесу прошлись исполинской косилкой, повалив деревья, словно высокую траву. Пирсы и верфи были стерты с лица Земли. Эти сцены возникли в моем воображении, когда я прислонился к перилам и смотрел, как солнце исчезает за горизонтом.

Я нашел парней у стойки с закусками в передней части корабля. У каждого из них была тарелка с нарезанной свининой, рисом, бобами и тортильями. Я взял свою тарелку, и мы поели так, словно не видели еды целую неделю. Каждый из нас выпил по бутылке пива прежде чем решил, что пора заканчивать.

Наша каюта была достаточно большой, чтобы вместить два параллельных ряда коек, прикрепленных к противоположным стенам. В углу, в дальнем конце помещения, была небольшая ниша, в которой находились туалет, умывальник и некое подобие душа. Душ не вместил бы Лося целиком, а для меня, хоть я и был достаточно худым, он был сантиметров на десять ниже, чем надо. Тем не менее это все же был душ, а никто из нас не мылся уже несколько дней. Мы сделали все возможное, чтобы привести себя в порядок, и легли спать.

Казалось, прошло всего несколько минут, прежде чем нас (и предположительно всех в радиусе нескольких километров) разбудил неприятно громкий сигнал – нарастающий и затихающий – непрерывно гудящий около двух минут. В репродукторах раздался голос капитана:

– Добрый вечер, друзья мои. Мы сожалеем, что разбудили вас в такой поздний час. Нам сообщили, что нашему шторму присвоено имя «Норман». «Норман» неожиданно усилился,

превратившись в ураган 4-й категории, но также изменил свой курс немного дальше в море. К счастью, центр шторма по прогнозам пройдет сегодня вечером примерно в ста десяти километрах к западу от нашего запланированного маршрута. Однако мы столкнемся с более сильной стороной приближающегося урагана, и, возможно, нам придется время от времени приближаться к нему, чтобы справиться с большими волнами и сильными порывами ветра, ожидаемыми в ближайшие часы. В связи с этим мы требуем, чтобы все оставались под палубами и не выходили на открытые места на этом судне – вне зависимости от причин – до получения дальнейших указаний. Это ограничение будет действовать в течение нескольких часов. Спасибо за понимание.

По ходу нашего путешествия мы могли чувствовать, как корабль поднимается и опускается на волнах, но быстро привыкли к движению и не придавали этому особого значения. Теперь же корабль *целенаправленно* вздымался, резко взмывая вверх на счет шесть или восемь, а затем снова падал. Мокрое полотенце Лося, подвешенное на единственном крючке на задней двери нашей каюты, служило эффектной иллюстрацией того, насколько сильно мы наклонялись вверх или вниз. Я предположил, что общее отклонение составляло около пятнадцати градусов от высшей до низшей точки, и попытался прикинуть, на сколько метров поднимались и опускались нос и корма.

– Эй, Жеребец, как ты думаешь, какой длины этот паром?

– А что?

– Я думаю, что смогу определить, насколько велики волны, используя полотенце Лося в качестве отвеса.

Боже, почему я звучу как Пойндекстер[27]*? Ладно, плевать. Я хочу знать. Кроме того, я чувствую легкую тошноту, и это может отвлечь меня.*

– А, понятно. Я видел открытку с изображением парома в кафе. По-моему, там говорилось, что он длиной сто шестьдесят метров или что-то в этом роде.

Ладно, придется работать с тем, что есть. Давайте посчитаем… Тридцать девять дюймов на метр, разделим на двенадцать…

– Чуть больше ста пятидесяти метров.

– Черт, Оптерс. Тебе следовало бы стать астронавтом.

О, если бы…

– Спасибо, Лось.

Математика – это просто. Теперь перейдем к геометрии. Я ненавижу геометрию. Для этой части мне понадобится бумага.

– Эй, ребята, вы не знаете, находимся ли мы ближе к середине корабля или к одному из краев?

Пустые взгляды и пожатие плечами.

– В середине?

– Спасибо, Жеребец. Я учту это.

На самом деле я не совсем уверен, что это имеет значение. *Ненавижу геометрию.*

Я умножал и делил, делал грубые рисунки, строчил и стирал. После нескольких попыток я дважды получил один и тот же ответ.

– Хорошо, я думаю, что если мы используем полотенце, чтобы узнать угол наклона, мы сможем более или менее точно выяснить, насколько велики волны. В нашем случае я думаю, что нос корабля поднимается и опускается примерно на полтора метра на каждый градус.

– Так что же это значит для нас, Мистер Волшебник? Ак-ак-ак-ак.

– Это означает, что от нижней части впадины до гребня следующей волны будет около полутора метров, умноженных на то, на сколько градусов отклоняется полотенце. Я предполагаю, что сейчас это примерно пятнадцать градусов, так что получается, что высота волны составляет половину от полутора, умноженных на пятнадцать, то есть примерно одиннадцать метров.

– Почему половину, Оптерс?

Самая умная вещь, которую я слышал от Лося за всю поездку.

– Потому что, как и в серфинге, вы измеряете высоту волны сзади, а не из впадины перед ней. Обычно это примерно половина, так что я использую такие расчеты.

Прямо в тот момент корабль опустился вниз после особенно долгого подъема, и это было похоже на падение лифта, но с длинным плавным поворотом влево.

Мой желудок долго не протянет, если так пойдет и дальше.

– Насколько большой была эта, Оптерс?

– Я не смотрел на полотенце, Жеребец. – На самом деле мои глаза были закрыты, когда я боролся с желанием блевануть. – Просто умножьте градусы на полтора и разделите на два. Или сначала разделите, потом умножьте. Ответ будет один. Мне нужно прилечь.

– Откуда ты все это знаешь, Оптерс?

Должно быть, этому не учили в колонии для несовершеннолетних…

К этому времени я уже хватался за живот и глубоко дышал, чтобы не потерять свой ужин.

– Представь, что это пицца «Ла Белла», Лось. – Я был уверен, что это то, что он легко может себе представить. – Вся пицца – это

триста шестьдесят градусов. Разрежь ее на четвертинки, и у каждой из них будет угол девяносто градусов. Разрежь одну из четвертей на три части, у каждой из которых будет угол тридцать градусов. Так понятно? Меня сейчас вырвет.

Я бросился в туалет в то же самое время, когда корабль качнулся и сильно накренился на бок, и упал на четвереньки, оказавшись головой в душе. Смесь цвета апельсинового сока из измельченной свинины, обжаренных бобов и «отверток» выплеснулась наружу, забрызгав стену и пол крошечного душа. Корабль накренился еще раз, и я повторил свои действия с той лишь разницей, что на этот раз все пошло еще и через нос и жглось, как огонь.

– Господи, Оптерс! С тобой все в порядке?

– Нет, я, на хрен, умираю здесь, Лось.

Через несколько минут ко мне присоединился Жеребец. Он добрался до туалета и стоял на коленях у меня между ног, опустив голову в унитаз. Я был слишком занят, чтобы обращать на это внимание. Примерно через десять минут он жалобно застонал и взмолился:

– Боже милостивый, пожалуйста, заставь эту, мать ее, лодку перестать болтаться.

Я не думаю, что Бог оценил бы такие обороты в молитве, Жеребец.

После особенно долгого и мучительного подъема, мучительно короткой паузы на гребне, нырка вперед и последующего падения в следующую впадину Лось крикнул:

– Я думаю, что было почти тридцать градусов! Насколько велики сейчас волны, Оптерс?

Серьезно, Лось? Ты хочешь, чтобы я сейчас занялся математикой? Меня сейчас наизнанку вывернет. Блевотина Жеребца забрызгала мне ноги, когда он попытался сесть и его снова стошнило. Ты серьезно хочешь, чтобы я занимался математикой?

– Не важно, я спрошу позже, когда вам, ребята, станет получше. Я тоже все это чувствую, наверное, потому, что тут воняет вашей рвотой.

Прежде чем наконец ответить ему, что волна достигала примерно двадцати метров, я услышал, как дверь нашей каюты распахнулась, и Лося вырвало в проход. Жеребец тоже это услышал и начал смеяться, подняв голову от унитаза и фыркая так сильно, что рвота пузырилась из обеих ноздрей, а слезы катились по его щекам. Мы ужасно страдали от морской болезни. Море становилось все более бурным, и кроме постоянных взлетов и падений нас еще неслабо болтало из стороны в сторону.

Интересно, можно ли от морской болезни умереть? Или,

может быть, вы чувствуете, что это вот-вот произойдет, и просто прыгаете за борт, чтобы побыстрее с этим покончить?

Так продолжалось несколько часов. В конце концов я смог частично встать в душе, уперев локти в бока, прижав колени к одной стене и выгнутую спину к другой. Когда я был почти уверен, что смогу сохранить эту позу, то включил воду, надеясь смыть с себя часть нашей общей рвоты. Брызги размывали слегка переваренный бульон, но только около половины его попадало в канализацию, так как вода выливалась обратно. Я попытался размять наиболее упрямые куски и пропихнуть их через решетку пальцами ног.

Но корабль вдруг накренился так сильно, что я был уверен, что мы перевернемся. Безо всякого предупреждения сильный поток нечистот – рвота, туалетная бумага и вода с фекалиями – вырвался как из туалета, так и из-под душевой, выбив решетку слива. Канализационная система корабля вышла из строя, и ее содержимое плескалось туда-сюда в резервуарах для сточных вод, лишь слегка отставая от ритма качки корабля.

Когда Лось вернулся в каюту из коридора, большая часть ужина уже была на нем. Он добрался до входа в ванную, только чтобы по щиколотку вляпаться в канализационный ил, мчащийся ему навстречу, как прилив на пляже. Увы, это был отнюдь не прилив. Словно его тезка из животного мира, смертельно раненный охотничьей пулей, Лось взревел, повернулся, поскользнулся и упал на пол в тщетной попытке увернуться от неизбежного.

Мы втроем. Братья по несчастью. Настолько униженные и сломленные, насколько это вообще возможно… если не считать смерти.

– Может быть, нам надо было дождаться следующего парома.

Не совсем тот круиз «Трех балбесов», на который ты надеялся, а, Жеребец?

Глава 6. Материк

Бэтмен из джунглей

В конце концов паром добрался до Пуэрто-Вальярты. Нас встретили теплый и безоблачный день, легкий ветерок и великолепные пейзажи. Плавание, которое рекламировали как четырнадцатичасовое, длилось двадцать шесть часов, но, по нашим ощущениям, прошло все сто двадцать шесть. Нам удалось довольно хорошо помыться и прополоскать одежду, но полностью высушить обувь было невозможно. Стояла просто адская влажность. Кроме содовой, мы больше ничего не ели и не пили на пароме. И были слишком слабы, чтобы о чем-либо заботиться – кроме того, чтобы с этого чертова парома поскорее сойти.

Наконец в сумерках я вывел 1DRBUS из трюма корабля, и мы покинули паромную пристань. В очередной раз мы отстали от графика. И снова разминулись с дневным светом. Перед выездом из города мы остановились, чтобы поесть, и еда, казалось, дала нам второе дыхание. Мы решили двинуться вперед и ехать столько, сколько сможем, разбить лагерь до восхода солнца, а затем продолжить движение на юг.

Дорога из Пуэрто-Вальярты на юг вьется через густые тропические джунгли. Некоторые участки растительности настолько густые, что кажется, будто вы едете по влажному темному и окутанному моросью туннелю. После захода солнца путь не просто становится немного пугающим, а погружается в кромешную тьму. Летучие мыши, крысы, скунсы и жабы – единственные проблески жизни в нем.

Уверенные в нашем только что восстановленном двигателе, мы гнали на приличной скорости. Влажный до предела воздух заставлял дворники работать по полной, чтобы я мог отслеживать белую линию, разделяющую дорогу перед нами. Наш яркий прожектор для бездорожья снова был в деле и освещал летучих мышей, которые пролетали достаточно низко (в луче перед нами), прежде чем исчезнуть в темном тумане наверху.

В машине грохотала «Dazed and Confused» «Лед Зеппелин» на полную мощность – бас во вступлении перегружал сабвуфер, заставлял окна вибрировать и переполнял нас эмоциями: ба-ду-ду-ду-ду, ба-ду-ду-ду-ду…

Но со стереосистемой было что-то не так. Я слышал странный жужжащий гул, постоянный и безжалостный, практически действующий на подсознание *стон*. Я нажал кнопку паузы на кассетном плеере, но странный звук не затих вместе с музыкой. Невозможно было сказать, откуда он исходит, но мы чувствовали его на коже и в животе. Он словно окутывал нас.

Ваааууууумммммммм… Ваааууууууммммммм…

Это было что-то потустороннее – и жуткое до глубины души.

– Ну что опять, Оптерс?

– Я не знаю, Лось.

Я рефлекторно убрал ногу с педали газа, и автобус начал замедляться. Мы все обменялись обеспокоенными, но озадаченными взглядами. *Ваааууууууммммммм* постепенно стихало, пока не исчезло совсем.

– Ладно, это было странно. Понятия не имею, что это могло быть, но теперь его нет. Давайте ненадолго оставим стереосистему выключенной.

Коробка передач? Это единственное, на что я мог списать подобный звук. Думаю, что… Черт, я не знаю…

Мы поехали дальше, и через три или четыре минуты тишины я нажал «воспроизведение», и меланхоличный вокал Роберта Планта снова заполнил ночь. Словно по сигналу, как раз в тот момент, когда он вступил после длинной инструментальной партии с «*was created below…*»

Ваааууууумммммммм. Ваааууууууммммммм.

Мать вашу. Это опять оно.

Ваааууууумммммммм. Ваааууууууммммммм.

Я снова нажал на паузу и сбросил газ. Вой снова растворился в ночи.

– Я собираюсь ненадолго отключить музыку, ребят.

– Как скажешь, Оптерс. Этот звук выводит меня из себя.

– Меня тоже, Лось.

Как будто недостаточно того, что мы едем по затянутому туманом туннелю джунглей, а летучие мыши летают и мечутся по нашему пути. Джунгли тоже стонут от нас?

Я понятия не имел, кто или что преследовало нас в тот момент, но этот звук сильно мешал нам думать. Я снова набрал скорость, напряженно прислушиваясь, не подаст ли голос коробка передач. И действительно, на скорости около девяносто километров в час жалобный, дребезжащий стон раздался снова.

Ваааууууумммммммм. Ваааууууууммммммм.

На сей раз, без саундтрека от «Лед Зеппелин», мы выяснили, что источником звука были вентиляционные отверстия на потолке над передними сиденьями. У старых «Сплитти» (автобусов «Фольксваген» с раздельными окнами, выпускавшихся до 1968 года) имеется «бровь», которая на несколько сантиметров выступает над верхней частью лобового стекла. На нижней поверхности есть закрывающиеся отверстия, которые направляют свежий воздух *снаружи* лобового стекла в вентиляционную коробку с заслонкой на потолке *внутри*. Рычаг открывает и

закрывает ее; поворот ручки направляет поток воздуха назад или в стороны. Тяжелый туман струился по ящику более часа, оставляя по пути небольшие капельки влаги, пока тот частично не наполнился водой. На определенной скорости воздух, обдувающий лужу воды внутри коробки, гудел точно так же, как когда вы прикладываете губы к наполовину наполненной бутылке содовой и дуете через ее отверстие. Измените количество жидкости или напор воздуха, и вы измените высоту звука.

Коробка из листового металла усиливала и распространяла звук через потолок таким образом, что казалось, что мы сами могли быть его источником. Каждый раз, когда эта вентиляционная коробка начинала издавать далекий гул, я бессознательно реагировал, отпуская педаль газа и замедляя ход. Вибрация уменьшалась, а затем полностью прекращалась, когда объем воздуха, проходящего через лужу в вентиляционной коробке, падал ниже порога, необходимого для гудения. Но стоило набрать нужную скорость, и *Ваааууууумммммм* возвращался. Как только мы это выяснили, я пару раз повернулся из стороны в сторону, пролив достаточно воды из коробки, чтобы заглушить гул. Наши колени немного промокли, но жуткий вой прекратился.

Мы посмеялись и еще несколько минут подшучивали друг над другом из-за того, что были напуганы таинственным звуком, хотя нас вряд ли можно винить за это. Мы были на темной дождливой и пустынной дороге, населенной только ночными паразитами, заросшей джунглями, полностью закрывающими небо над головой. Это было похоже на фильм ужасов.

Я потянулся к кнопке воспроизведения, но не успел нажать, как – *БАМ!* Из темноты вылетела летучая мышь, и, как невиданных размеров мотылек, шлепнулась о треснувшее лобовое стекло со стороны водителя. К ней, сильно раненной, но еще живой и распластанной, немедленно дернулся дворник, скользнув по тушке и размазав ее по стеклу. Кровавые полосы, растянувшиеся алыми дугами, заполнили мое поле зрения. Дворники работали на полную, ужасное зрелище менялось с каждым их движением: влево-вправо – влево-вправо – влево-вправо, для полноты картины не хватало только душераздирающего крика. Моя левая нога вдавила педаль сцепления в пол, правая перешла с газа на тормоз. Наши шины взвизгнули, когда скорость упала со ста километров в час до нуля, и мы пересекли центральную линию узкой двухполосной дороги.

– Выключи дворники! Может быть, она свалит! – завопил Жеребец.

– Ее мозги разбрызганы по всему гребаному лобовому стеклу! Сама по себе она никуда не свалит.

Если бы мои глаза могли открыться хоть немного шире прямо сейчас, они бы выскочили за брови.

– Убери ее оттуда! – Лось был в бешенстве. – Что, черт возьми, случилось? Как тебе удалось сбить гребаную летучую мышь? У них что, нет *радара* или чего-то в этом роде?

– Да есть у них гребаный радар! Они никогда ни с чем не сталкиваются. Это невозможно!

По крайней мере, так говорится во всех книгах. Как такое могло случиться?

– Мне все равно, как ты ее сбил! Вылезай и убери ее к чертовой матери с окна. Боже! Это путешествие уже про́клято, а ты еще убил гребаного летучего вампира?

Теперь это летучий вампир?

В полном ужасе я медленно открыл дверь и немного высунул голову. Я посмотрел назад, осматривая непроглядно черные джунгли, ожидая, что из темноты выскочит демон. Боясь просто выйти и заняться делом, я прижал дверь к груди, используя ее как щит и трижды проверяя окружающее пространство – вверху, внизу, слева, справа… повторить. Я медленно поставил одну ногу на землю и последний раз осмотрел джунгли позади нас, прежде чем опустить вторую ногу. Жеребец вытянул руку и ткнул пальцем в мою открытую подмышку, думая, что это забавно. В панике я сильно ударился лбом о дверную стойку, мои шорты зацепились за защелку, и я ободрал локоть, нырнув головой назад на свое сиденье.

– Что такое, Оптерс? Увидел привидение? Ак-ак-ак-ак…

Жеребец истерически смеялся, но Лось его не поддержал:

– Прекрати валять дурака и дай ему убрать летучую мышь, Жеребец! Это не смешно!

Я выскользнул как можно осторожнее и поднял дворник. К сожалению, тело летучей мыши намотало на дворник, так что она не могла просто упасть вниз. Используя оставшийся адреналин – от Жеребца, испугавшего меня до чертиков, – я схватил окровавленное крыло и вытащил бедное существо. Оно выскользнуло из пальцев и упало на дорогу у моих ног. Не раздумывая, я вытер руку о футболку, желая избавиться от телесных жидкостей мертвой летучей мыши. Образ Дэна-Оу, вытирающего сопли рукавом, возник в моей памяти. В задницу все это. Я разобрался с летучей мышью, и мы снова были в пути.

Мы помолчали минуту, прежде чем Лось спросил торжественным тоном:

– Что думаете, ребята? Нам крышка? Это должно быть какое-

то предзнаменование, верно?

С отвисшей челюстью, в восторге от его детского признания о том, что он верит в провидение, я повернулся к нему:

– Э-э, да, Лось. Помнишь, как город погрузился во тьму, когда мы завтракали в нашу первую ночь? Как масло текло на протяжении тысячи трехсот километров? Как единственная деталь, которая нужна была для ремонта, отсутствовала в нераспечатанном «Полном комплекте сальников двигателя»? Сотню коров поперек нашего пути в пустыне? Как паром сел на мель в Кабо? Ураган-мать-его-Норман?!! Какое предзнаменование я пропустил, Лось?

– Не волнуйся, Лось. Мы ведь на пути в рай, верно, Оптерс?

Или в ад. Прямо сейчас я не слишком уверен, куда именно.

– Мы будем продолжать ехать так долго, как сможем сегодня вечером. В любом случае я сейчас слишком взбудоражен, чтобы спать. Еще через пару часов будет светло, и тогда мы сможем решить, что делать дальше, хорошо?

А что мы вообще можем сделать? Развернуться и поехать домой? Разбить лагерь здесь, в адских джунглях? Я, мать вашу, так не думаю.

Горсть теплого мороженого

Солнце взошло уже через час, когда мы въехали в первую деревню, достаточно большую, чтобы иметь собственную станцию PEMEX. Водитель грузовика подъехал и вылез из своей машины, очевидно, чтобы размять ноги и выпить кофе. Оказалось, что он знает английский, поэтому я поздоровался.

– Доброе утро.

– Доброе утро! Как дела, ребята? Направляетесь на север или на юг?

– На юг. Мимо Текомана к месту для серфинга под названием Ла-Тикла.

– Ты же знаешь, что мост через реку Остула еще не достроен, верно? Я имею в виду, что он был достроен, но его снова смыло около месяца назад. В третий раз они пытались проложить шоссе через это место, и в третий раз его размыло. Это хреново, потому что мост сэкономил бы мне кучу времени на дорогу, чтобы ехать прямо в Акапулько, а не через чертовы горы.

– Ух ты. Так вы все время ездите по этому маршруту?

– Ага. Акапулько – Пуэрто-Вальярта, Пуэрто-Вальярта – Акапулько. Сегодня возвращаюсь в Пуэрто. На ночевку встал, немного не доехав. Я никогда не езжу по этому последнему участку в темноте. Слишком опасно. Мексиканцы называют его Сельва-де-Куицмала, «Джунгли Куицмала». Я называю его «адом на Земле».

– Да, мы проезжали там прошлой ночью. Жуткое место. Что значит «кути-мала»?»

– Куицмаула. Я практически уверен, что это означает «неприятности», или «беспокойство», или что-то в этом роде.

– Значит, точное значение – «джунгли неприятностей»?

– Ну если не совсем точное, то достаточно близкое. Эти джунгли – дурное место. Там никогда не происходит ничего хорошего. В этих джунглях есть племена индейцев, которые все еще верят в колдунов, черную магию и прочее дерьмо. Больше не ездите там ночью. На этот раз вам, видимо, повезло.

– Хорошо… Спасибо.

– De nada. – Водитель грузовика, заметив мой озадаченный взгляд, добавил: – «De nada» по-испански означает что-то вроде «не за что». Вам это пригодится.

Будучи и так на грани нервного срыва, я решил оставить разговор с дальнобойщиком при себе. Приберегу его на ночь, когда мы будем сидеть у костра на пляже в Ла-Тикле.

Шоссе вело нас по восточной стороне оживленного

прибрежного города Мансанильо. Я почти уверен, что было бы здорово провести там день или два, исследуя окрестности, но мы проехали мимо. Мы продвигались вперед, пока не достигли Текомана, последнего настоящего города перед Ла-Тиклой. Дорога была далеко не скучной. Каждые несколько километров приходилось сворачивать на неровные участки, прежде чем вернуться на гладкий новый асфальт Трансберегового шоссе, которое строили мексиканцы. Маленькие деревни, усеивавшие маршрут, очевидно, были пристанищем дорожно-строительных бригад. В каждой было несколько маленьких магазинчиков и грязная стоянка, где хранился странный ассортимент материалов и оборудования. Самым заметным местом в каждой из крошечных деревень была кантина[28]. Хотя было раннее утро буднего дня, у каждой из тех, мимо которых мы проезжали, стояло по несколько мужчин всех возрастов с пивными бутылками в руках. Трудно сказать, отдыхали ли они так еще с вечера или же готовились к началу нового рабочего дня.

Мы проезжали вдоль больших ранчо на окраине Пуэрто-Вальярты, а затем снова вдоль окраин Мансанильо, мимо роскошных поместий, которые выделялись бы в самом богатом из районов Калифорнии. Однако большинство людей, которых мы видели, были ужасно бедны. Конечно, в городских центрах попадались семьи, по виду похожие на средний класс, но стоило выехать из города, как повсюду встречались лишь нищета и разруха.

Мы въехали в Текоман во второй половине дня, когда на главном бульваре города кипела жизнь. Это был классический маленький мексиканский город с большой городской площадью, на которой стояло огромное здание католической церкви (или мне следует сказать «храма»?). Эти колоссы были огромны по сравнению со всеми остальными постройками в большинстве городов. Самые высокие и богато украшенные здания, какие только можно себе представить, нависали над головами крестьян и прохожих – как постоянное напоминание о том, кто организовал (завоевал) случайную группу коренных индейских племен в полуфункционирующее, сильно расслоенное общество.

Мы отправились прямо в пункт *agua-purificada*[29] и наполнили все емкости водой, в качестве которой мы могли быть уверены: Лось сказал нам, что вода в Ла-Тикле может быть, по его словам, «немного сомнительной». Впервые с тех пор, как мы пересекли границу США и Мексики неделю назад, мы втроем немного прогулялись, чтобы осмотреть достопримечательности и окунуться в местную атмосферу. Один за другим мы ныряли в маленькие магазинчики, выстроившиеся вдоль Торгового района.

Это не те туристические ловушки, наполненные бесполезным дерьмом, которые вы найдете в Тихуане. Это были настоящие магазины, обслуживающие местное население. Мы купили свежие бананы, гуаву, папайю и нечто под названием *папауса*. Мы купили только одну, несмотря на то, что продавец клялся, что она была замечательной. Она выглядела как мутантная серо-зеленая дыня, покрытая неровными буграми, и в ней была зияющая трещина, открывающая влажную розовую мякоть внутри. Лось попробовал первым. Он не сказал, вкусная она или нет, но засунул два пальца обратно в трещину, зачерпнул вторую порцию розовой каши и вылизал руку дочиста. Теперь он мог говорить об этом все что угодно. Наблюдая, как его слюнявые пальцы снова вонзаются в мякоть, я понимал, что ни за что не стану ее пробовать.

– Твою мать, Лось! Ты ее испортил!

По крайней мере Жеребец не собирался повторять эту порнографию.

Лось сверкнул глупой полуулыбкой, показывая розовую кашу, покрывающую его зубы и язык, чтобы мы могли убедиться, что ему нравится.

– Отвали! Эта штука просто убийственна. Как теплое мороженое.

Мы оба отказались от дополнительных порций папаусы, но Жеребец вернулся за двумя большими пакетами лаймов.

Клянусь, у этого чувака фетиш на лаймы.

– Для чего все эти лаймы, Жеребец? – спросил я.

– Для приготовления севиче. Сырая рыба, лук, помидоры и перец, замоченные в соке лайма на пару дней. Ты что, никогда не слышал о севиче?

Обрызгав нас обоих розовой слюной от папаусы, вмешался Лось:

– Давай, шеф-повар! Оптерс, Жеребец готовит лучшее севиче в мире, и я собираюсь захватить для него немного рыбы в Эль-Фаро.

Спрашивать, где находится Эль-Фаро, я не стал: слова «fish» («рыба») и «faro», исходящие изо рта Лося, были самыми «плевательными».

Только правильные маневры

Нагруженные топливом, едой и водой и имея в запасе больше часа дневного света после прибытия, мы готовились преодолеть заключительный участок пути в Ла-Тиклу. Мы были в отличном настроении, взволнованные тем, что находимся так близко к нашему «раю». Лось настоял на том, чтобы ехать на переднем сиденье. Он нетерпеливо подпрыгивал на своем сиденье, как дошкольник, постоянно указывая нам на тот или иной объект у дороги. На этом участке недавно было завершено строительство двухполосного шоссе. Мы отлично проводили время в дороге на юго-восток, играя в своеобразные «прятки» с океаном. Дорога петляла по заросшим склонам холмов и нескольким сельскохозяйственным районам, каждый не менее полутора километров в поперечнике. Серия поворотов выгибали дорогу почти на сто восемьдесят градусов от побережья, уводя нас в глубь страны, прочь от того места, куда мы направлялись.

– Ю-ху! Мы почти на месте! Осталась всего пара километров до поворота! Д-а-а-аааааааа!

Едва затихло эхо гортанного крика Лося, как нас встретила баррикада через дорогу. На куске выцветшей фанеры была изображена большая черная стрелка, нарисованная распылителем, указывающая на сильно изрытую колеями грунтовую дорогу сбоку от шоссе. Она совсем не напоминала участки наполовину построенной дороги, на которые нам приходилось съезжать раньше. Это больше смахивало на экстренный объезд в духе «вот дерьмо».

– Я не помню этой части. Давайте свернем на съезд и посмотрим, сможем ли мы переправиться через реку.

Да, Лось, если мост через реку чем-то похож на эту дерьмовую тропу для вьючных мулов, то мы окажемся на другой стороне в мгновение ока.

Грунтовая дорога повела нас прямо вниз с холма, повернула, прошла по насыпи метров сто, а затем уперлась в грунтовую стоянку, на которой были припаркованы бульдозеры и самосвалы. Двое мужчин официального вида, одетых в каски и оранжевые жилеты, жестом подозвали нас к себе.

– El camino esta cerrado aqui[30].

– Что они говорят, Лось?

– Они сказали, что мост еще не закончен, но грузовики спокойно пересекают реку, и мы тоже должны сделать это без каких-либо проблем.

Вау. Английский все так усложняет. Они сказали все это

примерно в пяти словах.

– Отлично! Спроси их, где нам следует пересечь.

Бедный Лось.

– Que donde esta mejor location to vamanos otra side? Neccesita yo y mi dos amigos cruzar La Ticla. Que donde pasando el grande camiones?[31]

Это даже для меня прозвучало мучительно.

– Tu coche es demasiado pequeño. No lo logrará. Perro si quieres ver donde se cruzan los camiones, gira a la izquierda y mira por ti mismo[32].

– Что он сказал, Лось?

– Он сказал, что мы можем проехать с грузовиками немного левее.

– О, чувак, это круто. Я уж думал, мы в заднице. Поехали!

С этими словами мы повернули налево, проехали еще около ста метров и впервые увидели реку Остула. Несмотря на то что это был основной водосток для большой сельскохозяйственной территории, окруженной километровыми горами в тридцати километрах к востоку отсюда, рекой это было назвать сложно. Это был грязный поток шириной метров пятьдесят, бегущий по усыпанному валунами, почти высохшему руслу, от берега до берега которого было по меньшей мере сто тридцать метров. На противоположной стороне стояло множество старых побитых полевых грузовиков, выстроившихся в очередь и ожидающих разрешения начать переправу. Большой грузовик с платформой, наполовину загруженной деревянными ящиками для продуктов, двинулся вперед, водитель посигналил группе людей, собравшихся в стороне от площадки. Пятнадцать или двадцать человек, многие с сумками и пакетами, побежали залезть в кузов грузовика. Загрузив всех, кого мог увезти, грузовик осторожно двинулся в каменистое русло. Водитель усердно работал, объезжая самые большие камни и колеи, но некоторые, очевидно, были неизбежны. Не раз пассажирам приходилось хвататься мертвой хваткой за борта, чтобы избежать незапланированного катапультирования с задней части грузовика.

Я внимательно следил за ним, изучая, как он преодолевает переправу.

Нужно избегать больших валунов. Следить за местами, где явно глубже. Стараться изо всех сил поддерживать постоянную скорость и абсолютно, совершенно точно, ни за что не останавливаться, чтобы не застрять.

Мы наблюдали за другим грузовиком, который почти в точности повторил путь первого. Только на этот раз водитель *остановился* – после особенно сильного крена – и не смог снова

заставить машину двигаться. Он крикнул людям в кузове своего грузовика. Вся группа спрыгнула вниз помочь вытолкать автомобиль. Некоторые явно злились, так как им пришлось проделать оставшуюся часть пути самостоятельно, когда грузовик тронулся.

– Ты все понял, Оптерс? – спросил Жеребец, и в его голосе промелькнуло нечто большее, чем небольшая нервозность.

– Конечно, он понял, Жеребец. Это же *вундербас*. Верно, Оптерс?

Мне бросили вызов. Даже во время езды по пустыне я выслушивал подколки насчет своего автобуса. Теперь у меня не было другого выбора, кроме как пойти на риск.

– No problema.

Мне просто нужно было повторить маршрут грузовиков и не останавливаться несмотря ни на что.

Мы наблюдали, как еще один грузовик успешно переправился, прежде чем решили, что время пришло. Я завел двигатель и пару раз быстро нажал на клаксон, чтобы на другой стороне знали, что настала наша очередь ехать. Последнее, что нам было нужно, – это встретить здоровенный грузовик, набитый людьми, прямо посреди реки!

Скатывание в русло реки вызвало целый поток мыслей и эмоций. В основном вполне ожидаемых в такой ситуации, типа: *«Какого хрена я делаю?»* Но также присутствовало чувство спокойствия, целеустремленной решимости и гордости. Я собирался сделать это. Моя мама сказала бы, что я *не должен* этого делать. Отец сказал бы, что я *не смогу*. Пошел он к черту. У меня все получится.

Мы с трудом перебрались на другую сторону. Это было потрясающе. Я чувствовал себя летчиком-истребителем, уворачивающимся от огня зенитных орудий. Правильные маневры, наезд на опасные участки только для того, чтобы обойти более коварные места рядом с ними. Мы ехали через бурлящие воды, достаточно глубокие, чтобы скрыть все четыре шины. Ха! Но вот мы уже на другой стороне, где нас встречают радостными криками и громкими гудками грузовиков.

Я. Я сделал это. Пол Э. Оптерс справился с этим. Моя грудь раздувалась от гордости, а на лице сияла широкая улыбка. *Спасибо тебе, Господи!*

Теперь, когда мы были на другом берегу, мне пришло в голову, что нам придется повторить все это на обратном пути. Ну что ж. Сейчас не время об этом беспокоиться. У нас здесь по крайней мере шесть недель – или столько, на сколько нам хватит имеющейся в запасе воды. Хотя, возможно, мы могли бы чистить

зубы пивом или текилой. Мы втроем радостно размахивали кулаками, когда сделали последний поворот в сторону города, начинавшегося через пару сотен метров грязной дороги. Наконец-то мы были в Ла-Тикле. *Аллилуйя!*

Глава 7. Земля обетованная

Жизнь в раю

Место было именно таким красивым и нетронутым, как и описывал Лось. Сверкающий синий берег моря украшен линиями длинных идеальных волн, ветер срывает с гребней грозди капель, отражающих солнечный свет, прежде чем упасть и разбиться. Широкий плоский песчаный пляж, насколько хватало глаз, изящно огибал береговую линию – на север и юг. Повсюду виднелись густые рощи высоких тонких кокосовых пальм. Тропические птицы бродили по мелководью мерцающего пруда, появившегося, когда песчаная коса поднялась и встала поперек устья реки Остула. Большие холмы – каждый из которых представлял собой смесь увядших пальмовых листьев, кокосов и кривых стволов, прибитых волнами к берегу, – усеивали пляж и выглядели не тронутыми человеком.

Мы подъехали к нашему новому дому – шаткому старому навесу из бамбука и пальмовых листьев, который мексиканцы называли *палапа*. Он ютился на краю рощи кокосовых пальм, на небольшой песчаной косе, отделяющей устье реки от пляжей, лежащих дальше к северу.

Не было ни единого человека – ни в воде, ни на пляже. Фактически после того как мы пересекли реку и проехали через «центр» Ла-Тиклы, мы заметили лишь небольшую горстку сельских жителей, большинство из которых смотрели на нас из дверных проемов своих грубых хижин. Их телосложение было еще миниатюрнее, чем у среднего мексиканца. Они производили впечатление застенчивых и встревоженных.

Какая жестокая дихотомия, подумал я. Вот они – окруженные тропическим великолепием, о котором многие только мечтают, но живут в однокомнатных хижинах без электричества, чистой воды и канализации. Придерживаясь диеты, весьма далекой от здорового питания, они, казалось, были обречены оставаться такими же тщедушными. До сих пор мир обходил их стороной, но это скоро должно было измениться. Строительство нового шоссе быстро меняло эти места до неузнаваемости. Крошечный ручеек путешественников грозил превратиться в наводнение, и это до чертиков их пугало.

Мы в этом смысле не так уж сильно от них отличались: нам хотелось изведать этот тайный райский уголок до того, как завершение строительства дороги безвозвратно откроет его миру. Теперь я понял, почему Лось ни в какую не хотел останавливаться, чтобы заняться серфингом где-нибудь еще по пути, и постоянно подгонял нас. Скорее всего, мы останемся

последними серфингистами-гринго, которые провели здесь время в полном одиночестве. Навсегда.

Где же прибой?

Уже почти стемнело, когда мы закончили разбирать вещи и обустроились под палапой. Лось и Жеребец восстановили частично разобранный круг из камней для костра, а я собрал достаточно сухих коряг, чтобы развести огонь. Я поставил 1DRBUS достаточно близко, чтобы двери со стороны пассажира открывались в хижину. Постелил себе в автобусе, а парни расположились под палапой. Мы были совершенно измотаны, и это было здорово.

На следующее утро Лось встал первым и начал ворошить угли, оставшиеся от вчерашнего костра, пытаясь раздуть его, чтобы приготовить кофе. У нас был прекрасный вид на океан с палапы, но не на прибой. Бóльшую часть ночи океан рычал и урчал, но сегодня утром не было ни единого шепота.

– Эй, Лось! Как там волны?

– Я не знаю. Я готовлю кофе, Жеребец. Вытащи свою задницу из постели и посмотри.

Жеребец подошел к небольшой песчаной возвышенности между нами и океаном. Он постоял там несколько минут, озираясь во все стороны, прежде чем взглянуть вниз, медленно качая головой, как будто проиграл ставку, которую нельзя пропустить.

– Ничего, Лось. Даже ряби нет. Я никогда не видел *настолько* спокойной воды, как здесь.

– Да ладно. Хватай свою доску, и погнали грести. Оптерс, ты тоже.

– Зачем? Там же штиль. Никаких волн. Ты уверен, что это то самое место?

– Ты сам видел вчера вечером. Волны были что надо. Конечно, это то самое место.

Примерно полчаса мы втроем торчали на берегу, вглядываясь вдаль. Самая большая волна, которую мы видели, не намочила бы и колени. Это выглядело жалко.

– Прилив плохой. Ничего страшного, позже все наладится.

Точно, Лось. «Позже» сегодня или «позже» на следующей неделе?

– Давайте поедим.

Вот оно что. В порядке важности: серфить, есть, накуриваться; серфить, есть, вздремнуть; повторить.

На самом деле в то первое утро меня не сильно волновало то, что я увидел такой прибой. Напротив, я скрывал свои опасения, что нас встретят огромные волны. Волны, которые были бы

намного выше моего уровня уверенности в серфинге, из-за которых мне пришлось бы делать выбор: рисковать или отсидеться. По крайней мере так, может быть, у меня будет возможность подготовиться к ждущим впереди вызовам.

Мы провели день, исследуя окрестности в радиусе пары километров. Мы наткнулись на огромную морскую черепаху, которая перевернулась на берегу и слабо пыталась встать на ноги. Я сказал, что мы должны ей чем-нибудь помочь, но Лось был непреклонен, и мы не стали вмешиваться. Он объяснил, что местные бросили ее так специально, чтобы она умерла, и позже они приготовят суп из ее мяса. Это звучало очень грустно, но мы сошлись во мнении, что, вероятно, будет хуже, если мы поможем черепахе уйти и рассердим местных жителей. Я вспомнил крошечный рост людей, которые вчера выглядывали из своих хижин.

Если в их меню были рыба, свиньи, куры, а теперь и черепаха, почему они выглядят такими истощенными? Или, может быть, это мы вымахали сверх нормы, а они олицетворяют то, что задумал Господь? Оставлю эти вопросы на потом…

Море оставалось спокойным где-то дня три, прежде чем появился смысл залезать в воду. Мы много болтались по лагерю. Лось подружился с местным жителем по имени Мигель из дорожно-строительной бригады, который продал ему немного травы, а у другого парня он обменял несколько своих грязных журналов на бутылку настоящего мескаля местного производства с червем на дне.

Затем мы пошли по пляжу на юг, чтобы исследовать все окрестности, и наткнулись на ту же перевернутую морскую черепаху, которую видели на пляже тремя днями ранее. Она не подавала никаких признаков жизни – две ее лапы теперь были кровоточащими обрубками, мухи кишели над гниющей тушей. Никто не пришел забрать ее на съедение с тех пор, как мы впервые ее заметили. Какая *ужасающая* ненужная жертва. У нас был шанс спасти ее, и мне было очень жаль, что все закончилось так. Лось сказал, что некоторые дети, несомненно, переворачивают черепах на спину просто для развлечения, и не собирались забирать эту к себе на стол. Одичавшие собаки или дикие свиньи, вероятно, отгрызли бедняге ноги, еще когда она была жива.

Боже, это место безжалостно.

Мне пришла в голову мысль, что если мы здесь умрем, никто никогда об этом не узнает – а если и узнает, то не найдет наши тела. С таким же успехом можно искать на другой планете.

В ту ночь мы попробовали мескаль. Его запах напомнил мне

растворитель для краски, и к тому же он обжигал горло. Второй и третий глотки были ничуть не лучше. Лось сказал, что это особая смесь, включающая кактус пейот, и что это больше наркотик, чем алкоголь. *Ну что ж, раз мы в Мексике…*

Это было ошибкой с моей стороны. После полутора стопок я был готов. Не пьян, но обдолбан так, как раньше себе и представить не мог. Тени, отбрасываемые нашим огнем, беспорядочно кружились на завесе листвы джунглей, окружавшей нас. Я дважды проверил дым, чтобы убедиться, что он действительно поднимается, а не *возвращается*, чтобы поглотить наш огонь. Психоделики, которые я пробовал в колледже, не имели с этим ничего общего. Лось с горящей палкой в руке дирижировал воображаемым оркестром. В воздухе застывали желтые, красные и оранжевые следы.

Если местные предпочитают этот волшебный эликсир, неудивительно, что они не могут построить нормальный мост и забывают забрать перевернутых черепах. Это дерьмо напрочь сносит крышу.

Конечно, раньше я пил текилу с червяком на дне бутылки. Крепкое пойло, но ничего особенного. Это же вещество получали из кактуса пейота посредством того же процесса, с помощью которого делают мескалин. Это был чистый ЛСД в бутылке.

В течение часа мы все вырубились. Стали мертвы для мира. Вырубились, упав поверх наших спальных мешков. Слишком обдолбались, чтобы забраться внутрь, прежде чем оказаться во власти червя.

«Estos son muy peligrosos!»

На следующее утро, еще до восхода солнца, меня разбудила головная боль. Вода. Мне нужна была вода. Я был одержим ею так же, как Лось был одержим едой. В нашем кемпинге царил беспорядок. Кто бы ни куролесил здесь ночью, он не позаботился о том, чтобы прибрать за собой. К счастью, море все еще было спокойным, поэтому мы остались в постели после полудня.

– Погнали ловить рыбу в Эль-Фаро.

– В океане, Лось?

Да, это прозвучало глупо, когда сорвалось с моих губ.

– Конечно, в океане, Оптерс! Именно там и водится рыба. Ак-ак-ак-ак.

Спасибо, Жеребец.

Мы взяли гавайский слинг, ласты, маски и трубки и поехали на автобусе на юг, по дороге, ведущей к Эль-Фаро. Впрочем, слово «дорога» было преувеличением. Это скорее были две параллельные тропинки, которые поднимались и спускались по крутым холмам и оврагам, и внезапно сворачивали, словно детские горки в парке аттракционов. Дорога была грязной и местами сильно изрезанной колеями, *особенно* на холмах. Некоторые подъемы приходилось преодолевать с разгона. Спуски были скорее управляемым заносом, так как мы изо всех сил старались держаться подальше от кустов по обе стороны дороги. Несколько раз, когда мы уже приближались к Эль-Фаро, две борозды выходили на пляж и несколько сотен метров тянулись среди выброшенных на берег деревьев, прежде чем нырнуть обратно в джунгли. Час, который потребовался, чтобы преодолеть около двадцати километров до Эль-Фаро, походил на сафари в джунглях и прошел весьма весело. Дорога привела нас к нетронутому белому песчаному пляжу небольшой бухты, окруженной прибрежным подводным рифом. Ограда из островков, простирающаяся от скалы к югу, защищала бухту от волн, кроме самых больших, катящихся из океана. Вода была чистой, спокойной и манящей. Лось сообщил, что мы приехали.

Пару часов мы ныряли с маской, и каждый попробовал порыбачить с гавайским слингом. Я вынырнул без добычи, хотя мне несколько раз почти удалось наколоть на слинг крупную рыбу. Лось и Жеребец сумели добыть парочку, поэтому мы знали, что сегодня вечером будем ужинать рыбой. Правда, мы не знали, *что* это была за рыба.

Позже днем с юга начали накатывать темные тучи. Небольшая рыбацкая лодка с плоским дном, которую местные

жители назвали *панга*, вошла в бухту и остановилась недалеко от пляжа. Один из двух мужчин выпрыгнул, оказавшись по пояс в воде, и стал отвязывать то, что было привязано к борту лодки. Когда у него получилось, пангу вытащили на берег, а вслед за ней – огромную акулу, оставив ее наполовину на песке хвостом вперед.

Длиной примерно три – три с половиной метра акула была лишь немного короче лодки, а грудь была толщиной с коровью.

– Что это за акула, Лось?

– Не знаю. Как насчет вас, мистер Волшебник? Вы знаете?

– Без понятия, кроме того, что она охренеть какая большая!

И надеюсь, этот вид не охотится на людей…

Один из рыбаков исчез и через десять минут снова появился за рулем старого пикапа. Впятером мы изо всех сил попытались загрузить чудище в кузов, но акула была слишком длинной и тяжелой, и огромный хвостовой плавник волочился по земле. Они перевернули пангу, положили ее поверх акулы и собрались уезжать. Поднимался ветер, и облака быстро темнели, но мы решили проследить за рыбаками и их добычей до самого Эль-Фаро, прежде чем отправиться обратно в Ла-Тиклу.

Когда мы добрались до деревни, со всех сторон стали собираться дети, в основном мальчишки, чтобы побежать рядом с акулой. Пикап подъехал и припарковался рядом с другими рыбаками, которые складывали и укрывали свое снаряжение на ночь. Мы наблюдали, как шестеро мужчин изо всех сил пытались затащить акулу из пикапа на кусок изодранного синего брезента, недостаточно большой, чтобы уместить и голову, и хвост одновременно.

Вспышка… БАБАХ! Внезапная молния и почти мгновенный раскат грома заставили всех вздрогнуть.

Я не думал, что нам стоит задерживаться там, и ясно дал понять это.

– Вот дерьмо. Сейчас точно зарядит. Нам лучше не зависать тут, иначе дорогу развезет, и мы не сможем вернуться назад.

1DRBUS, может быть, и обладал сверхспособностями, но грязь есть грязь.

Едва мы жестом показали рыбакам, что собираемся уходить, как сверкнула еще одна вспышка… БАБАХ! Похоже, эта ударила ближе, чем первая.

Один из мужчин, поймавших акулу, окликнул нас.

– La tormenta hara que el camino sea intransitable esta noche. Estaras atrapado en el barro antes de llegar lejos[33].

– Что он сказал, Лось?

Не думаю, что на этот раз имелось в виду «не беспокойтесь,

все в порядке».

– Он сказал, что приближается шторм, и дорога будет слишком грязной, чтобы пройти… *Что-то* типа того.

Еще одна вспышка… БАБАХ! Пошел дождь.

– Ненавижу это говорить, ребята, но думаю, что он, видимо, прав. Мы едва преодолели некоторые из тех холмов. Если дорогу чуть-чуть развезет, мы застрянем по самое не могу.

Я представляю, как мы на всю ночь застряли по оси в водянистом болоте, а Лось мочится в окно, чтобы не выходить на улицу. Нет уж. Давайте останемся где-нибудь здесь.

– Por favor quedate. Tengo un cobertizo en el que estaras a salvo este noche[34].

– Он приглашает нас переночевать на его ферме, – перевел для нас Лось.

Вспышка… БАБАХ! Вспышка… БАБАХ!

Ладно, Боже. Мы поняли, что ты хочешь сказать.

Рыбак выглядел встревоженным и жестом велел нам следовать за ним:

– ¡Debemos irnos ahora![35]

Дождь уже лил вовсю, и мне не понадобился перевод от Лося.

– Давайте! Надо ехать! Погнали за ним!

Ехать пришлось всего пару километров, но было видно, что даже и это короткое расстояние скоро станет непроходимым, если ливень затянется. Мы подъехали к маленькому навесу из гофрированной жести, расположенному на небольшой поляне на краю диких джунглей. Укрытие из бамбука и пальмовых листьев простиралось над чем-то вроде навеса для машины прямо у дороги. Рыбак вошел, зажег старый фонарь и, не оборачиваясь, помахал нам. Помещение было размером примерно три на три метра, с наклонной крышей на высоте пары метров над голой землей, и внутри почти ничего не было. Рев ветра и неумолимый стук дождя по металлу действовали на нервы.

Рыбак методично двигался вдоль каждой стены сарая, внимательно осматривая своим фонарем сарай изнутри. Он заметил большого скорпиона, бегающего в поисках укрытия, и быстро раздавил его своей сандалией. Гнездо шершня размером с грейпфрут висело на древней деревянной балке над дверным проемом. Обладая ловкостью рук карточного шулера и талантом фокусника, он сорвал синюю бандану со своей шеи, окутал гнездо и одним движением сдернул его. Гудение разъяренного улья мгновенно заглушило шум бури снаружи. Держа бандану за все четыре угла, он мизинцами завязал узлы на этой смертоносной сумке.

Это мое воображение разыгралось или я действительно видел,

как узлы развязывались обратно под скоординированным усилием роя? Господи, помоги нам, если они так умеют.

Держа бандану на расстоянии вытянутой руки, рыбак отошел в темноту метров на тридцать, остановился как вкопанный и приготовился. Вспышка молнии осветила его в позе колдуна, когда он отбросил улей, развернулся на пятках и пулей побежал обратно в сарай. Порывистый ветер быстро разогнал разъяренный рой и не позволил насекомым догнать мужчину или вернуться в сарай.

Вернувшись внутрь, он продолжил тщательно сканировать интерьер. Вздрогнув, он отпрянул от чего-то в углу у пола и попятился к двери. Резкий свет фонаря усиливал выражение его лица.

– Quedarse atras! Estos son muy peligrosos! Espero que solo hava esta![36] – взволнованно сказал он.

Он поднял засохший расколовшийся кусок бамбука, отломал подходящую щепку, подкрался к существу и пронзил его. Он поднес его к фонарю, чтобы мы лучше разглядели. Искалеченное и сломанное, но все еще изо всех сил пытающееся освободиться, оно было размером с теннисный мяч.

Срань господня. Я рад, что ночую в автобусе.

– Arana platano. Ellos estan aqui desde Brasil. Matan a mucha gente[37].

Лось выглядел немного встревоженным.

– Он говорит, что это банановый паук. Я слышал о них в последний раз, когда здесь был. Нескольких маленьких особей случайно привезли на лодке из Эквадора или типа того. Теперь они расселяются по всем местным плантациям. Ах да, он также сказал, что они убили много людей.

Ах да? Это важная деталь, не так ли? Это было полным безумием. Я имею в виду, что парень раздавил здоровенного скорпиона своей сандалией, как будто это обычное дело, и быстро расправился с гнездом, полным разъяренных шершней. Затем он находит короля всех пауков, и это наконец вызывает у него беспокойство?!

Наш друг обвел рукой вокруг ладонью вверх, как метрдотель в роскошном ресторане показывает на лучший столик:

– Es seguro aqui ahora. Dormir bien mis amigos[38].

Выполнив свою задачу, рыбак уехал, оставив нас на ночь в своем сарае.

– Хорошо, ребята. Вытаскивайте из автобуса все что хотите. Я останусь там с закрытыми окнами и запертыми дверями!

Нужно отдать им должное. Оба разложили постели на земляном полу и сделали вид, что собираются там переночевать.

Буря становилась все громче и интенсивнее. Молнии с треском били каждую минуту или две. Сильный ливень – настоящий водопад, оглушительно бивший по оловянной крыше – грохотал *внутри* автобуса.

Через двадцать минут Жеребец сломался первым. Он постучал по моему окну и робко спросил, можно ли ему поспать на полу под моей кроватью. Он сказал, что в фонаре закончилось топливо, и боялся, что один из тех пауков подкрадется к нему в темноте. Лось прокрался внутрь примерно через полчаса и попытался устроить кровать поперек двух передних сидений. А я? Я удобно растянулся на своей уютной, защищенной от жуков и пауков полноразмерной кровати. Вспышка… *КАБУМ!* Так-то, *сосунки!*

Шторм утих к утру, но мы подождали до полудня, пока все просохнет, прежде чем отправиться обратно в Ла-Тиклу. Мы уехали, так больше и не увидев нашего друга-рыбака. Мы подумали, что он, вероятно, уже гонялся за очередной акулой.

Пробежка по джунглям

Наш лагерь в Ла-Тикле выглядел в точности таким, каким мы его оставили, за исключением двух дыр размером с футбольный мяч в крыше палапы. Я задавался вопросом, что убивает больше людей – этот проклятый банановый паук или кокосы, падающие на голову с высоты десяти метров, пока вы спите? Помимо двух орехов в нашем лагере поблизости на земле было еще несколько упавших коричневых скорлуп. Прошлой ночью шторм, несомненно, прошелся по этому берегу как следует.

Самое лучшее – это то, что на следующее утро после почти недели ожидания наконец-то поднялись волны! Море было сплошь покрыто волнами высотой около двух метров, а некоторые достигали двух с половиной. Идеальная высота, чтобы заняться тем, ради чего мы приехали.

Большинство серферов предпочитают один из двух стилей катания. «Регуляры» стоят на доске левой ногой вперед, оставляя волну справа. «Гуфи» все делают наоборот – ставят вперед правую ногу, оставляя волну слева. Никто не знает наверняка, откуда произошли эти термины, но они прочно закрепились в культуре серфинга. Лось и Жеребец были регулярами, а я гуфи.

Ла-Тикла – это классическая точка разлома, выпуклость на береговой линии, образованная бесчисленными циклами стекания мутной ливневой воды в океан, в результате которого всевозможный мусор оседает на дне. Я предпочел кататься к северу от точки (где я мог катиться влево), а парни остались на юге. Минимальное расстояние между нами зависело от того, насколько велик прибой в каждый момент времени. Когда волна была небольшой, она накатывалась, ломалась как единый гребень, и двое из нас могли катиться на одной и той же волне в противоположных направлениях: на постоянно развивающемся сленге серферов это называлось «Сплит пис». При больших волнах нам пришлось бы находиться минимум в пятидесяти метрах друг от друга, чтобы не мешать друг другу.

Это было наше первое настоящее катание с тех пор, как мы приехали, и мы не вылезали из воды все утро. Мы сделали перерыв только для того, чтобы размять руки, поесть что-нибудь и выпить немного воды. Это было самое большое удовольствие, которое я когда-либо испытывал, занимаясь серфингом, и я постоянно улыбался. После полудня волны становились все больше, в какой-то момент превысив три метра. («Лицо» трехметровой волны, то есть та ее часть, которую вы видите с берега, может быть от пяти с половиной до шести метров в

высоту. Поверьте мне, это довольно много.) Пришлось увеличивать расстояние между мной и парнями до ста – ста пятидесяти метров. Если вы приблизитесь к гребню большой прибойной волны в Ла-Тикле, вы можете застрять «внутри» ее. Так получается, когда волны ломаются вдали от вас и вы попадаете на участок бурной пенящейся воды, где довольно трудно грести.

Другой способ застрять внутри – это облажаться на волне, на которой вы катаетесь, после чего она вами «закусывает». Не «запускает» вас, а «закусывает»[39]. Вот что делает гребень волны, когда она ломается, «закусывая» вами. Вы «застреваете в стиральной машинке». «Паркуетесь в зоне эвакуации». Все это – взаимозаменяемые термины, обозначающие, что вы оказались на неправильной стороне больших и опасных волн. В худшем случае это может привести к тому, что вы будете болтаться в этом водовороте, не зная, где верх, а где низ. Когда вы поймете, где находится верх, взбитая пена не позволит вам как следует грести, так как она недостаточно плотная. Это может удерживать вас в состоянии «овоща», пока вы не достигнете поверхности. Это совсем не весело, особенно при больших волнах.

Конечно, на первой же после обеденного перерыва волне высотой больше трех метров я сглупил и оказался в «стиральной машинке в режиме полоскания». После начального цикла я достаточно долго пытался сориентироваться, чтобы вынырнуть и глотнуть немного воздуха, прежде чем на меня обрушится следующая волна. Меня затянуло довольно глубоко и сильно приложило о песчаное дно. Доску рвануло от меня с такой силой, что связывавший меня с ней поводок порвался, как старая резинка. Теперь остались только я и пена. Доски, за которую можно было бы цепляться, чтобы выбраться из опасной зоны удара и добраться до пляжа, не было.

Каждая следующая волна становилась больше и била сильнее, чем предыдущая. Снова и снова я боролся, чтобы достичь поверхности и быстро вдохнуть воздух, прежде чем меня снова жестко заталкивали в глубину. К пятому или шестому раунду я задавался вопросом, насколько еще хватит моих сил и нервов, необходимых, чтобы снова найти поверхность.

Наконец прошла последняя большая волна, и я смог задержаться на поверхности. Сильный подводный поток унес меня вдоль берега достаточно далеко, и теперь я оказался на участке спокойной воды на северной окраине разлома. Я кашлял, сплевывал и лихорадочно всасывал воздух, как новорожденный в родильном отделении. Четко очерченные круги на стеклянной поверхности воды исходили от моей груди. В основном они

возникали в одном темпе с моим кашлем, остальные были синхронизированы с биением моего сердца. Я был в тумане, не совсем уверенный в том, в каком направлении лучше плыть. Должен ли я направиться от берега, а затем на север, пока не выйду из зоны удара? Или сразу грести к берегу и надеяться, что следующая серия больших волн не настигнут меня до того, как я окажусь достаточно близко к суше?

Я посмотрел на юг, туда, где серфили Лось и Жеребец. Я подумал, что это могло бы помочь мне понять, в каком направлении плыть, если бы я знал, где они находятся по отношению ко мне – и часть меня хотела посмотреть, заметили ли они вообще, насколько я близок к тому, чтобы утонуть. Они сидели на своих досках, Жеребец выглядел обезумевшим, размахивая руками над головой, а Лось что-то кричал, прижав ладони к лицу. Мои уши были полны воды, я с трудом мог разобрать… но это звучало… немного похоже на…

– АКУЛА!

Ладно, ребята. Шутки в сторону. Это даже немного смешно.

Я помахал в ответ, закрыл глаза и продолжал двигаться, стараясь успокоить дыхание и прийти в норму.

– Оптерррррс! Проклятье, Оптерс! АКУ-У-УЛА-А-А!

Жеребец теперь тоже кричал, напрягаясь так сильно, что его голос дрожал. Он казался безумным, поэтому я открыл глаза и снова посмотрел в их сторону. Они оба оживленно жестикулировали, показывая, чтобы я смотрел в сторону от того места, где я был.

Лучше бы это не было шуткой. На самом деле, может, так и лучше…

Вот оно что. Акулий плавник рассекает поверхность воды. Менее чем в пятидесяти метрах. И приближается, лавируя справа налево примерно на сорок пять градусов. Она была как минимум размером с ту, которую мы помогали грузить рыбакам Эль-Фаро позавчера.

Я так и не получил ответа на вопрос, охотится ли этот вид на людей.

Я смотрел, как плавник скользнул под воду.

Сохраняй спокойствие. Они чувствуют панику. Ладно… что дальше?

И вот он снова – на этот раз вдвое ближе – лавирует слева направо, лениво приближаясь зигзагами.

Если меня пытались напугать до смерти, то это получилось! Нет, отставить панику.

Я двигался в воде так плавно, как только мог.

Может, она просто так плавает тут и не замечает меня? Да,

точно.

Мне удалось замедлить дыхание, но сердце билось так сильно и так быстро, что рябь на воде, идущая от моей груди, была похожа на бороздки на виниловой пластинке. Акула еще раз нырнула. В следующий раз она окажется прямо рядом со мной, когда – или если – решит вынырнуть.

Поглощенный мыслями об акуле, я не заметил, как накатилась первая волна из новой большой группы, пока не почувствовал, как она тащит меня навстречу акуле. В следующие несколько секунд я ощущал себя как мультяшная летучая рыба. В полной панике я двигал руками и ногами с такой скоростью, что они казались размытыми. Я поплыл по волне и каким-то образом сумел остаться на поверхности в пенном водовороте, отталкиваясь от пены, пока не добрался до мелководья. Абсолютно убежденный, что меня в любую секунду собираются сожрать, я несся к пляжу так, словно бежал босиком по горячим углям. Находясь в плену совершенно иррационального страха, я не прекращал бежать, пока не изодрал в кровь обе ноги о камни и кусты, и остановился, только когда забежал на полсотни метров в глубь джунглей.

Глава 8. Перерыв

Пляжи Нормандии

Волны позволяли заниматься серфингом еще почти неделю, но Лось и Жеребец были единственными, кто им наслаждался. Возможно, на самом деле это было просто оправданием, но я рассудил, что свежих порезов и царапин на моих ногах достаточно, чтобы привлечь еще одну акулу, и не хотел рисковать. Я снял несколько часов фильма о парнях, которые катаются на действительно хороших волнах. Моя новая камера Nikon XL8S Super-8 делала все, о чем говорилось в рекламе, и даже больше. Телеобъектив с мощным зумом. Замедленная съемка и стоп-кадр. Постепенное возникновение и затемнение изображения. Это было невероятно. Со временем, решил я, я смогу к этому привыкнуть. Но каждый раз, когда очередная пленка была отснята, помечена и убрана, я испытывал тяжелые чувства. Я никогда не смогу посмотреть свои видео без чувства вины из-за засвеченных пленок предыдущего владельца. Это полностью лишало радости весь процесс.

Мы уже собрали все дрова возле устья реки, так что каждый день нам приходилось продвигаться дальше на север вдоль береговой линии, чтобы найти достаточно высушенные куски древесины для костра. Парни позволили мне не ходить за дровами несколько дней из-за моих ног, но к четвертому дню им надоело, что я сачкую, и мне пришлось исполнять эту повинность. Я ни в малейшей степени не был в восторге от того, что именно в тот день меня назначили ответственным за дрова. Предвещая повторение того, что мы пережили в Эль-Фаро неделю назад, небо темнело с полудня. Время от времени мы слышали тихий рокот далекого грома, доносившийся откуда-то из-за океана. Нужно было идти сейчас или никогда, так что в сумерках я прошел несколько сотен метров по пляжу и начал собирать дрова.

Первая молния сверкнула у пляжа немного южнее, и я сосчитал: «Один – одна тысяча, два – одна тысяча, три – одна тысяча, четыре – одна тысяча, пять – грохот». *Почти в восьми километрах отсюда. Не о чем беспокоиться*.

Вспышка! Эта казалась намного ближе. И действительно, мой подсчет был прерван громким «БАБАХ!», прежде чем я закончил «два – одна тыся…» *К черту все это. Я набрал достаточно дров на сегодня. С меня хватит.* Вспышка – *БАБАХ! Срань господня!* Молния действительно попала в середину рощи кокосовых пальм недалеко от пляжа, на расстоянии нескольких приличных бросков камня к югу от нашей палапы. Молния была ослепительной, и ударная волна пробежала по моему телу.

Теперь, когда я бежал трусцой, одна из палок, которые я нес, упала на землю, поэтому я остановился и повернулся, чтобы поднять ее. Вспышка – *БАБАХ! БАБАХ!* Молния ударила в джунгли передо мной, и еще одна одновременно разорвала воздух на пляже позади меня. Клянусь, я почувствовал покалывание электричества в песке под ногами, и в воздухе внезапно появился странный запах *химикатов для бассейна*. Впечатляющие сетки яркого, как дуговая сварка, света были повсюду – над морем, пляжем и джунглями с трех сторон от меня. У меня зазвенело в ушах от непрекращающегося треска.

К черту все. Я бросил все дрова, которые нес, и пустился бегом через пляж в сторону палапы.

Что это такое? Гребаная Нормандия?! Когда по мне откроют огонь пулеметы?

– Не думал, что ты это сделаешь! Где дрова?

– Да, Оптерс. Ак-ак-ак-ак. Где дрова для костра?

Я не успел отдышаться и бросить что-то в ответ, так как порыв ветра и мощный поток дождя заставили нас троих укрыться в автобусе. Вспышка – *БАБАХ!* прогремело прямо над головой, сопровождаемое характерным звуком падения кокосового ореха на крышу нашей палапы.

Я все еще тяжело дышал:

– Что скажешь… может, попробуем… куда-нибудь свалить… на несколько дней?

– Мансанильо. Парень, у которого я взял травку, сказал, что слышал, что в Мансанильо есть три американские девушки-серфингистки. Еще он сказал, что через пару дней здесь может начаться сильный шторм.

Значит, это еще не сильный шторм?

– Насколько сильный?

– Он сказал, что бригады перевезут всю свою строительную технику на другой берег реки на пару дней, на тот случай, если здесь станет опасно.

Когда ты собирался поделиться этой крупицей знаний, Лось? Ладно, похеру. Мне все равно. Я просто хочу убраться отсюда к чертовой матери.

– Давайте соберемся и уедем завтра после завтрака, хорошо?

Черт, я бы уехал прямо сейчас, если бы мы не были под обстрелом!

– Это зависит от того, какие волны будут утром. Если все будет так же, как вчера, мы останемся здесь. Кто знает, когда мне снова выпадет такой шанс? – Лось четко определил свои приоритеты.

Вмешался Жеребец.

– В любом случае еще более сильный дождь и река могут задержать нас здесь.

Вот это было бы отстойно.

Как назло, на следующее утро прибой был идеальным, так что парни выползли наружу. Надеясь на лучшее, я остался в лагере и начал собираться, чтобы уехать. Чувство глубокого опустошения нахлынуло на меня. Вот я и был в Ла-Тикле, наконец-то покатавшись на серфе на одной из вожделенных жемчужин материковой Мексики. Один раз. Однажды утром в течение примерно пяти часов. И теперь я в лагере, складываю наши вещи обратно, чтобы уехать. Я сидел, уставившись в никуда, завороженный этим моментом. Меня отрезвляли мысли о том, как много я растратил в тщетной погоне за тем, чтобы меня приняли в тусовку, вместо того чтобы направить эту энергию в жизнь, которая бы чего-то стоила.

Холодильник мистера Рекера

Я не засек, во сколько парни вернулись в лагерь, но прошло уже довольно много времени после обеда. Я был рад их видеть, потому что небо снова начало становиться беспокойным. Конечно, Лосю пришлось поесть и выкурить немного травки, прежде чем мы смогли отправиться в путь. Тем не менее полчаса спустя мы свернули наш лагерь.

Мы медленно ехали по грязной главной дороге через деревню, пока не добрались до дороги Ла-Тикла – Эль-Фаро, повернули налево и направились обратно к руслу реки. Напоминая о том дне, когда мы только приехали, два больших самосвала готовились пересечь реку, и группа крестьян собрались в стороне, надеясь поймать попутку на север. Вода имела странный жжено-красный оттенок, и казалось, что она движется немного быстрее, чем раньше. Возможно, поток был немного шире, но я не думал, что он стал глубже. Это все еще был просто широкий мутный ручей, который пересекала грунтовая дорога. Мы вышли, чтобы смотреть, как водители впереди нас машут рукой группам мужчин, женщин и детей, прежде чем пересечь поток. Грузовики иногда увязали и чуть не застревали совсем, но каждый из них успешно преодолевал брод, как и в прошлый раз.

Последний грузовик благополучно переехал на другую сторону, и настала наша очередь ехать. Пожилая и явно уставшая от дороги пара медленно подошла к нам, сгорбившись под самодельными матерчатыми рюкзаками (размером почти с них самих), туго перевязанными грубой бечевкой. Им не нужно было ничего говорить; их морщинистые обветренные лица и покрасневшие от солнца глаза сказали все, что было необходимо. Они хотели, чтобы мы переправили их через реку.

– Эй, Оптерс. Эти люди хотят, чтобы мы помогли им переправиться.

Быть того не может, Лось.

– Думаю, что добра нам это не принесет. Мы и так перегружены. Я не хочу брать на себя риск увязнуть в грязи. Скажи им, что мы сожалеем, но нет.

Черт, это прозвучало бессердечно. Да плевать. Я просто хочу убраться отсюда к чертовой матери.

– Серьезно, Оптерс? Это не круто. Но дело твое.

– Да, серьезно. Давайте, парни. Наша очередь. Скажи им, что мы их не возьмем, и поехали. – Я уже начинал немного нервничать. Небо на востоке приобрело зловещие оттенки серого, а река с каждой минутой становилась все страшнее.

Лось закрыл дверь и высунул лицо в окно.

– Mi amigo es un gilipollas. Él dice que no tenemos espacio para ti[40].

Пожилая пара ничего не сказала в ответ. Мужчина опустил глаза и покорно покачал головой. Женщина пронзила меня осуждающим взглядом. В ее глазах читалось не разочарование из-за того, что им отказали, а тихая ярость из-за неуважения к мужу в ее присутствии.

Скатываясь в воду, я изо всех сил старался мыслить позитивно, потому что мы уже делали это раньше. Все изменилось примерно на полпути. Колеи между камнями были глубже и четче. Течение было заметно быстрее и мощнее, заставляя нас «красться», чтобы сохранить курс. Задние колеса на секунду потеряли сцепление с дорогой, и зад машины развернуло на пару метров вниз по течению. Сила воды отбросила нас задом наперед в водоворот, достаточно глубокий, чтобы двигатель булькал и кашлял, будучи погруженным по карбюратор.

– Срань господня! Эта свинья выживет или как?

– Прекрати называть его проклятой свиньей, Лось! Я не знаю.

Я пытался ехать вверх по течению, чтобы вырваться из водоворота и вернуться на тот же путь, по которому следовали самосвалы. Течение теперь безжалостно издевалось над нами, толкая нас по кругу. Я вдавил педаль акселератора в пол, чтобы преодолеть двух врагов – быструю воду и глубокое место, в которое нас затянуло. Передняя часть автобуса накренилась, поднятая несущейся под ней водой, как раз в тот момент, когда глубокий протектор задних шин врезался в дно. Автобус встал на дыбы, как жеребец, и взобрался прямо на затопленный валун. Мы повисли таким образом, что ни одна из четырех шин больше не касалась твердой земли. Я завел двигатель и покрутил передние колеса из стороны в сторону без какого-либо реального эффекта, за исключением того, что мы снова развернулись перпендикулярно реке. Мы застряли по самое не могу.

– Что нам теперь делать, Оптерс?

– Мы должны слезть с этого долбаного камня! Вы оба выходите и посмотрите, сможете ли подтолкнуть машину вперед.

Течение усиливалось с каждой минутой. Очевидно, выше по течению шел сильный дождь, и нам нужно срочно было добраться до одного из берегов. *Сейчас же!* Из-за плохой опоры и бурлящей воды парням не удалось столкнуть нас с камня, поэтому нам пришлось придумать другой план.

– Вы оба встаньте на задний бампер и посмотрите, сможете ли вы заставить задние колеса соприкоснуться с дном. Я включу задний ход, и, может быть, мы сможем съехать!

Следя за Лосем в зеркало со стороны пассажира, я наблюдал, как он намеренно пробирается со стороны прибывающего потока, явно опасаясь потерять равновесие. Затем он оглянулся на меня и покачал головой. Я вовремя не предупредил его, чтобы он не использовал воздухозаборник в качестве опоры для рук, и увидел, как он оторвал его от борта автобуса.

Это больно. Больно смотреть, как все, чем я дорожу, разрушается у меня на глазах.

Это было бессмысленно. Автобус не двигался и не раскачивался достаточно сильно, чтобы какая-то из его четырех шин хотя бы задела дно.

Пробираясь к задней части, чтобы присоединиться к Лосю и Жеребцу, я заметил пожилую пару на берегу и дюжину мужчин, сгруппировавшихся позади них. Я прижал обе руки к лицу и закричал так громко, как только мог, чтобы меня услышали сквозь шум воды.

– Эй!!! Эй!!! Вы можете нам помочь, пор фавор?! ПОР ФАВОР! Лось! Попроси их помочь нам! Пожалуйста, спросите их! Какого хрена они все просто стоят и смотрят? Пор фавор, амигос! – снова крикнул я.

– Они не собираются нам помогать. Ты оскорбил их. Они предпочли бы посмотреть, как мы тонем.

О боже мой! Пожалуйста!

– Пожалуйста, Лось! Пожалуйста! Просто спроси их! Как мне сказать им, что я сожалею?

– «Lo siento», но это не поможет. Они гордый народ. Из-за тебя они потеряли лицо, и теперь нам крышка. Это все из-за тебя.

– Ло сьенто! Ло сьенто! Пор фавор! ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ, ГРЕБАНЫЕ УБЛЮДКИ! ЛО СЬЕНТО!

После этих слов сначала пожилая пара, а затем и остальные повернулись к нам спиной и ушли.

– Нам конец, Оптерс. Твой автобус застрял намертво. Я беру свою доску и остальной хлам и возвращаюсь в палапу.

Жеребец секунду беспомощно смотрел на меня. Выражение его лица сказало все это еще до того, как он открыл рот.

– Я с Лосем. Мы не выберемся отсюда сегодня вечером. Давайте перенесем все, что сможем, на берег. Мы можем попробовать еще раз утром.

Лось был внутри, выдергивая вещи из-под кровати, отделяя свои вещи (включая последнюю дюжину или около того его грязных журналов) от остальной части нашего снаряжения и оставляя все, что не принадлежало ему, разбросанным по полу. Он собрал все, что захватил с собой, кроме доски, и вернулся на берег со стороны Тиклы. Вода, неумолимо поднимаясь, угрожала

столкнуть автобус со скалы на бок.

– Жеребец! Нам нужно закрыть задние двери и открыть передние, чтобы вода могла течь через них, не опрокинув машину!

Он уже схватил столько, сколько мог унести, и крикнул:

– Я сейчас вернусь!

Боже, я надеюсь на это. У меня нет шансов выиграть эту битву в одиночку.

Мне удалось самому закрыть задние двери и открыть передние. Вода хлестала в пассажирскую дверь быстрее, чем успевала вылиться со стороны водителя, и хлынула вверх и через проход между передними сиденьями, затопив оцинкованную стальную коробку, которую я приварил к полу в прошлом году. (Тот самый «сейф», который защищал мою убийственную стереосистему, двойные усилители и все кассеты от воров). Теперь я ничем не мог им помочь. Вода переливалась через край коробки и выливалась в заднюю часть автобуса, где было сложено все наше снаряжение. Я схватил все, что лежало на полу или под кроватью, и начал бросать вещи на матрас, чтобы они не намокли еще больше. Лось вернулся и, изрыгая ругательства, пытался освободить свою доску для серфинга от стоек на крыше. Возвращался с берега и Жеребец, который крикнул Лосю захватить и его доску. Лось его проигнорировал и направился обратно к берегу, держа одной рукой только свою доску, а другой – сетчатую сумку с ластами, маской и трубкой. Я мог только догадываться о том, какой разговор произошел между так называемыми друзьями, когда они встретились на полпути. Вода продолжала подниматься, и Жеребец изо всех сил пытался добраться до автобуса, не будучи сбитым с ног и унесенным вниз по течению.

– Пошел он, эгоистичный придурок! – таковы были первые его слова, которые я смог разобрать сквозь рев воды. – Давай просто положим наши доски в автобус и перенесем все, что сможем, обратно на берег!

Либо Жеребец становился более человечным, либо менее похожим на Лося… Впрочем, наверное, это одно и то же.

– Хорошо. Ты можешь позаботиться о досках? Мне нужно забрать отсюда свои камеры! Все, что стоит сберечь, лежит на кровати.

Вместо того чтобы снова пытаться пролезть спереди, я пробрался в заднюю часть автобуса и поднял люк. Вода еще не достигла уровня кровати, и ящик с моими камерами все еще был сухим. Как можно осторожнее я поставил ящик на крышу автобуса и открыл люк для Жеребца. Он достал коробку со

своими вещами, передал ее мне, а затем спрятал наши доски внутрь, прежде чем захлопнуть задний люк. Было слишком тяжело пытаться нести больше одной вещи зараз, пытаясь сохранить равновесие в бурлящей воде. Мы не были уверены, сможем ли еще раз добраться до автобуса, поэтому схватили самые важные для нас вещи и направились к берегу. Хотя вечер едва начался, небо уже было почти черным, а грозовые тучи, которые скрывались за горизонтом над материком, надвигались на нас. Начался дождь.

– Я думаю, нам следует еще раз сходить к автобусу, – взмолился я. – Наша плита, еда, питьевая вода и бóльшая часть одежды все еще там.

– Не говоря уже о наших досках, Оптерс.

– Давай, Лось. Перестань быть таким эгоистом и помоги нам разобраться с остальным.

Я думаю, Лось наконец-то достал Жеребца.

– Нет, вы, ребята, идите, а я останусь здесь и присмотрю за своими вещами.

Невероятно.

– Так и быть. Мы должны идти сейчас или забыть об этом. Давай, Оптерс.

Вау. Снова что-то невероятное. Кто эти парни и что они сделали с Лосем и Жеребцом?

Идти в воде было трудно. Из-за усиливающегося течения и нетвердого дна мы несколько раз шлепались на задницы. Нам потребовались все силы, чтобы добраться до автобуса. В паре метров от цели нарастающий гул, напоминающий звук, который издает пенная вода, когда разбивается большая волна, заставил нас остановиться. Он шел сверху по течению, и его источник был едва виден сквозь капли дождя.

Бурлящий полутораметровый водяной вал несся на нас, двигаясь по течению, уже достигавшему глубины по грудь, и огибая изгиб каньона. Это был отвратительный, вышедший из-под контроля поток грязно-коричневой пены, вырванных с корнем кустов, кусков деревьев и того, что, казалось, было остатками хижины. Зрелище было призрачно-сюрреалистичным в тусклом свете, и нам понадобилось несколько мгновений осознать, что это такое.

– Ливневой паводок!!! Ливневой паводок!!!

Было очевидно, что у нас всего пятнадцать или двадцать секунд, чтобы среагировать. Жеребец посмотрел на меня дикими глазами:

– Поплыли!!!

Но прежде чем он смог собраться с силами, леденящий кровь

вопль пронзил шум приближающегося потока. Молодой теленок (или, может быть, это была коза), пойманный в ловушку сломанных ветвей, беспомощно кувыркался перед этим отвратительным валом и отчаянно звал маму. Это выглядело душераздирающе, и низменный инстинкт подталкивал меня присоединиться к панике Жеребца, но парализующий страх утонуть останавливал.

– Уже слишком поздно! Этот долбаный поток поглотит и нас тоже! Мы должны остаться здесь!

Я уже был на крыше, когда Жеребец добрался до меня.

– Ну же! Давай постараемся, чтобы автобус оказался между нами и всем этим дерьмом! Хватайся за доску и не отпускай, что бы ни случилось!

Каждый из нас мог схватиться намертво только за одну стойку зараз. Я обхватил левой рукой переднюю, Жеребец обнял заднюю стойку правой, и мы сцепили наши свободные руки. Оказавшись где-то между готовностью и ужасом, мы зависли со стороны, противоположной приближающемуся паводку, и ждали неизбежного.

– Ничего не выйдет!

– Боже, помоги нам! – взмолился я в ответ.

Глядя мимо Жеребца, я увидел, как Лось бросил свою доску в джунгли. Это было единственное, что спаслось от потока воды и мусора, врезавшегося в берег и поглотившего все вещи, которые мы перенесли на более высокую землю. Жеребец не видел, как это произошло: его внимание было сосредоточено на том, чтобы рассчитать время нашего собственного удара о воду. Он делал глубокие вдохи, готовясь задержать дыхание как можно дольше.

Поток рванулся вверх, прежде чем обрушиться достаточно сильно, чтобы выбить из нас дух. Автобус приподнялся и перевернулся на бок, наконец-то соскользнув со своего насеста на вершине этого проклятого валуна. Нас с Жеребцом утащило под воду, но нам удалось не запутаться и не столкнуться с крупными обломками, которые плыли в переднем фронте потока.

Развернувшись в наполненной мусором воде, автобус выровнялся, но вес его двигателя снова потянул заднюю часть под воду. Каким-то образом передняя его часть оставалась над водой, и предательская начальная волна ливневого паводка заполнила все вокруг нас. Стремительный поток распахнул обе двери настежь, которые стали похожи на уши Летающего Слона Дамбо. Пока мы щеголяли этими огромными водяными крыльями, похожими на паруса, нас безжалостно тащило вниз по течению к океану. Мы заметили впереди Лося, который крепко обнимал красно-белый холодильник «Колман» мистера Рекера. Он

кружился в центре яростного водоворота, который бурлил между нами и берегом реки. Я подумывал окликнуть его, но мы с Жеребцом были заняты тем, что отбивались от всевозможной плавающей грязи и обломков, которые били по голове и плечам.

Русло расширялось по мере приближения к побережью, и там поток, к счастью, разливался шире, замедлялся и начинал мелеть. Мы проплыли на автобусе больше полутора километров, прежде чем он зацепился за дно и остановился. Дождь прекратился, и казалось, что потоп был позади. В тусклых сумерках белки наших глаз и зубов резко контрастировали с красной грязью, покрывавшей все остальное.

– Полный отстой, – сказал Жеребец сквозь кашель.

Более правдивых слов еще никогда не произносили.

– Ты ранен? – первое, что мне пришло в голову спросить у Жеребца, который явно был немного не в себе.

– Нет, я в порядке, но, похоже, нам придется как-то здесь заночевать…

Отличающийся от звуков, издаваемых разным хламом, бьющимся и скребущимся по автобусу, глухой звук «тунк-скрииииии» прервал Жеребца. Это был красно-белый холодильник мистера Рекера – но Лося в поле зрения не было.

– Лось! Ты тут? Лось! – голос Жеребца был хриплым и громким шепотом: в горле пересохло от удушья грязной водой. Крикнув, он разрыдался, одновременно встревоженный, расстроенный и испытывающий боль.

– Он, вероятно, выбрался из водоворота и просто бросил холодильник, чтобы уплыть, Жеребец. Ты же знаешь, какой он.

– Да, ты, наверное, прав. Я уже не могу кричать.

Мы провели ночь на крыше автобуса, слишком измученные, чтобы делать что-то еще. С первыми лучами солнца мы увидели, что уровень воды понизился; казалось, что глубина была не выше пояса. Жеребец соскользнул с крыши и поставил ногу на переднюю правую шину, решив спрыгнуть и добраться до берега. За ночь непрекращающийся поток воды вокруг автобуса размыл песчаное дно, как отступающая волна размывает гальку на пляже. Жеребец слишком поздно обнаружил, что теперь нас окружает глубокий ров, и погрузился по плечи, прежде чем успел встать на ноги.

– Гребаное дерьмо, Оптерс! Мы снова взгромоздились на чертов холм!

– Hola! – один из жителей деревни вышел из зарослей, неся моток веревки, и вошел в воду.

– Hola! Buenos dias!

Ну, может быть, не такой уж bueno, но я чертовски рад его

видеть!

Когда мы подошли достаточно близко, он бросил нам веревку, и Жеребец пару раз обернул ее вокруг стойки на крыше, прежде чем привязать. Деревенский житель отступил на берег со стороны Тиклы и привязал свой конец спасательного троса вокруг ствола кокосовой пальмы. Жеребец первым добрался до суши, а я следовал за ним по пятам. Мой ботинок остался глубоко в иле – липкая красная грязь засосала его по пути.

– Gracias! Gracias mucho! – Мой испанский, вероятно, был неправильным, и я боролся с желанием поднять мужчину и раскачать в своих объятиях от радости, как будто он только что сказал мне, что все это был плохой сон.

– De nada, de nada. – На вид ему было лет двадцать пять или тридцать, но пожелтевшие и почерневшие зубы делали его намного старше.

Никто из нас не знал наверняка, что он говорил, поэтому мы по очереди пожимали ему руку, все время повторяя: «Gracias! Gracias!»

Указав в сторону пляжа, он сказал что-то слишком быстро, чтобы кто-либо из нас мог понять, что это:

– Tu amigo está recogiendo tus cosas en la playa[41].

– Que? Mas despacio, por favor[42].

Вау. Оказывается, Жеребец немного знает испанский.

– Tu amigo está recogiendo tus cosas en la playa. – Все так же быстро и неразборчиво, как и раньше.

Я попробовал исправить положение.

– No comprende mi amigo[43]. – *Надеюсь, это близко к тому, что надо.*

Наш новый друг озадаченно наклонил голову, посмотрел на Жеребца и свел фразы к минимуму:

– Ustedes son amigos. ¿Sí? – указывая на каждого из нас по очереди.

– Да, да, мы друзья, – ответил Жеребец с поднятыми большими пальцами.

Хорошо. Это мы выяснили.

– Tu o-tro a-mi-go es-ta en la play-a, – сказал мужчина, произнося каждый слог и указывая вытянутой рукой в сторону пляжа.

– Лось на пляже! – Жеребец отреагировал как победитель лотереи. – Он говорит, что Лось на пляже!

Живой или мертвый?

– Sí! Sí! En la playa!

– Gracias amigo! Грасиас большое!

– De nada, de nada!

Мы еще раз поблагодарили нашего нового друга и направились к пляжу в поисках Лося. Песчаная коса, которая раньше пролегала на пути реки, исчезла, выдвинувшись далеко в зону прибоя. Тем не менее можно было допрыгать до северного берега, перескакивая по кучам выброшенных на берег деревьев и мусора.

Лось ждал нас на другой стороне, у его ног лежала куча мокрых вещей.

– Эй, ты выбрался! Я не был насчет этого уверен.

– Да, Лось. Мы видим, как ты волновался, копаясь здесь в нашем хламе на пляже.

Я вовсе не был уверен, что ему не было на нас наплевать.

Жеребец же вел себя так, словно все обиды были забыты.

– Что с тобой случилось? Мы видели тебя с холодильником мистера Рекера, а потом он проплыл мимо без тебя. Я подумал, может, ты утонул или что-то в этом роде.

– Да, тебе было интересно, не утонули ли *мы*, Лось? – спросил я.

– Нет, я видел тебя верхом на той свинье, когда ты проезжал мимо. Спасибо, что посмотрел, все ли со мной в порядке, – язвительно ответил он. *Ну что ж…* – Делов-то. Я зацепился за куст и выбрался.

– А холодильник мистера Рекера? – спросил я, заранее зная ответ.

– Я бросил его, забудь о нем. – *Бинго! Вот Лось, которого мы знаем*. – Только не намочи свои трусики. Он там, на пляже, с твоим хламом.

– Что еще ты нашел? Бóльшая часть моей одежды исчезла, а мои деньги были в кармане джинсов.

Упс. Я не должен был говорить, что мои деньги где-то там.

– Да, я нашел твои левайсы в кустах у устья реки. Денег в них нет.

Точно. Мои последние шестьдесят пять долларов были в этих штанах, ублюдок.

– Хотя на пляже валялись пять баксов.

Я протянул руку за деньгами.

– Ну, если это действительно *все*, что ты нашел, я возьму их и пойду искать остальные.

– Никто не знает, твоя ли это пятидолларовая купюра. Она не лежала в чьих-то вещах. Я нашел ее. Теперь она моя.

– Ты шутишь, да?

– Да перестань, Лось! – Жеребец издал хриплый вопль. – Отдай парню его деньги! Черт! Он и так уже потерял все остальное!

– Слушай. Не я велел ему въезжать в эту чертову реку! Он сделал это сам. И если бы он просто подвез этих людей, весь гребаный город вынес бы эту сраную фольксвагеновскую свинью на другую сторону на своих гребаных плечах!

Лось обратил свой гнев прямо на меня, ткнув толстым пальцем мне в грудь.

– Оптерс, тебе чертовски повезло, что я нашел бóльшую часть своих вещей, иначе бы ты был мне должен и за них тоже. Пошел ты к черту со своими пятью баксами. Теперь они мои.

– Пошел ты, Лось. Езжай домой сам.

Прозвучало бы более впечатляюще, если бы автобус не находился посреди гребаной реки.

Лось собрал свои вещи и пошел на негнущихся ногах в сторону палапы, где он уже успел снова обустроиться. Следующие пару часов мы с Жеребцом провели, прочесывая пляж и устье реки в поисках нашего снаряжения. Удовлетворенный тем, что мы нашли всё, что можно было найти на пляже, Жеребец сказал, что мы должны отнести это обратно в палапу. Мы договорились: он возьмет на себя эту рутинную работу, а я отправлюсь обратно вверх по течению вдоль берега реки в надежде собрать наши вещи, все еще валявшиеся в грязи.

Я продолжал свои поиски на всем пути вверх по течению до того места, где мы пытались вытащить наши ящики и коробки на возвышенность у переправы. Пожилая пара, встретившаяся нам вчера, была там и наблюдала за мной. Женщина поманила меня к себе. Я ожидал, что на меня обрушится ее гнев. Вместо этого перед ней на маленьком старом одеяле лежали моя кинокамера и дюжина промокших коробок с пленкой. Я был шокирован, смущен и пристыжен своим поведением. Мои плечи опустились вперед, подбородок медленно опустился, и я тихо пробормотал:

– Lo siento[44].

Пожилая женщина уступила своему мужу, который ответил тихим «De nada».

«Не за что»? После того как я постыдно с ними обошелся? Мне нужно поблагодарить их так, чтобы это что-то значило… и, может быть, помогло немного смягчить мою вину.

– Yo no tiene dinero для вас. – Я запнулся, пытаясь дать им понять, что у меня нет денег, чтобы предложить их в качестве награды.

Женщина посмотрела мне прямо в глаза и слегка покачала головой. Она подняла свою крошечную руку ладонью ко мне, показав измученные работой, скрюченные пальцы:

– Alto. De nada.

Эти слова потрясли меня, отпечатавшись в моем сердце:

«Перестань. Не за что». Никакой обиды. Никакой жадности. Тебе не о чем волноваться.

Свинья в мешке

Старуха настояла, чтобы я оставил себе ее маленькое одеяло, я связал его в аккуратный сверток, положив внутрь камеру и открытые катушки пленки, чтобы вернуться в палапу. Ребята уже развели костер и варили кофе. Лось нашел его, свой пакетик с травкой и бутылку мескаля на пляже.

– Эй! Могу я выпить кофе или он теперь тоже твой?

Кто знает, какие еще правила придумает Лось.

Он огрызнулся в ответ:

– Тебе нужна остальная одежда или нет? Я нашел сумку с фотоаппаратом твоей мамы, кое-какими бумагами и документами на машину. Все выглядит нормально.

Я пока буду молчать и возьму то, что смогу.

– Мигель, мой друг из строительной бригады… Ну, этот парень с травкой… сказал, что может взять самосвал и вытащить твою свинью из реки за двадцать долларов.

– Да, но у меня больше нет двадцати долларов. Может быть, у тебя есть? – не обращая внимания на «свинью», ответил я.

– Слушай, Оптерс, я не брал твои гребаные деньги! У меня есть мои собственные деньги, и я не собираюсь расплачиваться за твои ошибки.

Ага. Я и не рассчитывал, что ты вызовешься заплатить.

– Не важно. Давайте посмотрим, возьмет ли он что-нибудь в обмен. Может быть, ему понравится эта модная кинокамера, которая была под водой всю ночь?

– Ух ты! Ты нашел ее? Где? – вмешался Жеребец.

– Не я. Пожилая пара нашла её. Они ждали у переправы, когда я туда добрался.

– Ты увидел *настоящих* мексиканцев, Оптерс. Они скорее сохранят свою честь, чем украдут твой хлам.

Говорит парень без чести, прикарманивший мои деньги.

– Мой друг собирается вернуться со своим грузовиком. Ты сможешь спросить его, не нужно ли ему чего-нибудь из твоего хлама.

Мигель и его самосвал подъехали к палапе примерно через час. В итоге я отдал свои часы для дайвинга в обмен на его помощь. Он заехал в реку так далеко, как только осмелился. Мы с Жеребцом пробрались к автобусу, где прикрепили свободный конец тяжелой цепи Мигеля к верхней части крепления для запасного колеса. Мигель завел двигатель, и большой грузовик с грохотом проехал пару метров вперед. Цепь вытянулась в струну, так что по ней можно было пройти как по канату. Единственной

частью автобуса, которая сдвинулась, было крепление запасного колеса, которое выгнулось вниз и в сторону, погнув левую переднюю панель под лобовым стеклом.

Он еще дважды попытался вытащить автобус, прежде чем вылез из грузовика, отстегнул свой конец цепи и бросил его в воду. Я решил, что он попытается подойти ближе или выстроится прямо перед нами. Вместо этого он забрался в кабину своего грузовика и попытался сдвинуть 1DRBUS сначала вперед, а затем задним ходом, но в результате колеса просто взбивали воду. Его грузовик застрял в реке вместе с нашим автобусом. Так как спешить нам было некуда, мы все побрели обратно к берегу. Мигель, не теряя времени, направился к бригаде строителей моста и вскоре вернулся на пассажирском сиденье другого самосвала, в кузове которого находилось с дюжину жителей деревни.

Водитель подошел к нам и, ухмыльнувшись, указал на свое запястье. На нем были часы, которые я отдал Мигелю, чтобы он вытащил нас.

Да мне по барабану. Просто вытащи мой автобус из этой проклятой реки!

Мигель сказал, что ему тоже нужно заплатить за свои проблемы, так что мы уладили и этот вопрос. Если бы мой автобус доставили на небольшую поляну примерно в тридцати метрах от берега реки, я бы отдал ему свою походную плиту.

Второй грузовик вскоре был загнан в реку, на полпути к грузовику Мигеля, где два грузовика и наш автобус были сцеплены вместе, как гирлянда. За этим последовало минут пятнадцать-двадцать рывков, маневров, стонов и аплодисментов собравшихся зевак из деревни, после чего мой автобус наконец вытащили на поляну. Внутри все еще оставалось по меньшей мере тридцать сантиметров воды, а под ней – еще тридцать сантиметров грязи. Потребовалось несколько минут, чтобы найти и вытащить из грязи обещанную плиту, но Мигель был рад ее получить. Провозгласив «Vaya con Dios!», оба водителя вместе с кучкой любопытных жителей деревни оставили нас наедине с нашим беспорядком.

Мы с Жеребцом разбили импровизированный лагерь на поляне. Лось проводил дни в палапе у пляжа (подозреваю, чтобы его не просили о помощи), но после первой ночи каждый вечер присоединялся к нашему маленькому лагерю (вероятно, потому, что там была еда). После того как мы удалили пару центнеров грязи и помыли все то, что смогли спасти, я решил проверить, смогу ли я каким-то образом снова запустить двигатель. Потянув масляный щуп, я получил красноречивый ответ на этот вопрос,

когда из отверстия вырвалась струя грязной воды толщиной с карандаш. Я вставил щуп обратно и снова вынул его, чтобы проверить уровень масла. Масла не было. Только вода. Вероятно, когда двигатель находится под водой достаточно долго, масло всплывает к ее поверхности? Как бы то ни было, двигателю требовался полный демонтаж и ремонт, прежде чем он снова сможет запуститься.

Несколько иронично, но шторм, который напугал нас и заставил прервать отдых (ускорив наш обреченный побег из рая), так и не развился дальше паводка в русле, который пробил наш несчастливый билет на переправу через реку.

Ожидая, пока остальные вернутся с серфинга, я разработал свой план. Во-первых, я погружу оставшиеся пожитки обратно в автобус, так как я не мог рассчитывать на то, что парни об этом позаботятся или присмотрят за вещами. Затем поймаю попутку в Текоман и позвоню маме, узнать, поможет ли она вытащить меня из этой передряги, прислав немного денег. Затем найму кого-нибудь, чтобы отбуксировать 1DRBUS обратно через реку – которая превратилась в тонкую струйку, – и отвезу его в Текоман, где можно починить двигатель.

Когда парни вернулись, я объяснил, что случилось с двигателем, и изложил свой план. Они были счастливы остаться в Ла-Тикле, чтобы еще немного посерфить, пока я решаю проблему, так что мы все согласились с моим планом. Я снова попросил у Лося пять долларов, чтобы иметь при себе хотя бы немного наличных для поездки в Текоман. Сначала он отказался, но потом неохотно согласился «одолжить» их, если я пообещаю их ему вернуть по возвращении.

Гребаный Лось.

Я уже собрал все, что мне было нужно, чтобы утром сразу уехать.

Мы развели костер и приготовили немного рыбы, которую Лось получил от одного деревенского жителя. После ужина он откупорил остатки мескаля.

– Эй, давайте отпразднуем и покончим уже с этим.

– Отпразднуем что?

Да, Жеребец. Я тоже хотел бы знать.

– Много чего, чувак! Отпразднуем, что наши доски не были разбиты во время паводка. Отпразднуем, что я нашел свою травку и бутылку мескаля. Отпразднуем, что я нашел пять долларов, чтобы одолжить Оптерсу для его поездки в Текоман… Видите, есть что отпраздновать!

Ты, должно быть, прикалываешься.

– Вы, ребята, празднуйте. Я не хочу, чтобы у меня болела

голова всю дорогу до Текомана.

– Да ладно, Оптерс! Ак-ак-ак-ак-ак… Все будет хорошо!

Ты имеешь в виду «дурак-дурак-дурак-дурак», не так ли, Жеребец?

– Вы, парни, выпейте по рюмке, и, если что-нибудь останется, я тоже глотну, – глядя на остаток в бутылке, я был уверен, что мне ничего не достанется.

Используя пустую баночку от 35-миллиметровой пленки в качестве рюмки, они выпили по целой, оставив мне половину. Лось вытащил свою травку и свернул толстый косяк. К тому времени, как мы его выкурили, мескаль начал действовать и мы все были счастливы.

Лось начал рассказывать о том, как наркотики помогают ему стать «ближе к Господу».

– Ты имеешь в виду всю эту срань господню, которая с тобой случилась, Лось? – съязвил я, гордясь собственным остроумием.

– Да, типа того. Все это – срань господня, и под кайфом я начинаю размышлять обо всем. Ну, знаешь, например, о том, как я хотел бы заниматься серфингом, есть, спать и все такое. Ну типа делать все это в разных местах, а не сидеть в тюрьме или находиться рядом с моим отцом.

– Вау. Это довольно глубокие размышления. Так что, когда ты становишься ближе к Богу… Я имею в виду… Лось, в религиозном пылу ты молишься только о серфинге, еде и о том, чтобы не попасть в тюрьму, или есть и другие вещи?

Теперь я веду себя как тот еще умник.

– Да пошел ты, Оптерс. Эй! Ты слышишь что-то в тех кустах? Ш-ш-ш… Помолчи секунду и послушай.

Все будет хорошо.

В нашем «просветленном» состоянии оставаться в полном молчании более нескольких секунд было непростой задачей. Но, конечно же, сквозь потрескивание нашего костра был слышен звук шуршащих под ногами сухих листьев и шелест кустов. В кромешной тьме джунглей было невозможно что-либо разглядеть, особенно при свете нашего костра, ослеплявшем нас.

Тихим шепотом Жеребец обеспокоенно спросил:

– А что, если… если кто-то крадется к нам, Лось? Вдруг это *бандитос*? Что нам делать?

Я думал о том же самом. Было неприятно слышать чьи-то шаги в джунглях поблизости. Что бы это ни было, оно успешно скрывалось от нас в темноте.

– Может, нам потушить огонь, чтобы лучше видеть? Или крикнуть им, чтобы они знали, что мы знаем, что они там?

Становилось действительно жутковато. В любой момент кто-

то мог выскочить из джунглей и напасть на нас с мачете.

– Ой, да ладно, сопляки вы долбаные. Расслабьтесь. Никого там нет.

С этими словами Лось потянулся к земле, одним движением поднял камень размером с теннисный мяч и с силой швырнул его в направлении шума. Камень задел ствол кокосовой пальмы, прежде чем исчезнуть в темноте. Затем послышалось «клац-клац», когда он ударился о еще пару деревьев… А затем – явное глухое «тум!», когда камень ударился обо что-то твердое, но мясистое.

– *УИ-УИ-УИ-УИ-УИ!*

Треск ломающихся кустов и ветвей разорвал тишину. Лось попал в дикую свинью – в кромешной тьме джунглей – камнем!

– Вот видишь! Это потому, что я стал ближе к Богу! Это дает мне мистическую силу!

Лось отсалютовал нам каждому по очереди, ожидая, что мы дадим ему «пять» – что мы и сделали.

Мне нужно в туалет. Вот прямо сейчас. Пока я не намочил штаны от смеха.

Жеребец так хохотал, что свалился с камня, на котором сидел, и чуть не угодил рукой в огонь. Слезы смеха текли у всех нас троих; у меня потекло из носа. С этого момента у меня не возникало вопроса, становится ли Лось «ближе к Богу» под кайфом.

Внезапный удар

Чтобы внести разнообразие в мой отдых, моя одиночная поездка в Текоман следующим утром прошла без происшествий. Я дозвонился до мамы по телефону с первой попытки. Она перевела мне триста долларов, и я потратил часть из них на дешевый гостиничный номер, чтобы принять душ и хорошо выспаться ночью. Пока было не слишком поздно, я безрезультатно рыскал по Текоману в поисках подходящего механика. Такого, который сможет успешно восстановить все еще наполненный водой двигатель «Фольксвагена», который пробыл под водой целую ночь.

Все, кому я объяснил ситуацию, сказали, что я должен отбуксировать его в дилерский центр «Фольксваген» в горном городке Колима примерно в часе езды на восток. В одном из гаражей, которые я посетил, был самодельный эвакуатор, который, как мне показалось, мог бы выполнить эту работу. Мы договорились о цене в сорок долларов плюс бензин, чтобы забрать мой автобус в Ла-Тикле и доставить его (и меня) в дилерский центр в Колиме.

Прежде чем вернуться в свой отель, я зашел в небольшое кафе поужинать. На столе, где я сидел, лежала потрепанная газета, и я решил посмотреть, что в Текомане считается новостями. Над сгибом, в левой колонке, была зловещая фотография реактивного лайнера с горящим крылом, в крутом пикировании. Мне удалось разобрать суть статьи. Накануне пассажирский самолет компании «Пасифик Саутвест Эйрлайнз» столкнулся с другим самолетом и упал на жилой квартал у нас в Сан-Диего. Сообщалось, что 137 человек погибли в двух самолетах и еще семь – в домах на земле. Я удивлялся, почему моя мама ничего об этом не сказала, когда мы разговаривали по телефону. Может быть, она думала, что у меня и так достаточно причин для беспокойства. *Мне стыдно, что я жаловался ей на жизнь*.

Осознание того, что эта трагедия произошла в нашем городе – точно в то же время, когда я жалел себя на берегу реки Остула, – дало мне совершенно новую точку зрения на собственную удачу в последние несколько недель. Эти бедные люди невинно занимались своими делами, когда на них буквально с неба обрушилась катастрофа. Боже милостивый, люди в своих домах на земле даже не знали, что вот-вот умрут. Я задавался вопросом, натворил ли кто-нибудь из них столько же тупых и мерзких дел, сколько я. Разница в том, что у них никогда

не было возможности попросить прощения или загладить свою вину. Просто «БАМ!» – и их не стало. Да и меня неоднократно предупреждали, чтобы я собрался с мыслями – или придется заплатить еще большую цену, чем я уже заплатил. Так что на хер эту вечеринку жалости к себе. И меня самого. Мне повезло побольше многих. Возможно, мое покаяние еще не закончилось (я ни на секунду не сомневался, что мне придется пройти через еще больший ад), но у меня была возможность, по крайней мере сегодня, изменить направление, в котором я шел.

Эль-Гран-Отель-Колима

Удивительно, но ребята были поблизости, готовые уехать, когда мы с моим нанятым эвакуатором пересекли реку Остула и направились к нашему импровизированному лагерю. Каким бы странным ни был эвакуатор, было очевидно, что его владелец точно знал, что делает. Он зацепил 1DRBUS, закрепил его и был готов ехать уже через несколько минут. Я ехал впереди с водителем, Лось и Жеребец сидели в автобусе.

Переправившись обратно через эту проклятую реку, мы остановились только для заправки в Текомане, прежде чем продолжить путь по извилистой дороге в джунглях в Колиму. Так же, как и Роберто из дилерского центра «Фольксваген» в Ла-Пасе, менеджер по обслуживанию в Колиме организовал для нас место для проживания. Однако на этот раз вместо укрытия из гофрированной жести нам предоставили дом-прицеп для пикапа (без самого пикапа), стоящий на блоках в открытом поле на северной окраине Колимы.

Наш прицеп сам по себе был подобием острова. Оттуда даже невозможно было *увидеть* цивилизацию. Единственное, что бросалось в глаза, – это огромный вулкан, извергающий дым вдалеке. Несмотря на это, рано утром на следующий день к нам на велосипеде подъехал мальчик-подросток с небольшой корзинкой мексиканских сладких булочек. Он попросил по одному песо (около тринадцати центов) за каждую, но мы были так благодарны за эту небольшую любезность, что купили их все и отправили его обратно с двойной оплатой. Неудивительно, что он появился на следующий день с *двумя* корзинами выпечки и хлеба в руках!

Я подождал еще один день, прежде чем вернуться в дилерский центр, желая дать им достаточно времени на ремонт. Мне не нужно было этого делать. Менеджер по обслуживанию отвел меня в подсобку и показал мне мой двигатель, все еще в разобранном виде разложенный на верстаке. Он сделал все возможное, чтобы объяснить: из-за глубокого и долгого погружения все масло было вытеснено мутной водой. Поршневые кольца намертво приржавели, и механик повредил их, пытаясь вытащить.

К сожалению, я модифицировал свой двигатель, поставив увеличенные цилиндры и поршни, чтобы выжать из него немного больше мощности. (В конце концов, это был мой *вундербас*, «чудо-автобус». Я же не мог оставить его обычным, не так ли?) Он продолжал объяснять, что ближайшее к Колиме место, где

продавали поршневые кольца такого типа, находилось в Мехико. Что еще хуже, поскольку кольца не были оригинальными комплектующими «Фольксваген», политика дилерского центра не позволяла заказывать их напрямую. Они настаивали на том, что единственный возможный для меня способ получить их (тем более что у меня были только наличные для оплаты) – это лично отвезти мои старые кольца в специализированный магазин внедорожников в Мехико-Сити и купить новые самостоятельно. Тогда, и только тогда, дилер «Фольксваген» мог установить большие поршневые кольца в мой двигатель. Однако они не могли дать гарантии успешного ремонта из-за использования неоригинальных комплектующих. Я изо всех сил пытался выяснить, нет ли какого-то другого варианта, но они не уступали ни на йоту. Либо так, либо никак.

Три золотые звезды

Вместо того чтобы провести лишнюю ночь в нашем доме-прицепе в Колиме, я пошел на автобусную станцию и купил билет на вечерний автобус до Мехико, прежде чем вернуться и предупредить парней. Tres Estrellas de Oro – «Три золотые звезды» – был единственным автобусным перевозчиком в Колиме, и я предположил, что это было что-то типа нашей «Грейхаунд»: крупнейшая компания по эту сторону границы. Это было путешествие в стиле «изнурительный экспресс»: выезд из Колимы в девять вечера, двухчасовая остановка и пересадка в Гвадалахаре, а затем всю ночь до Мехико с запланированным прибытием полдесятого утра.

О сне не могло быть и речи на первом этапе путешествия, предполагавшем трехчасовую поездку из Колимы в Гвадалахару. Каждый раз, когда я подумывал о том, чтобы лечь на спину и на минуту закрыть глаза, наш автобус выскакивал на очередной слалом – извилистый участок горной дороги, на котором нужно было за что-нибудь держаться, сжимая кулаки до белых костяшек. С другой стороны, я мог не волноваться, что наш водитель заснет за рулем. Он, несомненно, считал делом чести нестись по узкому шоссе на максимально возможной скорости.

Мы прибыли в Гвадалахару в полночь, на целых полчаса раньше графика, и, к счастью, целыми и невредимыми. Я не захватил с собой никакой еды и теперь страдал. Посадка на автобус до Мехико начиналась через два с половиной часа, поэтому, имея свободное время, я вышел на улицу, в сырой, пахнущий плесенью ночной воздух, и обошел городскую площадь в поисках открытого магазина или ресторана. Если не считать одинокой, небрежно выглядящей тележки с тако на углу, я выяснил, что единственным местом, где можно купить еду в этот час, была автобусная станция. Но и там выбор ограничивался закусками и напитками из торговых автоматов. Обычные чипсы, конфеты и газированные напитки, плюс одна витрина с ассортиментом каких-то влажных, коротких, похожих на сэндвичи-торпеды штуковин, завернутых в прозрачный целлофан и заклеенных скотчем.

Автомат с конфетами жужжал и скрежетал, ничего не выдав, но хотя бы вернул деньги. Монеты, брошенные в автомат с содовой, сразу покатились в возвратный слот без какого-либо заметного эффекта. Я подошел к кассе и попросил о помощи, полагаясь на один семестр испанского языка в средней школе и жесты рук. Дама за решеткой в конце концов поняла меня,

позвонила по громкой связи, чтобы кто-нибудь помог, и отправила меня обратно к ряду торговых автоматов ждать. Я был немного удивлен, когда в этот час ко мне на помощь прибежал подросток. Недопитая двухлитровая бутылка «Маунтин Дью» под мышкой объясняла его избыток энергии. На поясе у него висело внушительное увесистое кольцо с несколькими дюжинами ключей. Он методично перепробовал их все, один за другим, один за другим… на каждом автомате, пока не убедился, что *ни один* из них *ничего* не открывает. Пожав плечами, он скользнул к витрине с таинственными бутербродами, распахнул переднюю панель и жестом предложил мне взять то, что я хотел. Они были довольно маленькими и должны были спасать меня от голода по крайней мере еще десять часов, поэтому я выбрал два, которые выглядели получше остальных. Молодой человек сделал глоток из своей бутылки с газировкой, закрыл крышку и вытер рот тыльной стороной свободной руки, прежде чем протянуть ее мне ладонью вверх.

– Quince pesos cada uno por favor[45].

– ¿Que es?

Я, наверное, должен хотя бы спросить, что это вообще такое.

– Tortas ahogados.

Вот дерьмо. Я не знаю, что это за слово.

– ¿Que carne?

Надеюсь, я спрашиваю, что это за мясо.

– ¡Sí! Carne de cerdo[46].

– Gracias.

Что ж, я узнал «sí» и «carne». *Может быть, «torta» – это какая-то пухлая тортилья. Одному Господу известно, что это за «де-серто»*.

– De nada.

Не беспокойся? Ха. Тебе легко говорить.

Все еще не зная точно, что находится внутри упаковок, я отдал тридцать песо, чтобы рассчитаться. Стараясь не пить из фонтанчика и не имея возможности достать содовую из автомата, я остался на ужин только с парой загадочных сэндвичей.

Лучше всего эти булочки можно описать как смесь маслянистой французской заправки и, возможно, соленого томатного соуса, который сочился из них, когда я снял скотч и целлофан. Теперь, когда они были распечатаны, от них исходил отчетливый резкий аромат. Прежде чем откусить кусочек, я решил, что должен спросить кого-нибудь, можно ли это есть. Кассирша могла бы помочь, но кусок потрепанного картона, засунутый за решетку в окошке ее будки, на данный момент исключал этот вариант. Парень вернулся, чтобы тщательно

перепроверить каждый из своих ключей в торговых автоматах, все еще надеясь, что какой-нибудь ключ подойдет. Я привлек его внимание и поднес один из свертков жжено-красного цвета к своему лицу, сморщил нос и покачал головой, как бы говоря: «Воняет». Он помахал мне рукой, крепко держа другую руку на связке ключей, очевидно, боясь потерять свое место.

– Son un poco viejos, pero estoy seguro de que están bien[47].

«Seguro» и «bien» – его единственные слова, которые я понимаю. «Уверен» и «хорошо».

Он говорит, что это можно есть?

– Lo siento, amigo. ¿Seguro? ¿Bien?

– ¡Sí! Tuve una hace un par de diás. ¡Fue muy bueno![48] – ответил мальчик, потирая живот.

Мне удалось проглотить пару кусочков, прежде чем я решил, что, возможно, будет лучше остаться голодным. Так как у меня не было ничего, что можно было бы выпить или чем прополоскать рот, стойкий привкус все еще оставался во рту спустя два часа, когда я садился в автобус в Мехико. Автобус был битком забит; единственное свободное место находилось в проходе последнего ряда сзади. Спинка моего сиденья не откидывалась, потому что упиралась в моторный отсек позади меня. Кровать второго водителя была в отсеке над двигателем. Крошечная уборная через проход от меня занимала место, где могла бы влезть еще одна пара сидений. Всего через несколько минут после того, как мы покинули вокзал Гвадалахары, все пассажиры автобуса, за исключением меня и старика, сидевшего рядом со мной у окна, опустили шторки, погасили верхний свет и блаженно откинули спинки сидений.

Поездка, которая должна была длиться семь часов без остановок, началась без происшествий. Шоссе было современным и, по мексиканским стандартам, довольно прямым и гладким. Поскольку все боковые окна были закрыты опущенными шторами, единственными сигналами из внешнего мира были отблески случайных встречных фар, которые освещали салон автобуса, как луч далекого маяка. Через час после начала поездки гипнотическое спокойствие, которое внушал этот длинный участок шоссе, быстро затмевалось растущей турбулентностью в моем животе. *Черт возьми. Я же знал, что не должен был откусывать от этой штуки, и чертовски уверен, что не должен был это проглатывать!*

В течение следующих нескольких часов я провел бóльшую часть своего времени, занимая место в «шкафу» через проход, прерываясь только на то, чтобы впустить в туалет «товарища по заключению» в автобусе. Мне было слишком плохо, чтобы

беспокоиться о том, что кому-то придется заходить после меня в это клаустрофобное логово. Обезумев от лихорадки и почти уверенный, что умру, я стучал зубами, мучился от жара и пропитывал по́том одежду. Мои шнурки были развязаны, свидетельствуя о неудачной попытке снять штаны и избавиться от испачканного нижнего белья. Старик, когда-то сидевший рядом со мной, теперь сидел, скрестив ноги, на твердом полу прохода в передней части автобуса. Я предположил, что все, кроме него, водителя и меня, спали. Не то чтобы это имело значение. Никто не осмеливался подойти и предложить мне одеяло или глоток воды, но я их за это не винил. И теперь, когда мои наручные часы принадлежали водителю самосвала в Ла-Тикле, я даже не мог узнать, как долго я еду в этом автобусе или, что более важно, когда я смогу из него выйти.

Мой нос и горло горели – побочный эффект рвоты. Тем не менее я ощутил отчетливое жжение от давно бездействующего электрического обогревателя, включенного впервые с весны.

Слава Богу! Водитель наконец-то включает обогрев. Здесь можно было мясо морозить.

Мое облегчение было недолгим. Запах, становившийся все резче, был запахом горящей проводки, и он исходил из моторного отсека за моим сиденьем!

Может быть, ничего страшного не происходит. Вдруг я в бреду, или у меня галлюцинации, или что-нибудь еще. Нет. Теперь там еще и дым. *Да вы, блин, издеваетесь надо мной!*

Густой, черный, разъедающий глаза дым начал проникать в салон из-за моего сиденья, заполняя пространство между мной и туалетом, просачиваясь сквозь занавес у отсека второго водителя. Прилив адреналина придал мне сил. Я вскочил, отдернул занавеску и разбудил его от явно глубокого сна.

– Пожар! Пожар! Двигатель горит! – *Он должен это понять, верно?*

– ¿Qual es tu problema?[49] – пробормотал он, протирая глаза. Затем его глаза широко распахнулись. – ¡Oh mierda! ¡Mierda! ¡¡¡Mierda!!![50]

Одетый лишь в черные носки, спортивные штаны и майку-алкоголичку, он выскочил со своего места и побежал к передней части автобуса.

Хм-м-м… Наверное, «mierda» – это «огонь» по-испански.

Автобус быстро замедлил ход и остановился на обочине шоссе, и я решил внести свой вклад в устранение катастрофы. Расталкивая пассажиров, проснувшихся на сиденьях в проходе передо мной, я объявил громким, строгим голосом, требуя как можно большего внимания: «Мьерда! Мьерда!» – и указывал на

заднюю часть автобуса.

Пожилая женщина, сидевшая прямо передо мной, не подняла глаз и даже не открыла их. Вместо этого она вытянула средний палец в мою сторону и прорычала:

– ¡Cállate, pendejo![51]

О'кей, понял. Это я выучил еще в начальной школе.

– Нет, нет! Мьерда, сеньора! Мьерда!

Я отпрянул, чтобы избежать удара тыльной стороны ее руки, но она увидела дым, ползущий по полу, и остановилась на середине замаха.

– ¡Estamos en llamas! – Она ткнула пальцем в ребра спящего рядом с ней мужчины. – ¡Estamos en llamas![52]

По мере того как новость катилась вперед, ряд за рядом, беспокойство пассажиров нарастало, пока не достигло пика в передней части автобуса, превратившись в небольшое цунами. Люди зашевелились, встали, поправили одежду и собрали свои вещи, как будто они прибыли на станцию и готовились к высадке. Всех опередил второй водитель – все еще в майке-алкоголичке, спортивных штанах и черных носках – с огнетушителем в руках. Спустя несколько мгновений послышался звук распахивающегося моторного отсека, а за ним характерный *бх-вушшшшшшш* огнетушителя. Водитель в форме, все еще сидевший за рулем, нажал на кнопку громкой связи и сделал краткое заявление, из которого я не понял ни слова. Основной смысл его заявления стал очевиден, когда очередь сонных пассажиров двинулась вперед: все должны были выйти из автобуса.

Второй водитель, все еще в носках, не мог оставаться на холоде, поэтому протиснулся обратно в салон, мимо очереди пассажиров, которые уже без особого энтузиазма покидали автобус. Его нос стал темно-красным, граничащим с фиолетовым; он энергично потирал обе руки и делал все возможное, чтобы пробраться сквозь толпу ворчащих пассажиров.

– Lo siento. Lo siento. ¡Hace mucho frio por ahi![53]

Для меня это все тоже выглядело не слишком оптимистично. Моя футболка с длинными рукавами промокла от пота и прилипла к рукам, спине и груди. Не подготовленный ни к чему, кроме обещанного тропического тепла на побережье, для холодной погоды я взял разве что легкую толстовку, которая в этот момент уютно лежала в моем рюкзаке в багажном отсеке автобуса. Бесчисленные звезды в небе, которое было чернее самой черноты, и стена неприлично холодного воздуха завладели моими чувствами, как только я сделал первый шаг. Стоял безжалостный холод. Пронизывающий холод, которого я никогда раньше не испытывал.

Водитель в форме повел нас по участку голой земли перед автобусом, в стороне от шоссе. Фары нашего автобуса все еще ярко светили, так что в этом направлении, кроме них, невозможно было ничего увидеть. Наши тени достигли едва различимого вдалеке перед нами дорожного указателя, мимо которого мы давно должны были проехать.

San Cayetano Morelos Elevación de 2610 metros

Срань господня. 2610 метров! Это объясняет, почему я нахожусь в шаге от того, чтобы замерзнуть здесь насмерть… Срань господня.

Второй водитель вышел из автобуса в теплом пальто и рукавицах. Он свистнул, чтобы привлечь наше внимание, и сделал объявление – опять же, совершенно непонятное для меня – и услышал в ответ еще большее ворчание. Через несколько минут другой автобус, также украшенный надписью Tres Estrellas de Oro, съехал с шоссе и притормозил рядом с нашей группой.

Аллилуйя! Мы спасены! СПАСИБО ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Наш второй водитель вошел внутрь и быстро переговорил с водителем нашей четырехколесной спасательной шлюпки. Присоединившись к нашей группе через две минуты, он подозвал к себе трех женщин и проводил их к новому автобусу. Мгновение спустя двери захлопнулись, и наш спаситель отъехал, оставив на память облако дизельных паров и пыли, висевшее в воздухе.

И это все? Три паршивых человека? Сколько до следующего автобуса? Нас здесь еще сорок пять человек! Такими темпами некоторых из нас наверняка постигнет та же участь, что и партию Доннера[54]!

Так оно и пошло. Каждые десять-пятнадцать минут с шоссе съезжал очередной автобус Tres Estrellas de Oro, и от одного до пяти человек из нашей группы садились в него и исчезали. Страдая от безжалостной лихорадки и периодических рвотных позывов, иногда сопровождающихся приступами диареи, я беспокоился, что до кучи получу еще и нервный срыв. Прошел час, затем второй, третий… В итоге на дороге остались второй водитель, я и наш автобус-инвалид. Я умолял его позволить мне забрать свой рюкзак или вернуться в автобус, но с помощью языка жестов он настоял, чтобы мы оставались на открытом месте, где проезжающие автобусы могли нас видеть.

Я не верил, что может стать еще холоднее, но когда на небе начали появляться признаки рассвета, поднялся ветер, и холод усилился. Слишком ослабев, чтобы стоять, я сел на замерзшую землю, сжавшись в комок и обхватив колени руками. Мне требовалась каждая капля быстро угасающей силы воли, чтобы не откинуться.

Я действительно не знаю, как долго я там сидел, когда штурман растолкал меня и помог подняться на ноги. Мои руки не

слушались, и я не чувствовал ног, поэтому он поднял меня за под мышки и почти понес к спасительному автобусу. Потребовалось двое мужчин, чтобы поднять меня по ступенькам, и, оказавшись внутри, я узнал, что свободных мест нет. Мне пришлось сидеть на полу в задней части автобуса. В любом случае это было, наверное, лучшее место для меня. Мне милостиво дали одеяло, я свернулся калачиком в позе эмбриона и вырубился.

Я был все равно что мертвый и видел странные сны. Мне приснилось, что двое полицейских вытащили меня из автобуса, вывели на улицу в слепящий дневной свет и затолкали в старый «Фольксваген-жук». Мы мчались по людным улицам, которые были заполнены морем разноцветных «Фольксвагенов». Мы кружили и кружили, вращаясь вокруг величественной статуи с раскинутыми руками, скрепляющей центр хаотичной Солнечной системы. Мы избежали его гравитационного поля только для того, чтобы нас засосало другое поле, а затем третье. В итоге наш «жук» остановился, и оттуда, где должен был быть водитель, ко мне протянулась перевернутая ладонь. Я отдал свой бумажник; водитель проводил меня до открытой двери, вытолкнул и уехал.

Глава 9. Побег

Несомый ангелами

Тыльная сторона мягкой ладони мягко коснулась моего лба, и я моргнул, открыв глаза.

– Вы проспали тридцать часов. Как вы себя чувствуете?

– Где я?

Передо мной лицо ангела, но я лежу на старом матрасе на полу крошечной затрапезной комнаты, так что это не может быть раем, верно?

– Мехико-Сити. В квартире моего парня недалеко от университета. Мой двоюродный брат Сальвадор привез вас сюда вчера на своем такси. Полиция сказала ему, что вам нужно найти университет, но потом вы потеряли сознание и не смогли сказать, кого здесь знаете.

Приподняв простыню, я не узнал толстовку, которая была на мне.

– Вы прекрасно говорите по-английски. Где моя одежда?

– Мой парень изучает здесь землетрясения. Он с Аляски. Он учит меня английскому языку. Что касается одежды, то вы прибыли в состоянии… *una calle común borracho*… дайте-ка подумать… это что-то вроде… «бродяга из трущоб», я думаю. Хорошо, что вы американец и что знали, что вам нужно найти университет. Иначе вы могли бы сейчас оказаться в сточной канаве и все еще задаваться вопросом, где вы.

– Большое вам спасибо! Я действительно ничего не помню о том, как я сюда попал… Мне было очень плохо от какой-то испортившейся еды… Я думаю… с автобусной станции в Гвадалахаре.

Она действительно была ангелом. Или, может быть, я все еще спал?

– Я все еще сплю? Как вас зовут?

– Изабелла. Моего парня зовут Мэтью. Он называет меня Иззи.

– Простите, я совсем забыл о хороших манерах. Меня зовут Пол. Пол Адам Уилсон.

Нет никакого смысла говорить «Оптерс».

– О, мы уже узнали ваше имя из вашего кошелька. – Она указала на мои свежевыстиранную рубашку и брюки, аккуратно сложенные поверх теннисных туфель рядом с матрасом. Сверху лежал мой бумажник, обернутый ремнем. Я боролся с желанием потянуться за ним, понимая, как некрасиво было бы с моей стороны пересчитывать свои деньги перед ней.

Изабелла, должно быть, почувствовала мое беспокойство. Она

прикусила губу, слегка наклонила голову и очень серьезно посмотрела на меня:

– Пожалуйста, сеньор Пол. Пожалуйста, простите меня за то, что я в него заглянула. – Она сделала паузу на пару секунд, прежде чем приподнять одну бровь и расплыться в озорной усмешке. – У вас в кошельке многовато денег для *una calle común borracho*. У вас, должно быть, очень большие планы на это место!

– Ха! Хотел бы я, чтобы у меня были большие планы! Я приехал в Мехико, чтобы купить кое-какие запчасти для своего автобуса «Фольксваген», который сломался в Колиме. Я также надеюсь найти место, где мне смогут отремонтировать кинокамеру. Видите ли, мой автобус и моя камера попали в ливневый паводок в маленьком городке недалеко от Текомана на побережье. До сих пор вся эта поездка была для меня полной катастрофой. – *Что за тупица… Надо сказать что-нибудь, чтобы подсластить пилюлю.* – Не уверен, что пережил бы ее, если бы не такие добрые и честные люди, как вы.

Как раз в этот момент парень вернулся домой, временно избавив меня от необходимости закапывать себя еще глубже.

– Мэтью! Он проснулся! Пол уже проснулся! – позвала его Изабелла.

Мэтью, похоже, был гавайцем или полинезийцем. По какой-то причине я ожидал увидеть кого-то вроде сурового рыжебородого потомка викингов, ведь мне сообщили, что он с Аляски, и все такое. Если не считать этого фактора, у Мэтью была одна из самых теплых и искренних манер поведения среди всех, кого я когда-либо встречал (кроме разве что моей мамы).

Изабелла извинилась и ушла готовить ужин, оставив нас с Мэтью. Он хотел знать все о моей поездке, вплоть до мельчайших деталей, которые, я был уверен, наскучили бы большинству других. Я рассказал о тридцати восьми литрах масла, понадобившихся для того, чтобы добраться до Ла-Паса, и о том, какими невероятными были люди в дилерском центре «Фольксваген». Я рассказал, как «Красное море скота» расступилось, чтобы пропустить нас. Он следил за ураганом «Норман» в новостях и не мог поверить, что мы отправились в это время на пароме в открытый океан. Я даже описал, как мы использовали качающееся полотенце Лося, чтобы рассчитать высоту волн. Как инженер-геолог, он это оценил. Мэтью восхищался нашими переправами через реку Остула: одной успешной и второй – не очень. Он сказал, что регион вокруг Остулы недавно стал эпицентром *кровопролитного* конфликта между фермерами и наркоторговцами, которые стремятся получить контроль над плодородными землями в предгорьях

Сьерры. Рассказав о проблемах, случившихся в нашей поездке до этого момента, я почувствовал необходимость пойти дальше и рассказать ему о проступках, которые каждый из нас совершил перед отъездом, и вслух задался вопросом, могут ли они каким-то образом доставить дополнительные неприятности.

Мы втроем взялись за руки за столом, прежде чем приступить к ужину. Мэтью взглянул в мою сторону, как бы предлагая произнести молитву, но я так же быстро отвернулся, надеясь передать ему эту почетную миссию. Его молитва была прекрасна. Любовное выражение сердечной признательности Богу, сначала за наши испытания, а затем за извлеченные уроки и, наконец, за безопасность и мир в познании Его непоколебимой любви к нам.

Мэтью и Изабелла договорились, что ее двоюродный брат Сальвадор заберет меня утром. Он отвезет меня в специализированный магазин запчастей для внедорожников «Фольксваген» и в мастерскую по ремонту фотоаппаратов, а потом вернет меня на главный автовокзал в центре города как раз к моей ночной поездке обратно в Колиму.

Мэтью отвел меня в сторону после ужина.

– Пол, я должен сказать вам три очень важные вещи. Во-первых: Сальвадор зарабатывает немного, и он никогда не попросит, но я знаю, что он ничего не получил, привезя вас вчера сюда с автобусной станции. Я думаю, что десять или двенадцать долларов неплохо дополнят то, что он получит завтра. Второе: изо всех сил старайтесь хранить Бога в своем сердце. *Он* всегда с вами. Если вы верите в *Его* милосердие и *Его* всепрощение, то подведите черту под своим прошлым и оставьте свои прежние проступки позади. И третье: мы постирали только вашу *одежду*. От вас, однако, все еще попахивает, и вам определенно нужен душ. Я уверен, что Сальвадор и ваши попутчики в автобусе оценят это по достоинству. Спокойной ночи.

De nada

К тому времени, как я закончил надевать обувь, Сальвадор уже сидел за кухонным столом и пил кофе из термокружки. Двумя днями ранее мы час с лишним ехали на его «Фольксвагене-жук», и кульминацией этой поездки стало то, что он доставил меня к порогу Мэтью и Изабеллы. Этим утром я впервые встретился с ним – во всяком случае, будучи в здравом уме и твердой памяти.

Изабела приветствовала меня:

– ¡Buenos dias, Pablo! Este es mi primo, Salvador. El que te trajo aqui desde la estacion de autobuses.

– Что?

– Мы просто прикалываемся, мой друг! На мгновение вы снова обрели потерянный вид!

Все они как следует посмеялись надо мной, прежде чем Мэтью встал и повторил то же на английском.

– Пол, это двоюродный брат Иззи – Сальвадор. Это он на днях привез вас сюда с автовокзала. Сальвадор также изучает английский язык, и не без успехов.

Я протянул руку.

– Спасибо, Сальвадор. Черт возьми, «спасибо»! Это кажется таким жалким после того, что вы для меня сделали.

Он притянул меня к себе, чтобы быстро обнять и хлопнуть по спине.

– ¡De nada, Pablo! Я счастлив, что помог. Вы были в плохом состоянии. Я понял все, кроме слова «жалкий».

– Друг мой, «жалкий» означает «слабый» или «лишенный силы». Вы знаете, как и я, что вы мне очень помогли. В данном случае это слово описывает, насколько мало мое «спасибо» по сравнению с тем, что вы для меня сделали.

– De nada, Pablo. – Ну вот опять. «*De nada*» Как гигантский знак препинания, единственная цель которого – не дать слушающему ответить.

Я выучил новое слово за завтраком, точнее, два слова. *Pan dulce*. У нас вчетвером на завтрак были pan dulce – тот же набор сладких булочек и выпечки, который молодой продавец каждое утро доставлял в наш автофургон, стоящий в сухом доке в Колиме. Еще один кофе, и пора идти. Мы обменялись объятиями и прощаниями, изобилующими множеством «спасибо» и «de nada». Изабелла собрала мне обед, чтобы поесть по дороге обратно в Колиму, по ее словам, «потому что у меня явно не хватило ума не покупать еду на автобусной станции».

Сальвадор вновь усадил меня в свой выцветший серо-зеленый «Фольксваген-жук». В нем отсутствовало переднее пассажирское сиденье, и он был модифицирован, чтобы служить в качестве такси. Обшивка потолка, подлокотники, козырьки и коврики были удалены. Традиционная пара ручек с виниловым покрытием для пассажиров была заменена прочными ручками гаражных ворот из оцинкованной стали. Заметив мой интерес к ним, Сальвадор улыбнулся и сказал:

– Мы называем их «¡Oh Dios mío! Manijas». Ручки «Боже мой!». Они бывают очень полезны при езде по городу, особенно на круговом движении в центре.

Кольца двигателя были единственной причиной моей поездки в Мехико, и Сальвадор сначала повез меня за ними. Совершенно никаких проблем не возникло: в автосервисе точно знали, что мне нужно, и имели их в наличии. Мы вошли и вышли менее чем через пять минут с четырьмя новыми кольцами в руках. Я испытал чувство неудовлетворенности и какой-то незавершенности. Адская поездка на автобусе, рвота, пожар, шаг до смерти от переохлаждения, два дня и две ночи у Мэтью и Изабеллы, еще один автобусный марафон впереди… *И кульминация всего этого – пять минут в магазине автозапчастей?*

– Вы выглядите грустным, Пол. Разве вы не счастливы, что у них были подходящие детали для вас?

Это настолько очевидно окружающим?

– Нет, я счастлив, что наконец получил детали. Просто после всего случившегося это немного разочаровывающе.

– Возможно, ты приехал сюда по другой причине, Пол?

Ну, это меня задело. Все дело во мне, и я это демонстрирую.

– Извини, Сальвадор. Я не это имел в виду. Просто за последние несколько дней со мной произошло так много вещей – как хороших, так и плохих, и то, что я считал самой важной частью этой поездки в Мехико, в итоге стало самой незначительной из них. Я уверен, что буду помнить доброту, которую оказала мне ваша семья, еще долго после того, как мои проблемы будут забыты.

– De nada.

Следующей нашей целью была мастерская по ремонту фотоаппаратов на другом конце города, принадлежащая дяде Сальвадора и Изабеллы – Хорхе. Мэтью сказал мне, что это лучшее место во всей Мексике, где можно починить мою кинокамеру, и он проследит, чтобы ее отправили мне, когда она будет готова. Витрина магазина была современной и впечатляющей, с большой и замысловато сплетенной неоновой вывеской над входом:

REPARACION DE ARTICULOS FOTOGRAFICOS
Y CINEMATROGRAFICOS EN GENERAL
Jorge M. Espejel, Propietario

Вау. Какое счастье, что я связался с этим кланом! У этой семьи было все, что мне было нужно!

– Ух ты, Сальвадор. У тебя есть семья, которая может все!

– Пабло, в Мексике семья очень важна для нас. Эти традиции… или ценности… передаются от поколения к поколению. Нас учат ценить и уважать всех родных, – продолжил он с улыбкой, – даже тех, кто, возможно, не так уж заслуживает этого. Я не повезу тебя в гости к моему дяде, который работает в Prisión Estatal – нашей государственной тюрьме. Но он тоже член семьи. И мы с самого раннего возраста учимся уважать всех, в ком течет наша кровь.

Это правда круто. В моем случае «членов семьи», с которыми я встречался, можно пересчитать по пальцам, даже с запасом.

Хорхе осмотрел мою кинокамеру и осторожно снял панель с ее нижней части, показав, что электроника, установленная внутри, была покрыта грязью, все еще достаточно влажной, чтобы блестеть в свете лампы на его рабочем столе. Он выглядел грустным, как ветеринар, осматривающий домашнее животное, которое не переживет столкновения с машиной. Хорхе достал из сумки мои двенадцать маленьких коробочек с проявленной пленкой, извинился, вошел в комнату в дальнем углу своего магазина и закрыл за собой тяжелую дверь. Прошло пять минут, прежде чем он вернулся, снова выглядя несчастным. Он повернулся к Сальвадору и пробормотал несколько фраз по-испански. Я мало что понял из этого, но его поведение и жесты подтвердили мои худшие опасения. Моя совершенно новая, первоклассная кинокамера Nikon XL8S Super-8 с телеобъективом с мощным зумом, замедленной съемкой, стоп-кадром, *та, о которой я всегда мечтал*… накрылась медным тазом.

Сальвадор начал переводить плохие новости на английский, но я поднял руку.

– Я понял достаточно. Камеру нельзя спасти, верно?

– Нет. Мне очень жаль, мой друг. Мой дядя говорит, что это безнадежно. С пленками тоже все плохо. Он осмотрел их в своей темной комнате. Каждый моток подвергся воздействию воды и испортился.

Слава богу, мама настояла, чтобы я взял с собой ее старый фотоаппарат «Покет Инстаматик», иначе никто бы не поверил, что все это действительно произошло.

Хорхе осторожно вернул на место панель, вернул камеру и

испорченную пленку в сумку и благоговейно положил все это обратно на прилавок передо мной.

– Lo siento, señor.

– De nada, señor. De nada. Спасибо, что проверили ее для меня.

Сальвадор выручил меня, повернувшись к своему дяде и переведя:

– Gracias por comprobarlo por mi.

– De nada.

Моя модная камера и двенадцать пленок с экзотическим фильмом о серфинге «с места событий» остались у Хорхе (я счел все это бесполезным хламом и решил не таскать его с собой), и мы направились к главному автобусному терминалу в центре города. На станции царил хаос. Я не мог поверить, что полицейские подвели меня к обочине и бесцеремонно посадили в такси Сальвадора здесь пару дней назад. Из множества местных такси я оказался в этом. *Благодарю тебя, Боже*. Он забрал мой рюкзак с переднего сиденья и встретил меня у обочины.

– Спасибо, Сальвадор. Сколько стоит наша поездка? – к этому времени он возил меня уже пару часов.

– Сто пятьдесят песо вас устроит? Это около двадцати американских долларов.

Я вытащил сорок долларов из бумажника и протянул ему.

– Нет. Двадцати долларов недостаточно. Пожалуйста, примите это. Я хотел бы, чтобы у меня было в десять раз больше денег, чтобы заплатить вам. Спасибо за все, мой друг. И прежде чем вы скажете что-то мне в ответ… De nada.

Приданое Юголандии

Поездка на автобусе Tres Estrellas de Oro обратно в Колиму была потрясающей. Хотя оба автобуса были полностью заполнены, я и там, и там занял место у окна, и когда я не спал, то убивал время, глядя на удивительное звездное небо. Я осмотрел вокзал Гвадалахары во время нашей короткой пересадки, но не увидел парня с двухлитровой бутылкой «Маунтин Дью», который продал мне загадочные сэндвичи, но витрина с ними все еще была там. Я не подходил к ней ближе чем на три метра. Знаем мы уже эти сэндвичи.

Когда я вернулся в Колиму рано утром следующего дня, на городской площади кипела жизнь. Несколько групп детей школьного возраста резвились вокруг, ожидая прибытия своих автобусов. На мальчиках были рубашки с накрахмаленными воротничками и черные брюки, на девочках – белые блузки и темные юбки в клетку. Одежда напоминала форму для католической школы, и этим утром дети выглядели так, как будто сегодня им предстояло что-то особенно важное.

Я ожидал, что «желтый школьный автобус» остановится и заберет детей, но подъехавший автобус был сине-белым с каймой из белых шариков, звенящих на ветровом стекле. Это был старый школьный автобус. *Очень старый*. Настоящая классика, воплощенная в городском транзитном автобусе. И именно на нем мне нужно было ехать в дилерский центр «Фольксваген». Толпа хихикающих девчонок, все в одинаковой униформе, ворвалась в дверь, взяв меня в окружение, как единственного взрослого в группе. Чувствуя себя более чем неловко, я отступил на несколько шагов и наблюдал, как автобус заполняется до отказа. Оставшись единственным, кто еще не поднялся в салон, я вопросительно посмотрел на водителя.

Он подозвал меня к себе и спросил:

– ¿A dónde vas?[55]

Это я понимал. «Фольксваген». *Надеюсь, этого слова было достаточно; это все, что я мог сказать*.

Он махнул мне рукой, приглашая подняться, и жестом показал, чтобы я шел в заднюю часть салона. Я был по крайней мере на двадцать сантиметров выше потолка в автобусе, и моя голова была скована двумя рядами поручней из оцинкованной трубы – что, очевидно, было чертовски забавно для полного автобуса школьниц. Сгорбившись, чтобы не задевать потолок, и волоча за собой рюкзак, я вызывал фальшивые крики паники и визг позади себя: «¡El es Frankenstein!»

Автобус взорвался какофонией криков, смеха и хора «Франкенштейн!» «Франкенштейн!» «Франкенштейн!» Это была истерика. Я не мог удержаться от того, чтобы немного подыграть, резко выставляя левую ногу вперед, волоча правую (вывернутую наружу) за собой и очень медленно пробираясь в заднюю часть автобуса.

Водитель, должно быть, наблюдал за шоу в зеркало или, что еще хуже, через плечо. Автобус занесло вправо, и наши шины задели бордюр. От резкого поворота руля автобус как следует тряхнуло, и головы каждого пассажира мотнулись сначала вправо, а затем влево. Моя находилась между двумя поручнями из оцинкованной трубы, проходящими по всей длине потолка, о которые я и ударился. Я упал, как мешок с мокрым цементом, и снова вырубился.

Не знаю, как долго я был без сознания, но этого было достаточно, чтобы водитель автобуса склонился надо мной, когда я открыл глаза. Помогая мне подняться на ноги, он проводил меня до передней части автобуса, спустил по ступенькам и вывел через открытую дверь.

Он избавляется от улик? И что теперь?

Он окликнул молодую женщину, стоявшую за прилавком магазина напитков на другой стороне улицы. Они обменялись несколькими фразами, прежде чем меня передали на ее попечение, и автобус тронулся. Она усадила меня на один из полудюжины или около того барных стульев, которые занимали всю длину стойки, высыпала лед (по половине черпака на каждое) в два кухонных полотенца, свернула их и заставила меня держать по одному с каждой стороны головы. Закончив с этим, она занялась приготовлением и подачей мне невероятного свежего коктейля из папайи, банана, апельсина, яйца, кокоса и меда. Я был без ума. Я имею в виду смузи.

После того как я знатно приложился головой (дважды!), я обрадовался возможности просто посидеть с мешками льда. Размышляя, может ли в данных обстоятельствах заморозка мозга быть действительно хорошей идеей, я сделал еще один долгий глоток смузи через соломинку.

– ¡Gracias!¿Como te llama?

Спасибо урокам испанского языка мистера Брауна в восьмом классе.

– Mi nombre es Rosa. ¿Y usted?

– Mi nombre es Pablo. ¡Hola Rosa, mucho gusto!

Видите, мистер Браун? Я запоминал внимательно!

– Igualmente.

Ладно, этого я не понимаю, но мне показалось, что это что-то

хорошее. Я просто кивну и улыбнусь.

Покончив со смузи, я решил, что сейчас самое подходящее время сориентироваться и разобраться, где я нахожусь относительно дилерского центра «Фольксваген». Я откинулся назад достаточно далеко, чтобы разглядеть красочную вывеску над прилавком магазина соков.

«Юголандия». Ух ты! Идеальное название для этого места! «Земля сока». Я буквально мог бы всю жизнь питаться тем, что здесь подают! Выйдя на тротуар, я обнаружил, что нахожусь на другой стороне улицы и всего в двух кварталах от дилерского центра! Чем скорее я передам эти кольца в их руки, тем скорее мы сможем вернуться домой. Я вытащил пакет с деталями двигателя из своего рюкзака и проделал приличную работу на языке жестов, сообщив Розе, что мне нужно отнести их вниз по улице к механикам «Фольксваген».

– ¿Cuánto cuesta, Rosa? – Ой. Этому меня научил Лось. Я молю Бога, чтобы это относилось не только к проституткам!

– De nada, Pablo.

Опять?! Я не могу пить это бесплатно! Ничего себе! Я оставлю запчасти в «Фольксвагене», вернусь сюда и попробую еще раз.

Дилерский центр стал еще одним несущественным эпизодом моего пути. Менеджер по обслуживанию проверил кольца для моего двигателя и сказал, что автобус будет готов к завтрашнему полудню. Йи-ха!!! Я поднял руку, планируя дать ему пять, но мужчина оказался самым скучным человеком на свете, ответив мне лишь нерешительным движением подбородка.

Когда я вернулся в «Юголандию», Роза познакомила меня со своим отцом Эдуардо, который, по-видимому, владел магазином. Под полями ковбойской шляпы лицо Эдуардо выглядело обветренным и усталым – жертва бесчисленных дней под тропическим солнцем. Он настоял, чтобы я сел на табурет в центре бара, и пододвинул свой собственный табурет к моему. Несмотря на то что его английский был таким же ограниченным, как и мой испанский, мы делали все возможное, чтобы общаться, и на самом деле довольно неплохо понимали друг друга. Он попросил Розу подать мне еще один коктейль. Он был еще более волшебным, чем первый, хотя я не знал, из чего он сделан. Я сказал ему, что это лучшее, что я когда-либо пробовал, и спросил, есть ли у него другие магазины. Он донес до меня мысль, что этот магазин – единственный и что он провел более тридцати лет за этим прилавком, совершенствуя свои рецепты. Он сказал мне, что его сыновья больше не хотят иметь ничего общего с этим бизнесом, а его жена скончалась в прошлом году. Роза была

младшей, его единственной дочерью и единственной, кто оставался преданным семейному делу. Со вздохом он сообщил, что она унаследует место за его стойкой, когда он станет слишком старым.

Я отлично проводил время – уже приступив к третьему огромному коктейлю – и все еще общался с Эдуардо. Не было абсолютно никакой необходимости (да и желания) мчаться обратно в кемпинг в глуши и тусоваться с Лосем и Жеребцом. Не имея никаких дел до завтра, я мог расслабиться и провести еще немного времени со своими новыми друзьями. Время летело, а завсегдатаи магазина приходили и уходили. Поставь сюда немного бейсбола по старому черно-белому телевизору в конце бара, и это место могло сойти за забегаловку в любом маленьком городке.

Пару часов спустя, уже в сумерках, Эдуардо пригласил меня поужинать с ним в ресторане его друга неподалеку. Похлопав себя по тугому животу, я засмеялся и сказал ему, что я так непристойно раздулся – проведя весь день за его коктейлями, – что у меня не было ни единого шанса съесть что-нибудь еще. Я сказал ему, что мне действительно понравилось проводить время с ним и его дочерью и я увижу его снова завтра, когда приеду за своим автобусом.

Указав на почти пустую чашку из-под коктейля передо мной, я поднял четыре пальца.

– ¿Cuánto cuesta, cuatro?

Я думаю, что покончил по крайней мере с четырьмя… О боже.

Эдуардо поднес указательный палец к губам, давая мне знак замолчать.

По крайней мере, он не говорит «De nada». Да ладно, чувак. Я хочу заплатить за них.

Он жестом пригласил меня отойти вместе с ним.

– ¿Te gusta Rosa?[56]

Я не понимал, к чему он клонит.

– Pablo, Rosa está lista para casarse ahora[57].

– Lo siento. No entiendo. Мне очень жаль, Эдуардо. Я не понимаю.

Эдуардо указал на свое обручальное кольцо, затем на Розу, а затем на меня и переплел два указательных пальца.

Вот дерьмо. Он хочет, чтобы я женился на Розе!

Мои глаза, должно быть, стали большими, как блюдца. Я не знал, что сказать, не говоря уже о том, как сказать это по-испански, поэтому я просто молча стоял, выглядя круглым дураком.

– Pablo, es el sueño de Rosa vivir en América. Tengo dinero

guardado para enviar con ella[58].

После долгой и мучительной смеси жестов, испанского языка из средней школы и щепотки английского, я думаю, Эдуардо понял: я хотел обдумать это сегодня вечером и дать ему свой ответ завтра. Я вернулся, чтобы пожелать Розе спокойной ночи.

Она хорошенькая и делает отличные коктейли… Интересно, есть ли отсюда черный ход в зону обслуживания «Фольксваген»?

Уходя, я чувствовал себя виноватым, как будто невольно развел «Юголандию» на четыре лучших смузи в мире.

Ай-яй-яй!

Когда я вернулся в наш трейлер у черта на куличках, Жеребец первым делом сказал:

– Чувак, ты выглядишь ужасно. Съешь бутерброд или еще что-нибудь!

Я только что выпил четыре фруктовых коктейля – и все еще выгляжу как скелет?

– Тебя не было на день больше. Ты достал запчасти? Когда твоя свинья будет готова? – Лось перешел к делу.

– No hay problema. Все будет готово завтра днем.

Джунгли Неприятностей: возвращение

На этот раз не было никакой грандиозной церемонии прощания с мастерской «Фольксваген». Просто сделка в стиле «оплатите счет, возьмите ключи и отправляйтесь в путь». Если бы не квитанция, в которой указано, что двигатель был вытащен и демонтирован в третий раз за месяц, можно было бы подумать, что к автобусу никто не прикасался после поднятия со дна реки Остула. Механики даже не потрудились вычистить потеки грязи с внутренней стороны лобового стекла, что заставило меня подозревать, что они не проверяли автобус в движении, когда закончили ремонт. Приятным штрихом был бумажный коврик (украшенный двумя большими синими отпечатками обуви и логотипом сервисного центра) на полу со стороны водителя. Правда, лежал он поверх нескольких сантиметров засохшей грязи…

Я испытывал немного противоречивые чувства, сворачивая с главной улицы, чтобы не проезжать мимо «Юголандии» по дороге из города. Я совершил ошибку, поделившись «предложением руки и сердца» от Эдуардо с парнями, и, как и следовало ожидать, у них тут же развилась неутолимая жажда коктейлей, которой они мучали меня при каждой удобной возможности.

Было приятно наконец-то снова выехать на дорогу, хотя у меня разрывалось сердце от того, что автобус полностью покрыт изнутри и снаружи грязью и ни один квадратный сантиметр не остался незапятнанным. Кратчайший путь домой был закрыт из-за оползня, поэтому мы снова спустились с горы и выехали на прибрежное шоссе – на этот раз направляясь на север. Наш план состоял в том, чтобы переждать ночь *прежде,* чем мы снова попадем в Джунгли Неприятностей. Это был план Лося, очевидно, все еще напуганного летучей мышью на нашем лобовом стекле (и, по совпадению, предложившего это сразу после того, как я пересказал свой разговор с англоговорящим водителем грузовика, который состоялся еще по дороге на юг).

Хотя мы выпили кофе за завтраком, его кофеин показался нам излишним, когда следующим утром мы снова въехали в Джунгли Неприятностей. Наши глаза были прикованы к дороге и джунглям вокруг нас: мы втроем настороженно ожидали встретить не меньше чем колдунов или каннибалов-отступников.

Решив немного подколоть Лося, я сказал:

– Эй, Лось, интересно, не проклятие ли колдуна заставило вентиляционное отверстие так стонать в прошлый раз. Я имею в виду, что этого никогда не случалось ни до, ни после, и я никогда

не слышал, чтобы это происходило с кем-то еще.

– Я не знаю. Этот шум и эта чертова летучая мышь. Они заморочили мне голову. Мне снились кошмары об этом. У меня, мать вашу, мурашки по коже.

Кошмары? У Лося? Интересно!

– Да, Оптерс, открой вентиляцию и посмотри, не повторится ли это снова, – попросил Жеребец.

– Конечно. Сядь поближе, чтобы ты тоже смог услышать.

Обычно простой в управлении рычаг был жестким и неподатливым. Он не хотел двигаться, поэтому я ухватился как следует и навалился всем весом. Заслонка распахнулась, мгновенно превратив вентиляцию из плотно закрытой в максимально открытую. Нас ожидала засада. Полдюжины пригоршней пыли из обожженной красной глины полетели нам в лицо. Ослепляющее удушливое облако наполнило воздух. Я ничего не видел – и едва мог дышать. Я высунул голову в окно, но с таким количеством дерьма, покрывшего лицо, склеивавшего волосы и разъедавшего глаза, это не помогло. С трудом я смог удержаться на проезжей части и остановиться. Не зная (и, честно говоря, особо не желая знать), где мы были в тот момент, мы выскочили, как шахтеры, спасающиеся от обвала.

– Зачем ты это сделал?! – сказал Лось, согнувшись пополам, уперев руки в колени, кашляя и сплевывая грязь.

– Как, черт возьми, я должен был догадаться, что это произойдет?

– Может быть, это был твой колдун, Лось. Да, он самый! Ак-ак-ак-ак-ак. У Лося есть свой личный колдун где-то в джунглях, который втыкает в него булавки, ак-ак-ак-ак!

Нам потребовалось несколько минут, чтобы снова отправиться в путь. Мы поочередно отряхивали пыль с плеч и спин друг друга, смахивали липкий красный порошок с волос и промывали водой глаза. Мне удалось вернуть рычаг вентиляции в закрытое положение. Тем не менее, на всякий случай, мы засунули тряпки, носки, пачки бумаги и все, что смогли найти, во все вентиляционные решетки.

После джунглей шоссе повело нас вдоль побережья к набережной Пуэрто-Вальярты. Мы заметили наш паром, пришвартованный у той же пристани, где началась материковая часть нашего путешествия немногим более трех недель назад. Заметив вереницу легковых и грузовых автомобилей, загружаемых на борт корабля, я задавался вопросом, починили ли они уже второй двигатель.

Ребята хотели добраться до Масатлана и там заночевать, но это заняло бы еще семь часов в дополнение к четырем, которые

мы уже проехали. Измученный, я справился только с пятью, прежде чем принял ответственное решение разбить лагерь в паре часов к югу от цели и продолжить путь утром.

Не сбавляй скорость

К северу от Масатлана шоссе выровнялось, и воцарилась смертельная скука. На первой заправке к нам подошел старик и спросил, не подвезем ли мы его на север. Поскольку Лось и Жеребец дремали на заднем сиденье, я пригласил его на борт, полагая, что он поможет мне не заснуть и скоротать время. Его звали Умберто, и мы выяснили, что он начал свой поход в Гватемале неделей ранее (в основном пешком), а его цель – «добраться до Los Estados Unidos»[59]. Он оставил свою жену и четырех сыновей – не нашлось никого, кто отважился бы на долгое и неопределенное путешествие вместе с ним, поэтому он шел в одиночку. Он не понимал ни слова по-английски, и его испанский звучал иначе, чем все, что я слышал раньше. Я указал на Лося и Жеребца, еще дремавших на кровати сзади, и назвал их имена. Старик бросил один взгляд на Лося, указал на его голову и назвал его «hombre canche». (На сленге майя это означает «блондинчик».)

– Эй, Лось! – сказал я, намеренно разбудив его. – Тут Умберто говорит, что ты hombre canche. Что это такое?

По-моему, звучит как «женственный парень».

– Без понятия. Ты зачем подобрал автостопщика?

– Потому что мне было скучно, и после того, как я отказал пожилой паре в поездке через реку в Ла-Тикле, я подумал, что мне нужно немного подлатать карму.

– Да? Куда он едет?

– В Лос-Анджелес, но мы везем его только до Ти-Джей[60], дальше он сам.

Я показал своему новому другу большой палец, и он улыбнулся в ответ, обнажив полный рот ужасно плохих зубов и воспаленных десен. День полз, жара и влажность угнетали, пейзаж редко менялся; наполовину пустынный кустарник, наполовину сельскохозяйственные угодья, миля за милей, миля за милей. Это напомнило мне Центральную Калифорнию – та же жара, ядовитые запахи и пыль, – но с десятикратным количеством насекомых и утроенной влажностью. Ребята продолжили дремать (насколько это было возможно) на заднем сиденье. Умберто изо всех сил старался не заснуть, прислонившись головой к окну. Время от времени я нажимал на тормоза, просто чтобы вовлечь всех остальных.

Прошло двадцать минут с тех пор, как мы проехали последний маленький городок… И столько же времени прошло с тех пор, как пришлось повернуть руль. Без предупреждения

задние колеса заблокировались и автобус занесло. Инстинктивно я вдавил педаль сцепления в пол, и автобус снова начал нормально катиться.

– Черт возьми, прекрати это, Оптерс! – прорычал Лось. – Дай нам поспать, черт возьми!

– Я этого не делал! Я не знаю, что, черт возьми, произошло. Задние колеса внезапно заблокировались.

Я отпустил сцепление, и автобус немного замедлил ход, как будто при нажатии на тормоза, поэтому я выключил передачу и попробовал еще раз. Никаких проблем.

– Я думаю, что-то не так с коробкой передач. Она ведет себя так, будто ее заблокировало или что-то типа того. Мне нужно остановиться и посмотреть.

Не похоже, что это будет просто…

Разыгралась сценка «пожилых людей в туристическом автобусе» из нашего первого полного дня в дороге месяц назад: все оставались на месте, а я вышел проверить, что мог, под автобусом. Дорожное покрытие было горячее, чем сковорода, и плодовые мушки, должно быть, ожидали момент, когда я лягу на землю, чтобы облепить все мое лицо. Потребовалась всего секунда, чтобы понять, что мы встряли: из коробки передач валил пар, а трансмиссионное масло пульсировало через разорванный сальник сбоку. Пар мог означать только одно: вода попала в (предположительно запечатанную на заводе) коробку передач, когда автобус был в реке. Здесь, на адском шоссе, она превратилась в пар, давлением вырвало сальник, позволив маслу вытечь, и теперь задняя часть сжалась сильнее, чем кошелек Лося.

– Все, приехали. Коробка передач накрылась. Сальники вырвало. Машине трындец.

– И что делать, Оптерс?

– Не знаю, Жеребец. Я действительно не знаю. Везти машину к другому дилеру? Черт, я не знаю.

Да ладно, Господь. Я понял твое послание неделю назад, когда был в Мехико. «Не связывайся с вещами, которые тебе не принадлежат». Я понял. Ты опять решил дать мне под зад? Опять?

Я был настолько морально подавлен, насколько это вообще было возможно. Я не уверен, что в данном случае означало бы «сдаться», иначе я обдумал бы и это.

– Как назывался последний город, через который мы проезжали?

– Гуасаве. А что, Лось?

– А то, что мы попросим кого-нибудь отбуксировать эту свинью обратно и выяснить, можно ли ее починить. Потому что, если ее не починить – я имею в виду *сегодня* – я хватаю свой хлам

и еду домой без нее *или тебя*.

Жеребец раздумывал недолго.

– Я с тобой, Лось. Если ее не удастся починить сегодня, я бросаю эту свинью здесь… С меня хватит.

Жеребец и Умберто остались в автобусе, пока мы с Лосем ловили попутку до города, который мы проезжали последним. Была середина воскресенья, и в тени было, наверное, градусов сорок пять. Гуасаве выглядел городом-призраком. Мы подумали, что, возможно, был какой-то мексиканский праздник: ни одной живой души не было на улице. Даже заправка была закрыта.

Через пятнадцать минут поисков признаков жизни мы наткнулись на пару парней, которые сидели на капоте белого четырехдверного такси «Шевроле», припаркованного под деревом, и пили пиво. Лось сделал все возможное, чтобы объяснить нашу ситуацию и необходимость буксировки обратно в город. Я не уверен, что они поняли, что мы просили настоящий эвакуатор, но в этот момент я оставил переговоры Лосю. Они сказали, что могут отбуксировать нас обратно за сорок долларов, и у них был идеальный трос для этого. Таким образом, между нами тремя останется в общей сложности двадцать семь долларов. Но на самом деле, какие у нас были варианты? У нас почти ничего не осталось для обмена (доски для серфинга не пользуются большим спросом в пустыне). Прежде чем ехать, я попросил показать трос. Они вытащили его конец из багажника, чтобы показать мне. Толщиной с мою руку, он был похож на якорный канат с «Куин Мэри». Сделка была заключена, мы вчетвером сели в такси, чтобы вернуться туда, где сломался автобус.

– Боже, парни, почему вы так долго? Мы подумали, что, может быть, вы ехали на том автобусе Tres Estrellas de Oro в Мехикали, который недавно тут проехал! Где эвакуатор?

– Прости, Жеребец. Весь город был закрыт из-за какого-то праздника или типа того. Потребовалась целая вечность, чтобы найти кого-то. Это Хоакин и Анхель; они собираются отбуксировать нас обратно в Гуасаве.

Мы еще не обсудили, *куда* именно в Гуасаве нас отбуксируют, но мы как минимум уедем с этого шоссе.

Наши новые друзья подогнали свой «Шеви» к автобусу и достали трос. Он был всего около двух метров в длину! Да, он был толщиной с мою руку, но два метра в длину?!

«Где остальная часть троса? Лось, спроси их, где длинный трос. Этот слишком короткий. Как только мы привяжем его к обеим машинам, между нами не останется и полметра!» *Они, должно быть, издеваются надо мной, верно?*

Лось с минуту обсуждал это с ними. «Это все, Оптерс. Это

весь трос. Они сказали, что постоянно используют его для подобных вещей и что можно не волноваться. Раньше он был длиннее, но на прошлой неделе они отдали часть его другому такси».

– Серьезно? Хорошо. Дай мне подумать. Есть ли какой-нибудь узел, на который не уходит много веревки?

Это полное безумие.

– Эй. Мы с Жеребцом поедем в такси. Ты и твой приятель можете потусоваться в автобусе.

Да, конечно, Лось. Вы, ребята, идите вперед и расслабьтесь там с личным шофером, пока мы с Умберто будем стараться не умереть.

– Да, Оптерс. Нам выпал счастливый билет. Билет на автобус. Ну, вы поняли? Ак-ак-ак-ак.

Я не в настроении, Жеребец.

Ребята устроились поудобнее на заднем сиденье «Шеви», пока Анхель привязывал один конец троса к их бамперу, оставив для меня чуть больше метра. Поскольку было невозможно завязать нормальный узел на моем конце (и оставить зазор между нашими машинами), я использовал болт и немного проволоки, чтобы прикрепить конец троса к автобусу. Я переделал узел под такси и прибавил еще несколько сантиметров, оставив примерно полметра между его багажником и моими фарами. Сидя за рулем, я не мог видеть заднюю часть его машины, только верхнюю часть багажника.

– ¿Estás listo, Umberto? Ты готов?

Он повернулся ко мне, широко раскрыв глаза, и помолчал несколько секунд, прежде чем ответить нервным кивком.

Выехав на шоссе, я понял, что будет сложно поддерживать расстояние между нашими машинами. Стоило сместиться в одну или другую сторона, как угол наклона веревки еще больше сближался. Мне требовалось предвидеть, когда они замедлятся, и слегка нажать на тормоза, чтобы наши машины не «поцеловались». Поскольку шоссе было разделено на этом участке, нам пришлось проехать несколько километров на север, прежде чем мы смогли развернуться и вернуться на юг в Гуасаве. Мы стартовали со скоростью около сорока километров в час, и я был спокоен, пока они не совершали никаких резких изменений курса или скорости.

– No problema, Umberto?

– Sin problema[61].

Он держался обеими руками за ручку приборной панели перед собой, все еще выглядев обеспокоенным. Мы преодолели эстакаду и без проблем выехали на полосу, ведущую на юг, хотя

наша скорость немного возросла.

– Mira. Fumar mota[62]. – Умберто привлек мое внимание и указал на заднее стекло «Шевроле».

– Невероятно. Вы там, мать вашу, издеваетесь надо мной?!

Парни передавали по кругу косяк. Жеребец нарочито поднес его к заднему стеклу, чтобы мне было видно, а Лось поднял вверх большие пальцы. Оба лица сияли улыбками Чеширского кота.

Боже милостивый, я надеюсь, что это сорняк «Торговый-ваxан», а не какая-нибудь мощная дрянь!

Наша скорость продолжала увеличиваться, уже перевалив за шестьдесят километров в час. Поскольку они были накурены, я молился, чтобы они ехали медленнее, но на самом деле они могли и вовсе забыть, что мы у них на буксире. Мы проехали знак «80 км/ч». Я знал, что это примерно пятьдесят миль в час, спидометр показывал шестьдесят. Мы набирали скорость и дрейфовали из стороны в сторону. Так, это уже было немного чересчур.

– Esto es muy peligroso.

– Ага, Умберто. Sí, muy peligroso[63].

Паук в Эль-Фаро тоже именовался «muy peligroso»! Умберто, как и я, был не на шутку напуган.

Я не знал, что делать. Я нажал на тормоза, думая, что это может привлечь их внимание, но без толку. Вот дерьмо! Мы набрали сто десять километров в час! К черту все это. Я пару раз сильно нажал на тормоза, надеясь, что смогу как-нибудь отцепиться от них, но не мог затормозить так, чтобы сильно дернуть веревку, и не был уверен, что они вообще что-то заметили. Я нажал на клаксон, отпустил его и снова нажал на него. Как раз в этот момент мы проехали мимо двух *федералес*, стоящих перед патрульной машиной на шоссе в тени эстакады на другой стороне дороги. Мой сигнал привлек их внимание, и они поспешили в свою машину.

Лось повернулся и уставился на меня. Жеребец жестами показал преувеличенную версию универсального сигнала «Тихо!». Хоакин же дал по газам. Сто двадцать, приближаемся к ста тридцати, теперь уже и мой спидометр показывает сто тридцать с лишним. (Да, да. Я в курсе. Попробуйте сами поездить в автобусе «Фольксваген» 1966 года со скоростью 130 километров в час, прежде чем сказать мне, что он должен ехать *быстрее*.) Патрульная машина пересекла разделительную полосу и бросилась в погоню – с сияющими мигалками и ревущей сиреной! Я был на тысячу процентов сосредоточен на том, чтобы не облажаться. Хоакин не только тащил меня на буксире, он менял полосы движения туда-сюда, лавируя среди машин. (Забавно, как

«небольшая загруженность трассы» кажется намного более плотным движением, когда вы едете в два раза быстрее, чем остальные.) Мой автобус был похож на тряпичную куклу в руке малыша. Я делал буквально все, что мог, чтобы удерживать все четыре колеса на земле, избегать заносов и не врезаться в заднюю часть «Шевроле».

Впереди скапливалась пробка. Поток замедлился, и нам нужно было притормозить… Не так ли? Нет, думаю, что нет. Мы едем по крайней мере на девяносто километров в час быстрее, чем легковые и грузовые автомобили на скоростной полосе рядом с нами. Дорожный патруль, отставший примерно на двести метров, приближался. Я увидел причину затора: впереди ехал длинный змеевидный «поезд» – старый сельскохозяйственный трактор буксировал четыре прицепа с пропаном. Вся эта конструкция извивалась туда-сюда по обеим полосам, как чертов хвост магического дракона.

Хоакин идеально рассчитал время, нырнул в колеблющуюся волну и вышел обратно, подстраиваясь под нее, пока мы благополучно не миновали трактор, словно делал это уже дюжину раз. Я посмотрел в зеркало и увидел, как дорожный патруль прервал погоню, очевидно, посчитав риск не суметь проехать мимо смертоносной змеи слишком высоким. Еще не готовый праздновать победу, Хоакин продолжал движение по шоссе (мой спидометр все еще показывал больше ста тридцати) еще несколько километров. Без предупреждения он сбросил скорость до восьмидесяти и свернул с правой обочины в поле у шоссе. Мы были так тесно связаны с «Шеви», что я не мог видеть ямы, колеи, камни и канавы перед нами, но изо всех сил старался повторять его маневры. Полагаю, я пропустил прямое попадание в несколько из них; трудно сказать. Мы преодолели некоторые из них так яростно, что Умберто срикошетил от потолка ко мне на колени, мой второй пилот намертво вцепился в ручку, установленную на приборной панели.

Мы резко свернули направо на дорогу с двумя колеями, которая привела нас к рощице низких деревьев, где мы остановились в облаке пыли. В такой ярости, что едва мог дышать, я выскочил из-за руля и, как бык, бросился к водительской двери. Дверь Жеребца распахнулась, чтобы задержать меня.

– Стой! Стой! Он должен был это сделать! – Жеребец схватил меня свободной рукой.

Хоакин обошел нас, быстро подошел к задней части «Шевроле» и открыл багажник.

– ¡Mira! – сказал он, указывая в багажник. – No pude frenar[64].

Не меньше стапятидесяти кирпичиков в голубой целлофановой обертке – каждый размером с телефонный справочник Нью-Йорка, – положенных ребром в два аккуратных слоя, заполняли багажник.

Срань господня.

– Да, Оптерс. Мы не могли остановиться, иначе нас всех посадили бы в тюрьму. Гребаную мексиканскую тюрьму!

– Нет, мне нельзя в тюрьму! Ак-ак-ак-ак-ак. Мне нельзя в тюрьму!

Я был в оцепенении.

– Ну как вам травка?

После такого мне самому сейчас не помешало бы немного дунуть.

– Твоему другу понравилась поездка?

– Черт, Жеребец! Я совсем забыл о нем!

Машины стояли слишком близко, чтобы пройти между ними, поэтому я обошел автобус сзади, чтобы добраться до все еще закрытой двери Умберто. Вздрогнув от щелчка защелки, он резко повернул голову в мою сторону, его взгляд был рассеянным, неподвижным, устремленным мимо меня. Его неподвижные руки мертвой хваткой сжали ручку приборной панели так, что побелели костяшки пальцев. Он обмочился от страха.

После этого Умберто не сказал ни слова. Возможно, он был смущен или, скорее, в шоке. Он не остался с нами. В последний раз, когда я его видел, он, пошатываясь, удалялся от нас в направлении шоссе. Я крикнул ему: «Vaya con Dios, Umberto!», но ничего не услышал в ответ. Он даже не оглянулся. Интересно, добрался ли он в итоге до Лос-Анджелеса – или развернулся и поехал домой.

Куча куриного дерьма

Мы не стали тратить много времени и энергии, пытаясь найти кого-нибудь в Гуасаве, кто мог бы починить нашу коробку передач; это казалось невыполнимой задачей. Хоакин и Анхель сказали, что мы можем оставить автобус у них – они заберут его на хранение – и мы сможем вернуться позже с чем-нибудь, что сможет отбуксировать его обратно в Сан-Диего. Я сомневался, что его можно будет найти, когда – или если – я вернусь. Я потерял всё. Мой дух был сломлен. Мне было почти без разницы, будет ли мой автобус здесь, когда я вернусь. Я просто хотел домой.

Ни у кого из нас не осталось достаточно денег, чтобы оплатить автобус до Тихуаны. Даже сложив вместе все, что у нас было, мы могли купить билет домой только одному из нас, и у оставшихся не осталось бы денег даже на еду. Мы были в полутора тысячах километров от Империал-Бич, и нам предстояло добираться туда автостопом или пешком. Лось и Жеребец взяли свои доски и флягу; я – запасную пару носков, солнцезащитный крем и средство от москитов. Я не стал возиться со своей доской – я был слишком подавлен, чтобы о ней беспокоиться. Хоакин дал мне адрес и номер телефона друга, и я сфотографировал их такси – чтобы у меня был шанс найти их снова, – когда они высадили нас троих на обочине шоссе, ведущего на север из города.

Я воспользовался карандашом и обратной стороной счета за ремонт от «Фольксваген» из Колимы, чтобы сделать плакат. Я не знал, называл ли кто-нибудь Тихуану «Ти-Джей» так далеко на юге, но это все, что я мог придумать. Мы, должно быть, выглядели так же несчастно и жалко, как чувствовали себя, стоя там под палящим солнцем. Никто из нас не произнес ни слова. Мы просто стояли, выставив большие пальцы, наблюдая, как грузовик за грузовиком, машина за машиной, полные таращащихся на нас людей, проезжают мимо.

– К черту это. Я собираюсь идти. Ничего не добьешься, если будешь стоять здесь. Сделайте мне одолжение. Если кто-нибудь вас подберет, попросите их остановиться и подвезти меня тоже. Хорошо?

– Ладно, Лось. Мы так и сделаем. Обещаю.

Я не уверен, кто кого бросал в тот момент, но сцена уходящего в пустыню Лося – напоминающего мираж из-за доски для серфинга под мышкой, – заставила меня закрыть глаза и опустить голову в тоске.

Лось не прошел и пятнадцати метров, когда молодая пара,

сидевшая за рулем большого грузовика с высокими бортами, доверху набитого клетками, съехала с шоссе. Они сказали, что везут партию цыплят в Мехикали, и, если мы переставим клетки, чтобы высвободить место, они подвезут нас. Пять минут спустя мы освободили среди цыплят ровно столько места, чтобы поместились две доски для серфинга и мы втроем, и отправились в путь.

Сказать, что это было тяжело значит не сказать ничего: бесконечные вихри куриных перьев, невыносимая вонь их дерьма в жаркой пустыне, шестнадцать часов на старом обломке фанеры без возможности лечь, и только одна пятнадцатиминутная остановка для заправки между тем, когда мы сели и когда мы вышли в Мехикали.

Проявил ли водитель милосердие или за что-то мстил нам?

Он был достаточно сердоболен, чтобы указать нам путь к автовокзалу Мехикали, где мы потратили все, кроме четырех долларов из оставшихся у нас наличных, чтобы купить три билета до Тихуаны.

Глава 10. Возвращаясь за бóльшим

Запоздалое просвещение

Лишь горстка людей знали, что мы вернулись, и все они поклялись хранить эту тайну. Лось определенно не хотел, чтобы кто-нибудь знал. Ему грозило четыре года тюрьмы за непредумышленное убийство – плюс все то, что ему светило за побег в Мексику в то утро, когда он должен был явиться в тюрьму. Жеребцу, думаю, не так сильно хотелось встречаться с Шерри прямо сейчас. Никакие «ак-ак-ак-ак» не помогли бы ему выпутаться из этой ситуации.

Я? Не думаю, что я пошевелил хоть одним мускулом за несколько часов. Я смотрел в потолок, прислонив голову к стене. Мое тело, словно мертвый груз, глубоко вжалось в подушки старого дивана в нашей гостиной. За последние тридцать с лишним дней я не особо напрягался физически, чтобы чувствовать такую усталость, но сейчас даже держать банку пива в руках казалось утомительным занятием. Я потратил всю свою энергию на единственную цель – разработать план по возвращению автобуса домой – *если* он все еще находился в Гуасаве.

Я ломал голову, кто мог бы помочь мне в этом деле. В конце концов, *любой*, кто знал о том, что происходило с нами в течение того месяца в Мексике, должен был предположить, что нас кто-то проклял, а кто в здравом уме захочет присоединиться к отряду про́клятых? Был только один человек, который мог хотя бы подумать о такой глупости: мой сосед по комнате и лучший друг Перро. Он только что пришел после работы, взял пиво и плюхнулся в кресло напротив меня.

– Привет, Перро. Помнишь, как легко твой грузовик справился со всем этим дерьмом, которое мы украли той ночью в Коронадо? – Я хотел вызвать у него чувство гордости, похвалив его полноприводный Ford XLT 250 весом в три четверти тонны. – Твой грузовик – реально потрясающий!

Потом стал издалека переходить к делу:

– Ты когда-нибудь думал о том, можно ли к нему прицепить туристический трейлер? Я имею в виду, что им можно буксировать практически все что угодно, так?

– Ага. Это убийственный грузовик, Оптерс; он никогда меня не подводил. А что? Ты хочешь купить его или что-то в этом роде?

Думаю, он понимал, что скрывается за той хренью, которую я нес.

– Нет, я не могу позволить себе такой классный автомобиль

прямо сейчас. Особенно с учетом того, что мой автобус сейчас застрял в Мексике. Слушай… э-э-э (как будто это только что пришло мне в голову)… не мог бы ты помочь мне вернуть его? Отбуксировать сюда? Я могу заплатить.

Перро изо всех сил попытался отмазаться.

– Я не могу, Оптерс! Я не могу взять столько выходных на работе!

Предвидя его первый выстрел, я заранее придумал ответ.

– Эд, я думаю, это займет у нас всего три дня, туда и обратно. Если я спрошу твоего босса, и он даст добро – и я заплачу то, что ты получил бы на работе – ты хотя бы подумаешь? Я действительно не хочу потерять свой автобус, Эд, и я не знаю другого способа вернуть его. – Я полагал, что обращение к нему по его настоящему имени тронет его, ведь так я показываю, насколько это важно для меня.

– Слушай, даже если бы договорился с моим боссом, Оптерс, моему грузовику давно нужен серьезный ремонт. В таком состоянии он далеко не уедет. Ничего не получится.

Ага! Еще одна отмазка.

– Хорошо. – *Наклониться вперед, сохранять зрительный контакт, говорить спокойно и неторопливо*. – Я понял… Просто позволь спросить: если бы я *смог* убедить твоего босса отпустить тебя, *и* оплатил бы пропущенные дни, *и* заплатил бы за ремонт грузовика, *и* покрыл бы все остальные расходы… Если я сделаю все это, Эд, пожалуйста, скажи мне, есть ли еще какая-то причина, по которой ты решишь *не* помогать мне?

Книга «Продажи 101»: глава «Закрытие сделки».

Перро улыбнулся, закрыл глаза и покачал головой, осознавая, что только что проиграл эту битву. В последний раз он выдохнул и сделал последнее предостережение:

– Оптерс, если ты сможешь выполнить все те вещи, о которых говоришь – я имею в виду, что все будет сделано на сто процентов к завтрашнему утру, то – твою мать, не могу поверить, что говорю это – я сделаю это. Я помогу тебе. Я отбуксирую твой автобус обратно.

Дааааааааааааааа! Должен ли я чувствовать себя виноватым? В глубине души он действительно хотел мне помочь. Его просто нужно было немного подтолкнуть, чтобы он осознал это. Так ведь?

Перро не знал этого, но я заранее поговорил с его боссом и объяснил ситуацию. Мне нужно было только перезвонить ему и подтвердить, что мы уезжаем утром. Через полчаса его грузовик стоял на станции техобслуживания.

Дааааааааааааааа!

Вместе мы решили, что будет проще (не говоря уже о том, что намного безопаснее), если мы обойдем Тихуану и Мехикали и пересечем границу с Мексикой как можно ближе к пункту назначения. Хотя это добавило почти сто пятьдесят километров к пути длиной в полторы тысячи километров, мы проехали через Тусон, штат Аризона, прежде чем повернуть на юг и пересечь границу в Ногалесе, тем самым избежав участка примерно в шестьсот километров мексиканского шоссе.

Было странно снова оказаться в Мексике. Как будто нужно снова сохранять бдительность; держать ухо востро; быть готовым. К чему, я не знал. Но я не приукрашиваю: я был взвинчен до крайности.

– Расслабься, Оптерс. Не о чем беспокоиться. Я же мексиканец, забыл? Все будет в порядке.

Он был прав: мне действительно нужно было расслабиться. Сам факт того, что он был рядом, давал неплохую гарантию того, что мы выполним план и вернемся обратно. Скорее всего, не о чем беспокоиться, если едешь в правильном направлении, заказываешь правильную еду, платишь правильную цену или ночуешь в безопасных местах. Со мной был мой лучший друг – действительно отличный человек и истинный мексиканец – и *он* был тем, кому я мог доверить свою жизнь.

Моему отцу никогда не нравились мексиканцы, и он особо этого не скрывал. Понятия не имею, почему они ему не нравились. Просто не нравились, и всё. Может, что-то случилось, когда он был маленьким, или эта неприязнь передалась ему по наследству от отца-грузчика, но он сохранил ее на всю жизнь. Учитывая его глубоко укоренившийся шовинизм по отношению к мексиканцам, я всегда считал странным, что он перевез нашу семью именно в Сан-Исидро – приграничный город, в миле к северу от Тихуаны, – когда мне оставалось отучиться три класса. Большинство моих одноклассников жили в Мексике и каждый день пересекали границу, чтобы попасть в школу. (Считая одного чернокожего ребенка, моих сестер и меня, число немексиканцев, зачисленных в эту школу на триста человек, никогда не превышало *четырех*.)

Возможно, капля отцовского яда отравила и меня, и именно это подсознательно заставляло меня опасаться местных во время нашей поездки.

– Не доверяй им. Они обдерут тебя как липку, если ты дашь им хоть полшанса, – сказал он мне как-то.

Но ни одна живая душа из тех, кого я встретил в той поездке, не имела с этим образом ничего общего. Все без исключения, на каждом этапе путешествия – от темного кафе в то первое утро до

пожилой пары, которая вытащила фотоаппарат из реки – были, можно сказать, святыми.

Думаю, что именно об этом Лось говорил однажды ночью у костра, когда он, со всем своим псевдообразованием, «просвещал» меня насчет истинного характера мексиканского народа. Оглядываясь назад, я полагаю, что в этом было гораздо больше смысла, чем я полагал в то время. Он считал, что, поскольку у большинства мексиканцев было так мало материального имущества, которое они могли бы назвать своим, их богатство основывалось на нематериальных активах: чести, семье, вере и щедрости. Поступиться чем-то из этого списка значило потерять его. А для многих это – все, что у них было.

Катание на водных лыжах по луже

«Конечно, в Аризоне жарко, но это сухая жара». Эту фразу я слышал, наверное, тысячу раз. (Первоначально придуманная как броский слоган, она, полагаю, была близка к правде.) Однако выражение: «Безумно жарко, но достаточно сухо для возникновения кровавых козявок в носу» – было не менее справедливым. Дело в том, что та же самая жара будет мучить вас и в Мексике, тысячи на три километров в глубь страны – в то время как влажность достигнет еще более адских уровней из-за океанов по обе стороны от вас.

Кондиционер был роскошью, на которую Перро не раскошелился, когда покупал свой грузовик. Он говорил, что в этом нет необходимости, если ты живешь на пляже в Южной Калифорнии. Он умел быстро отвечать на любой подкол на этот счет с нашей стороны. «Это дерьмо для принцесс и кисок. Кроме того, кондиционер увеличивает расход бензина». Правда, его грузовик и так «сжирал» сорок с лишним литров на сто километров пути, так что я не думаю, что кондиционер что-то решал.

Вместо того чтобы потратить деньги на кондиционер, он настоял на топливном баке большего размера (сто литров), которого хватит на два-три часа или двести пятьдесят километров – в зависимости от того, что истечет раньше. И, вероятно, будет хватать на еще меньше, когда мы прицепим сзади мой автобус. Я потратил на бензин просто уйму денег – намного больше, чем рассчитывал.

Мы решили, что хорошо было бы добраться до Эрмосильо, чтобы заночевать в первую ночь. На второй день будут поездка из Эрмосильо в Гуасаве, буксировка автобуса и возвращение в Эрмосильо к темноте. И возвращение в Империал-Бич на третий день, как завершение нашей миссии. Если все пойдет хорошо, мы будем проводить в пути от десяти до двенадцати часов каждый день. Конечно, все зависело от того, сколько времени потребуется, чтобы найти мой автобус в Гуасаве, если это вообще случится.

Если не считать неприятной необходимости заправляться каждые два часа, наше путешествие Сан-Диего – Тусон – Ногалес – Эрмосильо прошло без сучка и задоринки. Мы с Перро не брали палатку, полагая, что просто заночуем в кузове его грузовика. Для меня это не было проблемой; в конце концов, только на прошлой неделе я проехал полторы тысячи километров в кузове старого грузовика с цыплятами, где места было

существенно меньше. Это было несложно. Основное отличие заключалось в том, что в грузовике с цыплятами нам не приходилось бороться с москитами, поскольку у нас всегда был легкий ветерок, сносящий их. В грузовике Перро все было иначе. Прежде чем развернуть коврики, мы натягивали два слоя москитной сетки от борта до борта над кузовом его грузовика. На закате это было похоже на малобюджетный фильм ужасов с неистовым ковром голодных комаров по ту сторону сетки. Тысячи маленьких дракул, каждый из которых пытается достать вас своим крошечным шприцем. Свежая кровь человека – не лошадей, крупного рогатого скота или собак. Скрестите этих маленьких ублюдков с акулами, и вы сможете править миром!

К счастью, им не удалось прорвать нашу оборону в одночасье. Мы облегчились в пустой кувшин для воды, вместо того чтобы рискнуть приподнять сетку и вылезти наружу. Эти древние, списанные с армейских складов противомоскитные сетки были прекрасны. Мы прятались под ними, пока утреннее солнце не разогнало рой.

Наша первая дозаправка за день была примерно в ста пятидесяти километрах дальше по дороге, в небольшом прибрежном городке под названием Гуаймас. На обратном пути к шоссе мы натолкнулись практически на цирковую сцену. Местные предприниматели создали единственный в своем роде способ спастись от жары (и при этом повеселиться!). Мы думали, что происходит субботний бой быков, который окружила толпа в три кольца, – пока первая волна не хлынула из середины арены, захлестнув всех!

Блестящий ум, очевидно, встретился с трудолюбивым духом. Местные жители построили гигантский надземный бассейн, но плавать в нем было нельзя. Точно посередине импровизированного пруда находилось основание большого (и предположительно все еще находящегося под напряжением) столба. Привязанный к нему старый гидроцикл яростно бороздил воду, вращаясь вокруг столба. Очевидно, одно это не возымело бы большого успеха. Смельчаки платили деньги и выстраивались в очередь, чтобы покататься на водных лыжах – на веревке, привязанной к задней части гидроцикла.

Наблюдать за этим было безумно забавно. Толпа заводила каждого лыжника, предлагая им прокатиться еще ближе, а в награду получала шквал прохладных брызг. Довольно частые падения вызывали стоны, смех, свист и аплодисменты, которые становились все громче с каждым последующим происшествием. Мы понятия не имели, как долго они уже этим занимались, но большинство водных лыжников имели порезы и синяки до того,

как хватались за веревку и кричали: «¡Ahora!» – «Давай!»

Моя сила убеждения была недостаточна, чтобы убедить Перро попробовать – могло сработать разве что «я уже катался».

Пиво с Эль Чапо

За час до нашего пункта назначения Перро попросил меня заполнить несколько пробелов на полотне «Как 1DRBUS оказался в Гуасаве», которое я для него изобразил.

– Слушай, Оптерс. Жеребец сказал, что вы, ребята, чуть не попали здесь в мексиканскую тюрьму, но не стал рассказывать подробности. Что там случилось?

Это была не такая уж незначительная деталь, и я пока не хотел рассказывать о ней.

– Э-э, а он тебе разве не рассказывал?

Я думал, что мы все посмеемся над этим, когда все закончится.

– Да ладно, Оптерс! Мне нужно знать, во что я могу встрять. Давай, колись!

Думаю, он имел право знать. Ладно, все будет в порядке…

– Ну, помнишь, как я рассказывал тебе о том, как нанял такси, чтобы отбуксировать нас обратно в Гуасаве после того, как мы сломались, и это было немного неловко, потому что у них был короткий трос?

– Да, так о чем ты не упомянул?

– Э… ну… Федералес гнались за нами. Но мы оторвались.

– И…?

– В багажнике такси была травка.

Перро повернулся ко мне, протянул руку и опустил свои солнцезащитные очки-авиаторы с зеркальными стеклами, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

– Сколько?

Наши правые колеса коснулись гравия, грузовик заехал на обочину.

– Эй! Смотри на дорогу, и я тебе скажу!

– СКОЛЬКО, ОПТЕРС?

– Полный багажник брикетов, не меньше ста пятидесяти кило.

На этот раз Перро намеренно съехал с шоссе на обочину и остановил свой грузовик. Тянувшееся за нами облако пыли быстро нагнало и окутало нас.

– Ты знаешь, где мы, твою мать, находимся?! В этой части Мексики ни у кого нет такого количества марихуаны, если только они не из картеля Синалоа! Так что позволь мне уточнить, Оптерс: двое парней – членов картеля Синалоа – отбуксировали твой автобус в Гуасаве и оставили его на своем ранчо на хранение, и ты рассчитываешь просто подъехать и сказать им, что

мы приехали его забрать?! Ты, мать твою, ненормальный?!

Что ж, если излагать все именно в таком ключе, звучит и правда немного «ненормально».

– Откуда я знал, что они из картеля? Я же говорю, они показались хорошими парнями, помогали нам, и все такое. Может быть, просто позвоним и поговорим с ними, когда доберемся до Гуасаве, и посмотрим, что они скажут? Они дали мне свой номер. Еще у меня есть номер того такси, на всякий случай. Давай просто позвоним и посмотрим? Мы уже столько проехали, и вообще…

– Ладно. Слушай. Вот как мы поступим. Я позвоню и скажу им, кто мы и почему мы здесь – прямо – всю правду. Если мне не покажется, что они обрадовались, услышав все это, или я сочту ситуацию хоть немного подозрительной, мы возвращаемся в Империал-Бич, с автобусом или без. Вот как все будет. И никак иначе. Понятно?

Его предложение не подразумевало возражений. Мне предполагалось просто молиться и надеяться на лучшее.

– Да, спасибо, Перро. Надеюсь, что все это не окажется пустой тратой времени. По крайней мере, мы посмотрели на водных лыжников, верно?

Если это останется самым главным событием этой поездки, это будет полный отстой… Хотя, конечно, лучше, чем если нас похитит картель Синалоа и будет требовать выкуп. Но они так не поступят, ведь правда?

– Ага, давай сделаем по-твоему.

Гуасаве был таким же унылым местом, каким я его запомнил на прошлой неделе. Кому пришло в голову построить *здесь* город? Я имею в виду, что основной пейзаж тут, как и везде вокруг – грязь, которую разносит ветром во всех направлениях, так почему же город именно здесь? Тем не менее сегодня мы, должно быть, попали сюда в более удачное время – вдоль главной улицы наблюдались явные признаки жизни. Улицы заполнились эклектичным полотном старых седанов и сельскохозяйственных грузовиков. Тротуары были оккупированы стариками в ковбойских шляпах и молодыми матерями в праздничных нарядах, державшими сетчатые сумки для покупок в одной руке, а другой придерживавшими любопытных малышей. Мы проехали мимо вереницы такси, припаркованных перед автобусной станцией, водители которых устроили коллективный перекур.

– Кто-нибудь из этих парней выглядит знакомым?

– Нет, и машины тоже. Эй, может, сначала поедим, а потом будем звонить? – Уровень моего беспокойства был заоблачным с тех пор, как Перро рассказал мне про все эти «картельные» дела.

– Нет, я хочу быстрее покончить с этим и свалить нахер из Гуасаве, вот чего я хочу.

– Наверное, на станции есть телефоны.

Я предпочел бы не входить внутрь очередного автовокзала.

– Оставайся здесь с моим грузовиком. Некоторые из этих парней готовы убить за такой.

То есть я был тем парнем, которого они убили бы? Спасибо, Перро.

– О'кей. Вот номер. Будь вежливым.

Да, мне то, что я сейчас сказал, тоже показалось глупым.

Перро покачал головой и ушел, бормоча:

– Будь вежливым… Тьфу!

Вернулся он минут через пять.

– Дозвонился?

– Ага. Они сказали ждать их на заправке дальше по улице.

– О, круто! Все было нормально?

Снова опустив свои авиаторы на нос и глядя мне в глаза, он ответил:

– Они сказали, что будет лучше, если мы поедем за ними туда, где находится твой автобус…

Наверное, его просто сложно найти.

– …потому что чужакам лучше не соваться в эту часть города без их сопровождения.

Упс.

– Я забыл спросить у тебя их имена.

– Хоакин и Анхель. Они кузены, приятели, или что-то в этом роде. Хоакин нашего возраста. Лось сказал, что его прозвище Чапо. Сказал, что это означает «коротышка», но рекомендовал не называть его так, если он сам не разрешит. Он у них авторитет.

– Наверное, я разговаривал с ним. Он сказал, что должен забрать Анхеля из дома своей тети и они приедут примерно через двадцать минут.

Мы поехали к назначенному месту встречи, но решили немного подождать, прежде чем подъехать – сочли, что нет необходимости вызывать ненужный интерес и светиться у заправки раньше времени. Когда мы подъехали, Перро настоял, что надо припарковаться там, где он сможет выехать – вперед или назад, – если что-то пойдет не так. Как раз вовремя: мои друзья из такси встали рядом на своем белом «Шевроле» и вылезли из машины. Казалось, они рады меня видеть, но между Хоакином и Перро была заметная напряженность. Я впервые заметил, насколько невелик был Хоакин на фоне моего друга ростом под метр девяносто и весом больше восьмидесяти килограммов. *Или, может быть, они немного опасались новых лиц в этой дыре из-за*

их марихуанового бизнеса?

Официальная часть закончилась, мы сели в машину и поехали за такси через город. Хоакин вел машину; Анхель, обернувшись, все время смотрел на нас.

Какая-то фигня. В прошлый раз он обернулся только для того, чтобы передать косяк Лосю.

Возможно, мы его нервировали. Время от времени Перро подъезжал почти вплотную, и это был один из таких случаев, когда он обернулся.

– Я думаю, ты заставляешь их нервничать, подъезжая так близко, Перро. Кроме того, на прошлой неделе я вдоволь насмотрелся на зад их машины.

– Я не хочу отставать. Кто знает, куда, мать их, они нас тащат, и я, черт возьми, не хочу заблудиться и попасть в лапы местного картеля.

Справедливо.

Двигаясь не более чем на два корпуса позади них, мы свернули на длинную, прямую и узкую полосу, с обеих сторон стиснутую заборами из колючей проволоки. Теперь точно не заблудимся. Примерно через километр мы подъехали к будке охраны, рядом с которой были барьер со шлагбаумом, как на железнодорожных переездах. Но никаких знаков железнодорожного переезда, звонков и мигающих красных фонарей не было. Только два парня в рабочих костюмах, один из них с АК-47 наготове, прижатым к груди.

– Твою мать, Оптерс! Я же говорил, что это идиотизм. Что теперь делать?

– Похер, Перро. Езжай за ними. Отступать уже поздно.

Вау. Когда они сказали, что будут охранять мой автобус, они это имели в виду?

После короткого разговора между Хоакином и двумя охранниками барьер опустился, и нам разрешили проехать. Мы проехали еще полкилометра или около того, прежде чем такси остановилось. Хоакин вышел, оставив дверь распахнутой настежь, подошел к нам, сказал что-то Перро по-испански и вернулся к своей машине.

– Что он сказал?

– Он сказал, чтобы мы не отставали и не сворачивали. Его боссу это не понравится.

– Что-нибудь еще?

– Ага. Никаких фоток.

– Понятно.

Несмотря на всю систему безопасности и заморочки с проездом, внутри все выглядело почти так же, как любой другой

цех по упаковке продуктов, который мы видели (ну, может быть, за исключением того, что этот был на поляне, вырубленной посреди рощи). Вдоль одной стороны располагался длинный двухэтажный склад из гофрированной жести без окон, с несколькими сельскохозяйственными грузовиками с решетчатыми кузовами на одном конце и с дальнемагистральными полуприцепами на другом. На некоем подобии передка старого автобуса, от которого остался лишь кусок шасси, прерывисто урчал большой двигатель, изобретательно модифицированный для вращения генератора, тоже самопального. Двое мужчин давали сигналы третьему, маневрирующему на новеньком ярком оранжево-черном погрузчике «Тойота». Он укладывал еще одну порцию пустых поддонов на и без того впечатляющую стопку. В дальнем конце главного двора возвышался какой-то склад или казармы, окруженные небольшими хозяйственными постройками. Прямо впереди вдоль забора выстроился ряд легковых автомобилей и пикапов, а в дальнем конце был припаркован… 1DRBUS!

– Он здесь! Перро, смотри! Он здесь!

– Это просто охренительно, Оптерс. Будем надеяться, что они отдадут его нам… и мой грузовик тоже.

Мы последовали за такси через двор к тому месту, где находился автобус, и встали рядом с ними. Я наполовину приоткрыл дверь, прежде чем Перро остановил меня.

– Эй, давай-ка не будем дергаться, пока нам не скажут выходить, хорошо?

Да ладно, Перро! Ты воспринимаешь все это как долбаный обмен заложниками. Расслабься уже!

– Как скажешь, – я закрыл свою дверь до щелчка.

Анхель остался в «Шеви», а Хоакин подошел, взобрался на подножку моей двери, просунул голову в окно и широко улыбнулся.

– Aquí está, amigo mío. Nadie lo ha tocado. Lo hemos mantenido a salvo para usted como lo prometimos[65].

– Пожми человеку руку, Оптерс.

– Что он сказал?

– Да пожми ты ему руку! Он сказал, что вот твой автобус и что они никому не позволили прикоснуться к нему.

Хоакин спрыгнул и отступил на несколько шагов. Я открыл дверь, спрыгнул с грузовика и подошел к нему с протянутой рукой и широкой улыбкой на лице.

– ¡Gracias! ¡Muchas gracias, mi amigo!

– De nada. Te hicimos una promesa.

– Что он сказал?

– Он сказал, они дали тебе обещание.

Вау.

Я все еще сжимал и тряс руку Хоакина, когда к нам присоединился Анхель, поэтому я переключил свое внимание на него.

– ¡Muchas gracias, Angel!

– De nada, mi amigo.

Я сел за руль, и ребята подтолкнули автобус, чтобы мы могли прицепить его к грузовику для буксировки. Я крутил головой и достаточно долго оглядывал всё, чтобы убедиться, что ничего действительно не трогали. Всё, включая всё еще покрытое грязью снаряжение, лежало в точности так, как мы и оставили. Я попросил Перро узнать у парней, могут ли они сделать исключение из правила «без фотографий», чтобы я мог сфотографировать их с моим автобусом. Они согласились, но при условии, что камера будет повернута в сторону джунглей. Переживая, что нам помешают, я сделал быстрый снимок, но перед вторым кадром Хоакин настоял на том, чтобы забраться на заднюю часть грузовика и сесть на задний борт – чтобы не выглядеть таким низким рядом с Перро.

После этого они помогли нам собраться в долгую поездку домой. Мы должны были следовать за ними, но только до главной дороги, а дальше сами по себе. (Они не хотели, чтобы их видели с нами рядом с шоссе, на случай если федералес, которые гнались за нами, были сегодня поблизости.)

Вот дерьмо. Об этом я не подумал. Надеюсь, не случится так, что они нас увидят, сложат два и два и задержат нас с Перро! Ну по крайней мере у нас не будет полного багажника марихуаны, о котором нужно переживать.

Когда пришла пора ехать, я спросил Перро, сколько я должен предложить им за хранение моего автобуса – я был готов дать им сотню долларов.

– Mi amigo quiere saber cuánto pagarte[66].

Анхель оставил это на откуп Хоакину.

– No hicimos esto para obtener dinero; te ayudamos porque estaba bien. Aunque tengo un poco de sed. No rechazaríamos algunas cervezas[67].

Перро засмеялся и повернулся ко мне.

– Они сказали, что им не нужно ничего платить, но ты не забудь накинуть мне еще деньжат, когда мы вернемся домой. Они сказали, что они будут в восторге, если ты купишь им немного пива.

Фраза «накинуть еще деньжат» тут же вылетела у меня из головы, но я попросил Перро заверить их, что с радостью угощу

их *cervezas*. Мы выехали с территории и последовали за ними в город, остановившись у небольшого рынка на окраине. Хоакин остался на улице с Перро, а Анхель вошел со мной в магазин. Там было только два сорта пива, поэтому с благословения Анхеля я купил два ящика «Modelo Especial» в маленьких толстых бутылочках; пиво, которое я видел в банках, но никогда – в бутылках такой формы.

После того как каждый из нас выпил по несколько бутылок холодного пива (мы вчетвером сидели в кузове грузовика Перро на стоянке у *mercado*), разговор начал клеиться – Перро выступал в роли переводчика. Анхель говорил мало, но Хоакин сыпал вопросами. Он спросил наши настоящие имена, и ему было любопытно, как мы получили наши прозвища. В свою очередь, он разрешил нам называть его по прозвищу Чапо, отметив, что только его семье и хорошим друзьям разрешено называть его так. Оказалось, что мы трое – Хоакин, Перро и я – родились в 1957 году (в апреле, сентябре и январе соответственно) и всем нам было по двадцать одному. Мы втроем рассказывали друг другу, как с самого раннего возраста наши отцы настаивали на том, чтобы мы работали на них с утра до ночи: Хоакин на полях, собирая мак и марихуану, я в мастерской отца, а Перро на сборе фруктов. Все наши отцы были лишены сострадания и не скупились на физические наказания. А каждая из наших матерей делала всё возможное, чтобы заложить в нас моральные ценности, основанные на вере в Бога. Хоакин сказал, что его отец был *un maldito borracho* – «жутким пьяницей»; наши же с Перро отцы не нуждались в допинге – их скотская натура проявлялась и без этого. Это заставило меня задуматься о том, насколько радикально различались обстоятельства в годы нашего становления, но при этом насколько поразительно похожи были наши фундаментальные проблемы. У нас троих были общие узы – и общая миссия: наши самые ранние воспоминания были об отцах-тиранах, добрых матерях и о том, что мы были, что называется, нищебродами. Все втроем мы были одержимы желанием доказать, что наши отцы недооценивали нас, и заставить наших мам нами гордиться.

Мы долго разговаривали и пили. Появление москитов в сумерках вынудило нас попрощаться и отправиться домой. Я обнаружил, что мне нравится Хоакин, и я думал о нем как о друге (правда, не о таком, с которым я мог бы проводить много времени после сегодняшнего дня). Он протянул нам руку помощи в тот памятный день неделю назад, когда мы больше всего в этом нуждались, да еще и с риском для себя. Он сдержал свое слово и сохранил автобус в целости и сохранности, хотя, вероятно, было

бы проще (и определенно более выгодно) разобрать его, продать или просто спрятать. Что с того, что у него был небольшой наркобизнес? Он был отличным парнем.

Человек с отметиной

– Боже. Ну и поездочка, а?

– Да уж. Ты прикинь, где побывал мой автобус?

– Да в жопу твой автобус. Ты видел АК-47, который был у того парня? Наверняка у его приятеля в будке охраны был еще один, а в одном из этих зданий их хватило бы на целую армию.

– Как-то странно, что торговцы наркотиками взяли на себя обязанность охранять мой автобус, да?

– Не то чтобы очень странно. Хоакин сказал мне, что в Синалоа поставка наркотиков в Штаты считается больше бизнесом, чем преступлением. Ограбив кого-то, они показали бы, что у них нет чести… а в их деле за отсутствие чести убивают.

– Оу.

Мы уехали из города намного позже, чем планировали, и уже начинало темнеть. Мы не подумали взять с собой что-нибудь, чтобы подключить задние фонари автобуса к проводке грузовика, и решили, что разумнее провести ночь в Гуаймасе, припарковавшись у пруда с водными лыжами, который мы видели утром. Все еще наслаждаясь адреналином от нашего визита на территорию контрабандистов (не говоря уже о том, что мы весь вечер усердно накачивались пивом), мы взяли еще пару упаковок «Модело», чтобы отпраздновать наш успех и немного расслабиться.

Москиты в Эрмосильо, с которыми мы столкнулись накануне ночью, не шли ни в какое сравнение с теми, которые властвовали над Гуаймасом. Мы, как и раньше, натянули две сетки на борта грузовика, укрылись и принялись пить пиво. Наша миссия была далека от завершения, но мы выпили столько, словно только что выиграли Мировую серию[68]. Я не помню, как засыпал, но у меня есть смутное воспоминание о частичном пробуждении посреди ночи от яркого кошмара, когда жестокий шторм залил нас горячими каплями дождя.

На следующее утро первым проснулся Перро.

– Оптерс! Боже мой, Оптерс! Твои руки! Твоя спина! Вот дерьмо, твое лицо! О Господи!

Ночью я каким-то образом зацепился за москитную сетку и немного стащил ее с борта со своей стороны грузовика. Она повисла достаточно низко, чтобы маленькие ублюдки могли дотянуться до меня и устроить пир. Я, должно быть, почувствовал это и начал вертеться, пытаясь перетянуть сетку. Удалось ли мне сделать хоть что-то или нет, неизвестно. Утром сетка была обернута вокруг обеих рук, прилегала к одной стороне моего

лица и туго натягивалась на мою голую спину от плеч до талии. За исключением трех пересекающихся складок на сетке на одном плече (которые сдерживали их «оружия всасывания»), меня покрывала ярко-красная мозаика укусов. Я могу сравнить это чувство только с ошпариванием горячей водой, которое длится и длится. Моя кожа ужасно чесалась и горела, и не было ничего, что могло бы потушить этот пожар.

– Оптерс, ты должен взглянуть на это.

Спасибо, Перро, я и так это чувствую. Мне не обязательно видеть.

– Я весь горю! От этого умирают? Сколько раз тебя должны укусить, чтобы выпить всю кровь?

– Ты должен взглянуть. Посмотри на свою спину в боковое зеркало, особенно на тыльную сторону плеча. Они подписали свою работу.

Гребаные маленькие убийцы.

Мне удалось увидеть бóльшую часть участка кожи без укусов, посмотрев через плечо, но я слез с кузова грузовика и посмотрел в боковое зеркало, в основном чтобы удовлетворить просьбу Перро. Три пересекающиеся складки, лишавшие москитов возможности запустить зонды мне под кожу, оставили почти идеальную – если смотреть в зеркало – букву «К» из нетронутой кожи высотой двадцать сантиметров, сиявшую на фоне тысячи злобных укусов.

Пережили достаточно

Дама в местной аптеке была явно встревожена, когда посмотрела на мою спину, но смогла только выразить соболезнования и нанести на нее какую-то мазь, отпускаемую без рецепта. Крем совершенно не помогал при зуде, но все же придал шедевру кровососов нежный розовый оттенок. Устроиться комфортно было невозможно. Мне приходилось терпеть боль от бесчисленных демонических укусов, словно сорока трех градусов жары и девяносто девяти процентов влажности было недостаточно.

Из-за ночевки в Гуаймасе вместо Эрмосильо мы уже на несколько часов отставали от графика, а моя «Лихорадка субботней сетки»[69] задержала нас еще больше. Не собираясь останавливаться, мы в течение всего дня натыкались на дорожные работы (некоторые заставляли нас стоять в пробках – на солнце – в течение часа или более, прежде чем продолжить движение). Стало очевидным, что темнота наступит раньше, чем мы достигнем границы в Ногалесе, поэтому мы решили сократить путь и въехать через Люквилль в Аризоне. Мы приняли во внимание, что этот маршрут уведет нас с главной дороги и уменьшит шансы на возникновение проблем с федералес из-за неработающих фонарей на автобусе.

Наконец мы въехали в город на мексиканской стороне Люквилля и пересекли его чуть позже полуночи. Он назывался Hombres Blancos, что дословно переводится как «белые люди» (мне было интересно, почему они решили его так назвать. Может быть, потому, что это было последнее место в мире, где можно было бы ожидать найти белых людей?). Мы проследовали по нашей карте до границы – только чтобы обнаружить, что она закрыта: знак на воротах сообщал, что она откроется в четыре утра. Слишком измотанные и уставшие от дороги, чтобы ехать куда-нибудь в этот час, мы подъехали как можно ближе, выключили двигатель и стали ждать.

– По крайней мере мы будем первыми в очереди, когда откроют.

Перро даже не взглянул в мою сторону. Мы, должно быть, задремали, потому что через некоторое время нас привел в сознание отвратительно яркий луч фонарика: ворота, преграждающие проезд перед нами, уже откатились. Мы все еще были первыми – и единственными – в очереди. Сориентировавшись, Перро завел свой грузовик, медленно двинулся вперед и остановился, когда американский пограничник

поднял руку. Он осмотрел нас с головы до ног перед тем, как подойти к окну Перро.

– Из какой части Мексики вы едете? – Он первым направил свой свет в мою сторону, и я ответил:

– Гуасаве, в Синалоа.

Вот дерьмо. Почему бы мне сразу не рассказать ему о картеле, в котором мы вчера тусовались? Ну и придурок…

– Вот как? Чей это «Фольксваген»?

– Это мой, сэр. Он сломался, и теперь мы пытаемся отбуксировать его обратно. – Бессознательно я потер лицо левой рукой.

– Что с твоей рукой и лицом?

– Укусы москитов, сэр. Сетка оторвалась и упала на меня, когда я спал прошлой ночью.

– Хм.

Очевидно, на данный момент он закончил со мной и ненадолго направил свой свет на Перро, прежде чем отступить на несколько шагов.

Ох, должно быть, сейчас он скажет нам выйти из грузовика и вызовет подмогу, чтобы проводить нас внутрь, где нас подвергнут полномасштабному обыску снаружи и изнутри.

Он провел лучом фонарика по всей длине грузовика и остановился, когда подошел к передней части моего автобуса. Он подошел к нему и направил свой свет сначала через лобовое стекло, а затем по очереди в каждое из боковых окон, прежде чем повернуться, выключить фонарик и вернуться к грузовику. Подойдя к двери Перро, он щелкнул фонариком, на секунду задержал луч на нас, а затем снова направил на автобус. Выключив его, он посмотрел на нас двоих, покачал головой и сказал:

– Ладно, проезжайте. Вы и так достаточно пережили.

Послесловие

Стив Уоррен, он же Жеребец

Жеребец раздружился с Лосем, когда мы вернулись. Однако он наладил отношения с Шерри, и у них родился сын. Они переехали из Поместья и получили собственное жилье. К сожалению, Шерри умерла во сне однажды ночью, когда Жеребец шесть месяцев отсутствовал, работая на фабрике по переработке марихуаны в Гумбольдте, штат Калифорния, с несколькими товарищами из Поместья.

Позже Жеребец стал выращивать экзотические пальмы в доме своих родителей, но закрыл бизнес после того, как одно из деревьев упало во время урагана и ударило его по лицу, сильно ранив его. Он прошел долгую реабилитацию, которая включала в себя операцию по восстановлению лица, и уже никогда не был прежним. Он стал отшельником, почти не выходил из дома и ни с кем не общался, вместо этого предпочитая зарабатывать на жизнь онлайн-ставками. В Ла-Тиклу он так и не вернулся.

Эд Мосс, он же Лось

Боже, с чего мне начать? Успешно избежав ареста в США после нашего возвращения, Лось вскоре направился обратно на юг, воссоединился с нашими друзьями из Гуасаве, Хоакином и Анхелем, и начал возить наркотики на север через Нижнюю Калифорнию. После нескольких успешных ходок его спалили на пароме из-за того, что он не смог переждать четырнадцать часов, не закурив косяк; федералес с подозрением отнеслись к его чрезвычайно тяжелым дорожным сумкам для серфбордов и задержали его на сходе с парома в Кабо-Сан-Лукасе. Он провел некоторое время в тюрьме в Ла-Пасе, прежде чем его перевели в Тихуану, где был передан судебной системе США и заключен в тюрьму штата Чакавалла-Вэлли в Блайте, Калифорния, как ранее осужденный за непредумышленное убийство.

После условно-досрочного освобождения Лось продолжал сотрудничать с Хоакином, помогая организовывать крупную сеть контрабандистов, которая провозила неисчислимые тысячи килограммов наркотиков через Империал-Бич, Калифорния, заполнив пустоту, оставшуюся после распада знаменитой «Коронадо Компани» в начале восьмидесятых. С большим риском они обошли более солидный Тихуанский картель и помогли картелю Гуасаве-Синалоа наладить прибыльный канал контрабанды Тихуана – Сан-Диего. В ночь, когда члены ячейки картеля в Империал-Бич были арестованы (с помощью тайного агента Управления по борьбе с наркотиками, который работал под прикрытием), Лось сумел скрыться, но через несколько месяцев был арестован и привлечен к ответственности за свою причастность. Он вышел под залог, предприняв еще одну длительную поездку в Ла-Тиклу (на этот раз с Перро и двумя другими парнями), а затем остался с мексиканской девушкой, в которую влюбился. К тому времени Ла-Тикла приобрела вирусную известность – привлекая толпы серферов со всего мира, от Техаса до Новой Зеландии, – и Лось основал небольшой подпольный бизнес, снабжая приезжих местной травкой, купленной у Картеля Ла Фамилиа[70] / Картеля «тамплиеров»[71] в долине Остулы к востоку от Ла-Тиклы.

Однажды утром он совершил тройную ошибку: отклонил партию марихуаны как некачественную, показал, что у него есть значительная сумма денег на руках, и дал понять другим серферам, что зарабатывает на травке. Оскорбление лейтенанта картеля оказалось роковой ошибкой в этой череде. На дороге, ведущей из Ла-Тиклы, ему устроили засаду, Лось понял это и

почти спасся, но стал жертвой выстрела – пуля прошла через багажник его машины и попала в середину спины. Он истек кровью и скончался по дороге в ближайшую больницу в Текомане. Позже его прах был развеян над прибоем в его любимом райском уголке – Ла-Тикле.

Эд Леон, он же Перро

Благодаря случайности Перро ушел на перерыв со своей работы на лесном складе в то утро, когда реактивный самолет «Пасифик Саутвест Эйрлайнз» столкнулся с небольшим самолетом над Сан-Диего и разбился, унеся жизни 144 человек. Он наблюдал за всем этим с вершины штабеля фанеры. Поездка в Ла-Тиклу стала чем-то вроде обряда посвящения для жителей Поместья, и несколько лет спустя Перро провел там три месяца с Лосем и другим старожилом Поместья, Оскаром «Тонгсом» Андраде и приятелем Оскара, Дэйвом «Статуей» Парди.

Перро так и не повзрослел – в хорошем смысле слова. Он умеет веселиться и получать удовольствие от жизни, но всегда ставит свою семью и дружбу превыше всего. Он был награжден пятью детьми и несколькими внуками, которые его обожают.

Мы с Перро остаемся близки по сей день. Он всегда будет моим лучшим другом. Моим «братом от другой матери».

Автор, он же Оптерс

Это заняло намного больше времени, чем следовало бы, но в конце концов я вернулся в норму и усвоил многие уроки тех пяти с половиной незабываемых недель. Я продолжал жить в Поместье еще четыре года, прежде чем переехать, чтобы жениться и создать семью. Моя мама была мне опорой до 1987 года, пока не проиграла в многолетней битве с множественной миеломой (ее тело было пронизано опухолями, которые сожрали ее скелет по частям – всего было около ста переломов). Бизнес моего отца по производству аудиоколонок процветал, позволив ему купить особняк и навороченную лодку, пришвартованную в его частном доке в заливе Сан-Диего. Он любил европейские спортивные автомобили и пропустил похороны моей мамы, чтобы протестировать последнюю модель, то есть остался засранцем до самого конца. Он умер, проверяя содержимое своих ячеек в банке, и завещал все свое состояние Армии спасения. Когда я был подростком, он часто говорил, что я однажды украшу плакат с надписью «Десять самых разыскиваемых лиц» или буду жить под пирсом. Полагаю, это было не так уж далеко от истины. Семь или восемь плакатов со сделанными мной фотографиями украшают стены вестибюля нашего местного почтового отделения, а из дома открывается потрясающий вид на Кристальный пирс в Сан-Диего.

Дважды женатый – оба раза моим шафером был Перро, – я был благословлен двумя удивительными (и теперь уже взрослыми) детьми, их супругами и пятью бесподобными внуками. Ближе всего к возвращению в Ла-Тиклу я был, когда смотрел на нее на карте.

Хоакин, он же Эль Чапо:

Гуасаве, печально известный как место зарождения и штаб-квартира картеля Гуасаве-Синалоа (во главе которого стоял Хоакин «Эль Чапо» Гусман с начала 1980-х по 2016 год), часто появляется в местных новостях по совершенно неправильным причинам. В 2017 году наше Управление по борьбе с наркотиками заявило, что картель остается крупнейшим импортером марихуаны, кокаина (более пятисот тонн) и героина в Соединенные Штаты; и ведущим производителем метамфетамина и экстези в мире. Лишь несколько лет спустя я увидел его фотографию после задержания и осознал, что наш друг из Гуасаве, Хоакин «Эль Чапо» Гусман, стал чем-то бóльшим, чем просто «связным Лося с картелем Синалоа».

1DRBUS, он же мой автобус

Мой автобус никогда не был таким, как в Мексике. Я потратил сотни часов на его усовершенствование и ездил на нем еще два года – до тех пор, пока двое моих друзей не потеряли по ноге, попав в аварии за рулем старых «Сплитти», подобных моему. (В те дни было обычной практикой ставить левую ногу на заднюю часть фары со стороны водителя, и при легком ДТП водителю могло оторвать эту ногу до колена). Я продал его на местной толкучке. Не помню, предупреждал ли я покупателей не пользоваться системой обогрева стекол – из нее все еще летел песок.

Ла-Тикла

Как мы и опасались, после завершения строительства моста Ла-Тикла изменилась навсегда. Сонная деревушка из шести или восьми хижин в итоге превратилась в шумный город со светофорами, ресторанами и пляжными отелями. *Наше* серфинг-путешествие никогда больше не повторится.

Благодарности

Моему лучшему другу Эду, он же Перро: он спасал мне жизнь так много раз, что рассказы об этом не поместятся в книгу. Эд терпеливо читал мои черновики и помог заполнить пробелы в моих воспоминаниях.

Моей дочери Линдси: она слышала большинство историй из этой книги сотни раз и все равно любит меня. Линдси всегда была моим первым слушателем. Без ее помощи эта книга никогда не вышла бы из порочного круга, по которому ходила.

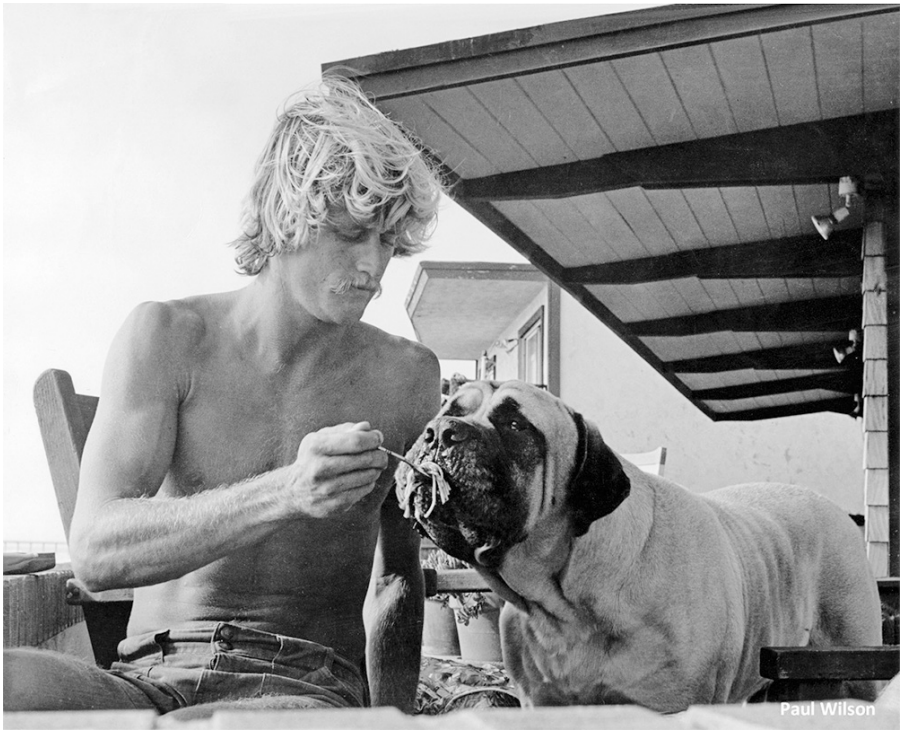
Барбаре Ноэ Кеннеди: она, несомненно, лучший редактор, которого я мог найти для своей работы. Барбара продемонстрировала удивительное внимание к деталям и ясное понимание всего, большого и малого, и того, где моя рукопись не попадала в цель. Прежде всего, она сохраняла непоколебимое терпение, необходимое для общения с кем-то, кто с девятого класса написал разве что список покупок.

Дереку Мерфи: без невероятно глубоких познаний, которые он передает через свои онлайн-уроки, я бы не смог собраться с мыслями и не знал, что нужно делать, чтобы написать эту книгу. Дерек лично творил чудеса над дизайном обложки, и я очень доволен результатами.

Пожарной службе Сан-Диего: в прошлом году они потушили полномасштабный пожар в квартире этажом ниже моей, прежде чем он смог уничтожить наше здание. Потеря жилья была для меня второстепенной заботой. На чердаке у меня была коробка, полная заметок, записей и фотографий сорокалетней давности, которые имели непосредственное отношение к этой истории. Без них мало кто поверил бы, что все это произошло на самом деле.

Богу: Я много лет не решался рассказать эту историю публично в основном потому, что мне было стыдно за свои дерьмовые поступки, а без них об этом нельзя было бы рассказать должным образом. Благодаря молитве – и уверенности, которую дарят мне возраст и опыт, – я пришел к пониманию того, что если я поделюсь ею, своими недостатками и всем остальным, кто-то другой сможет понять, что никогда не поздно изменить свою жизнь. Наш Небесный Отец выше наших ошибок и безоговорочно любит нас. Я благодарю Его каждый день за чудеса, невероятное разнообразие людей, переживания и всепрощение. Спасибо тебе, Господи. (Теперь, прежде чем вы подумаете, что я читаю вам проповедь, я хочу отметить, что мой Бог может быть не таким, как ваш. Ничего страшного. Я почти уверен, что они друзья.)

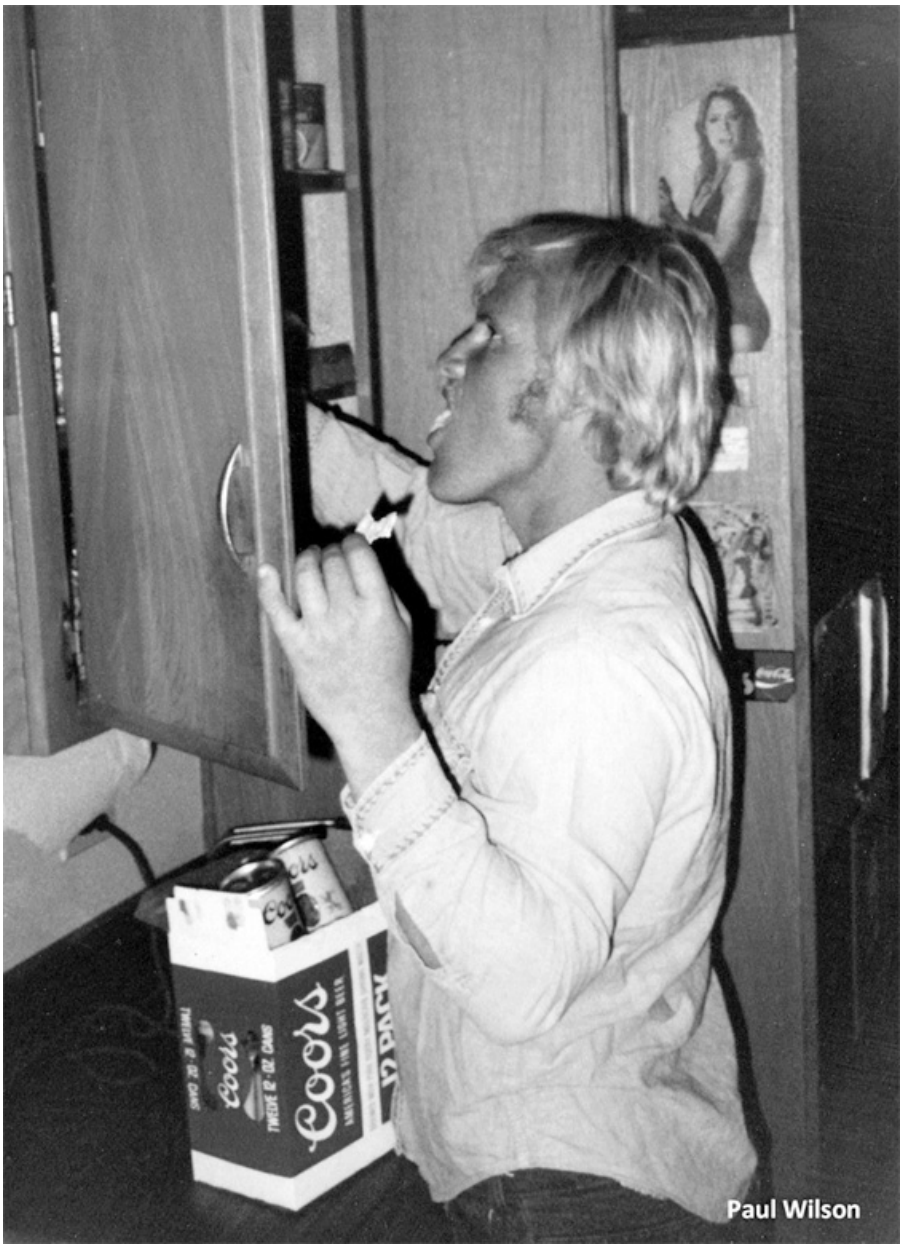
Вклейка



Раку и их пес Макс делят тарелку спагетти.

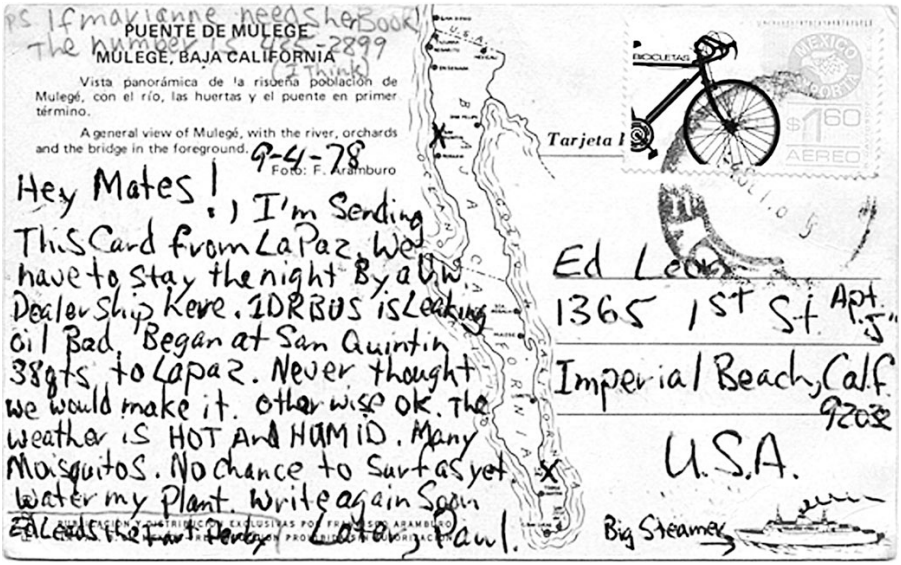
Слева направо: Раку, Барри и мама Раку, чинящие

«Фольксваген» Барри. Боже, этот парень был ловким. Он не только починил свой двигатель во дворе Рекеров с помощью их же инструментов; он еще и убедил миссис Рекер помочь. Держу пари, он стал политиком, когда вернулся в Новую Зеландию.



Копаться в ваших шкафах и уничтожать вашу еду было для Лося формой общения. Его семья держала для него спальню в своем доме в тридцати милях к востоку от Сан-Диего, но он олицетворял собой американскую версию Барри из Новой

Зеландии (без акцента и симпатичных девушек). Он перемещался от дивана к дивану и от шкафа к шкафу, не пропустив почти ни одного во всем Поместье.

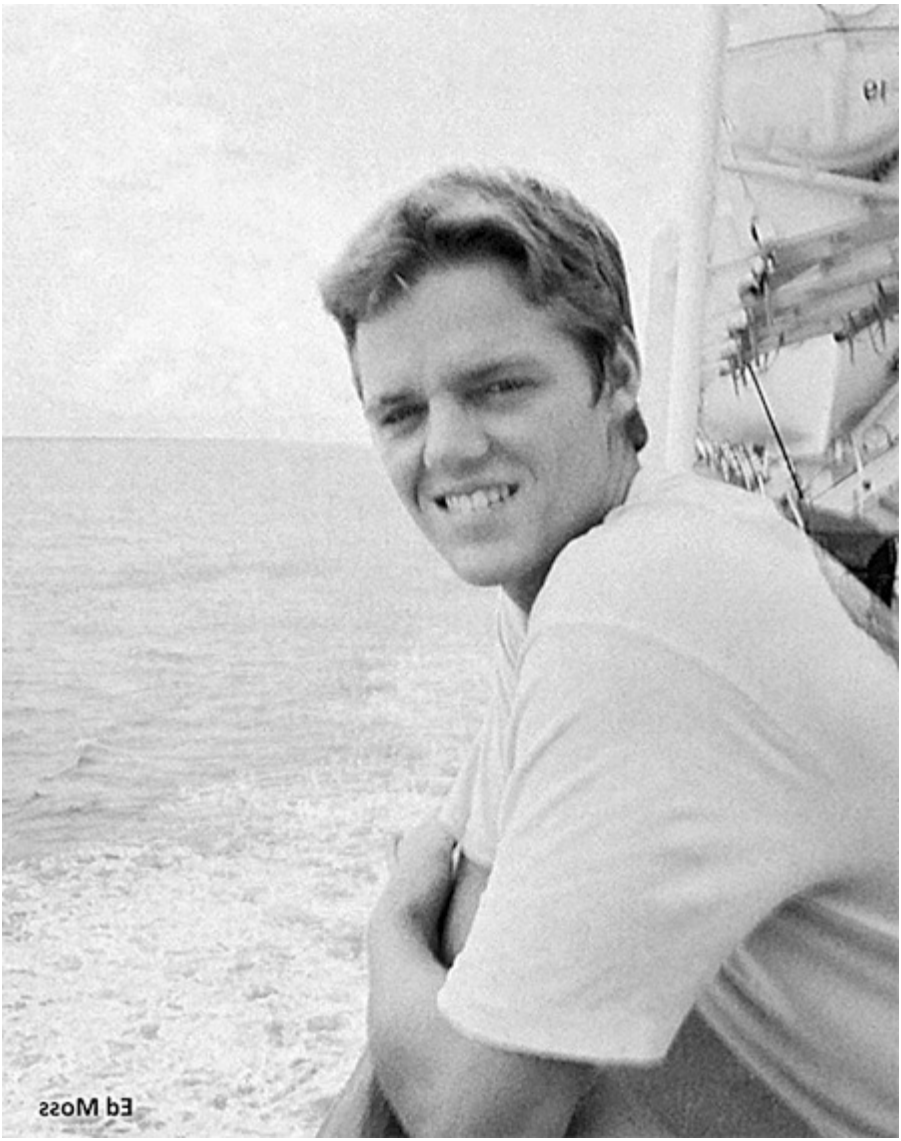


Я отправил эту открытку Перро («Эду Леону») из дилерского центра «Фольксваген» в Ла-Пасе, Баха-Сур, Мексика, в тот день, когда мы отправились на паромный терминал в Кабо-Сан-Лукас. Вы можете видеть, что наши кармические пинки под зад шли полным ходом: «38 литров масла до Ла-Паса», «Пока не серфили», «Много москитов». («Эд» в левом нижнем углу относится к «Лосю». Боже, он мог бы порвать за это.)

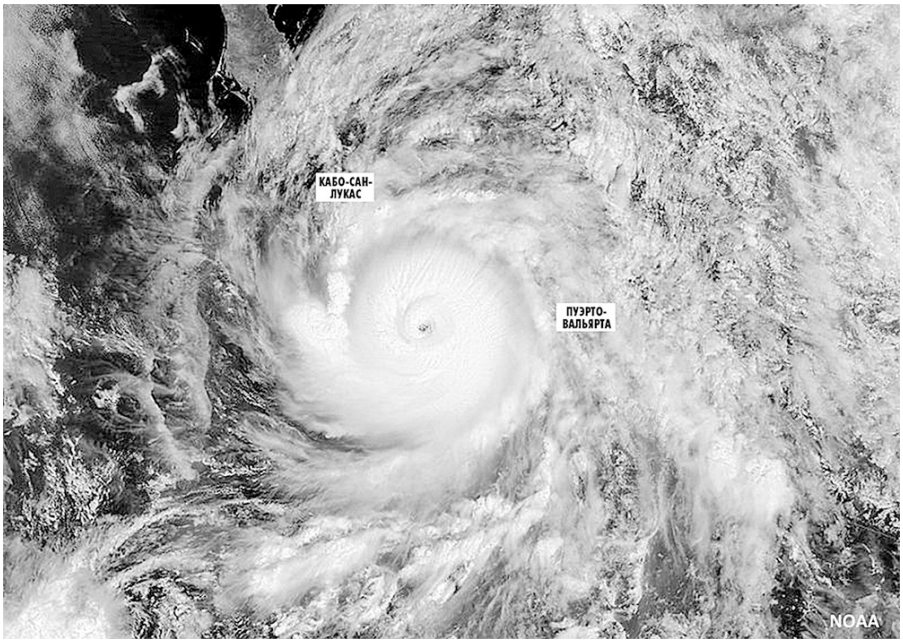
Пристань для яхт Кабо-Сан-Лукас, около 1978 года. Несколько лет спустя они перестали ставить здесь гигантские корабли, подобные нашему.

Наш проклятый паром «Пуэрто-Вальярта» пришвартовался в Кабо-Сан-Лукасе, его передний люк с «акульей челюстью» поднят, готовый принять ничего не подозревающих пассажиров грузовиков, автобусов и нас в свое огромное брюхо.

Лось и Жеребец (в белых футболках) наслаждаются «бесплатными» напитками, любезно предоставленными нашими новыми шведскими друзьями.

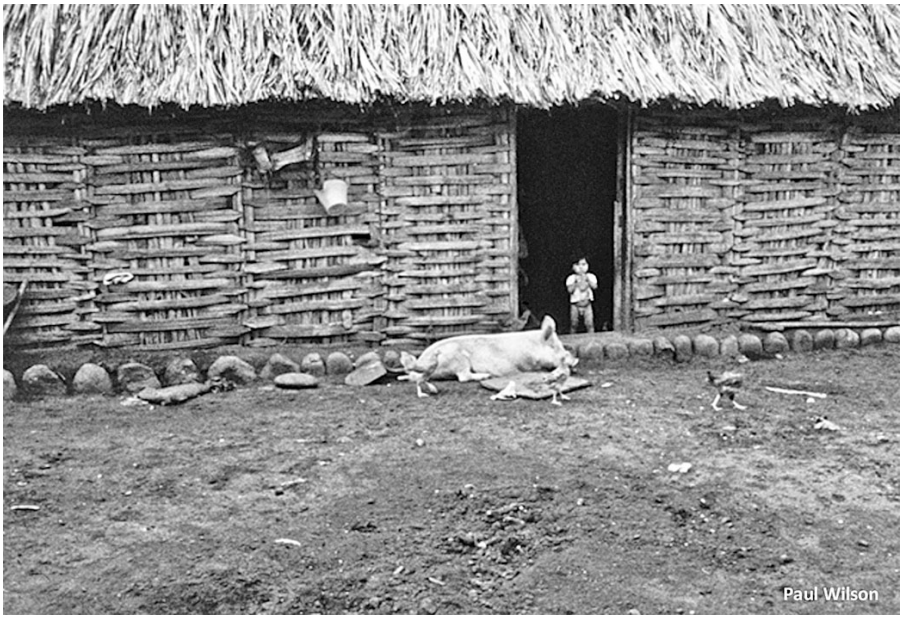


Я покидаю Кабо на пароме.



Говорит капитан: «Мы абсолютно уверены, что нам не составит труда обойти ураган и прибыть в Пуэрто-Вальярту по расписанию. Однако из-за шторма нас может ждать немного более сильная качка, чем обычно».

Пляж в Ла-Тикле. Наш лагерь находился под кокосовыми пальмами справа.



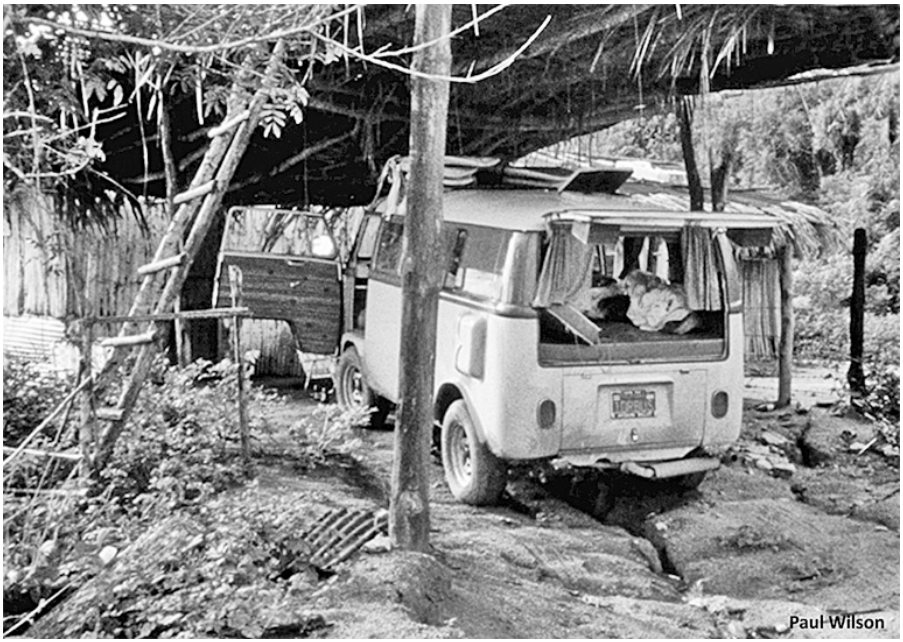
Все животные, кроме одного, входили и выходили из домов в Ла-Тикле, когда им было угодно. Местные жители подводили черту на осликах.

Одна из десятков морских черепах, которых мы видели на пляжах Ла-Тиклы.

Лось, решивший убедиться, что это дорога ведет в Эль-Фаро.

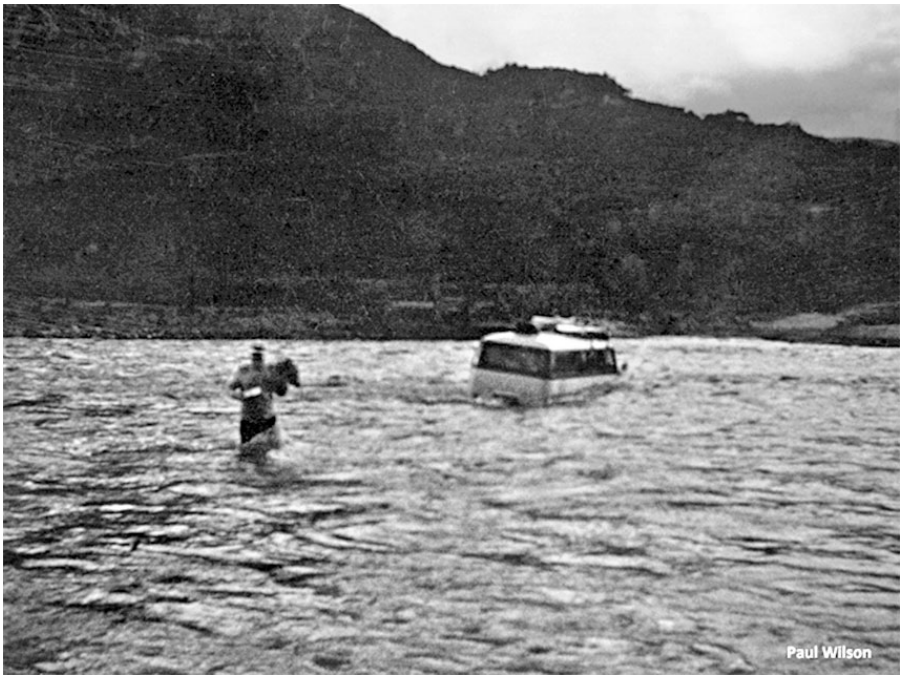
«Зона отдыха на полпути», вдоль дороги от Ла-Тиклы до Эль-Фаро. (Сейчас там современная трасса.)

Широкое место на «шоссе» Ла-Тикла – Эль-Фаро. (Думаю, слева – дом мэра.)

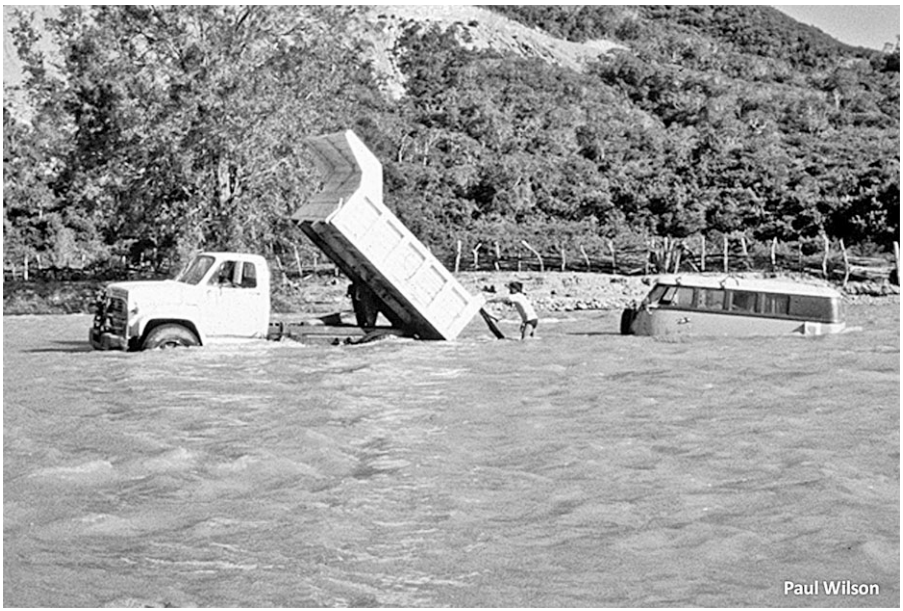


Наша ночевка в Эль-Фаро.

Я послал вперед деревенского жителя с камерой, чтобы запечатлеть свой триумф на пленку, уверенный, что мы переправимся через реку.

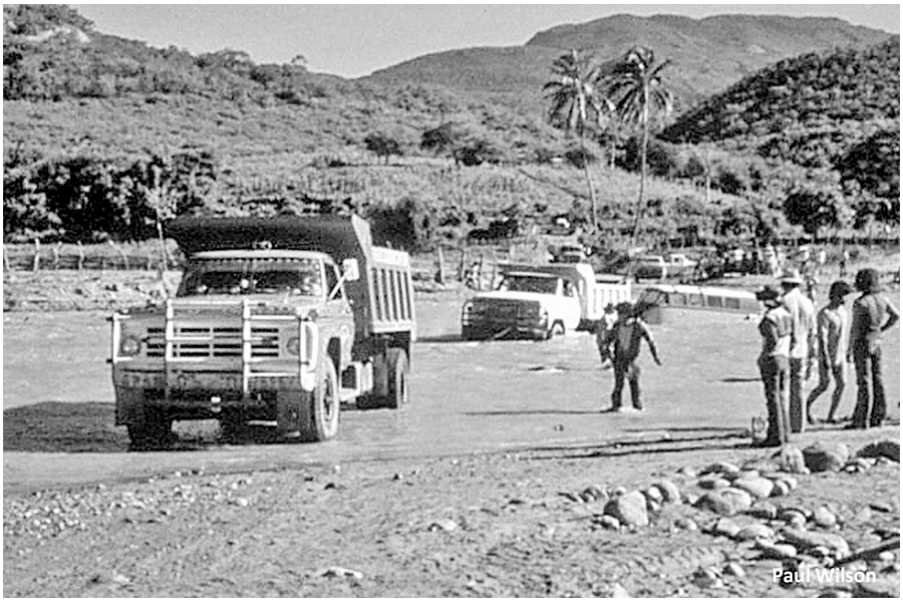


Темнеет, мой автобус стоит на вершине затопленного валуна посреди реки Остула, и вода быстро поднимается. Главный приоритет Лося – спасти свой спальный мешок и маленькую коробку с травкой.



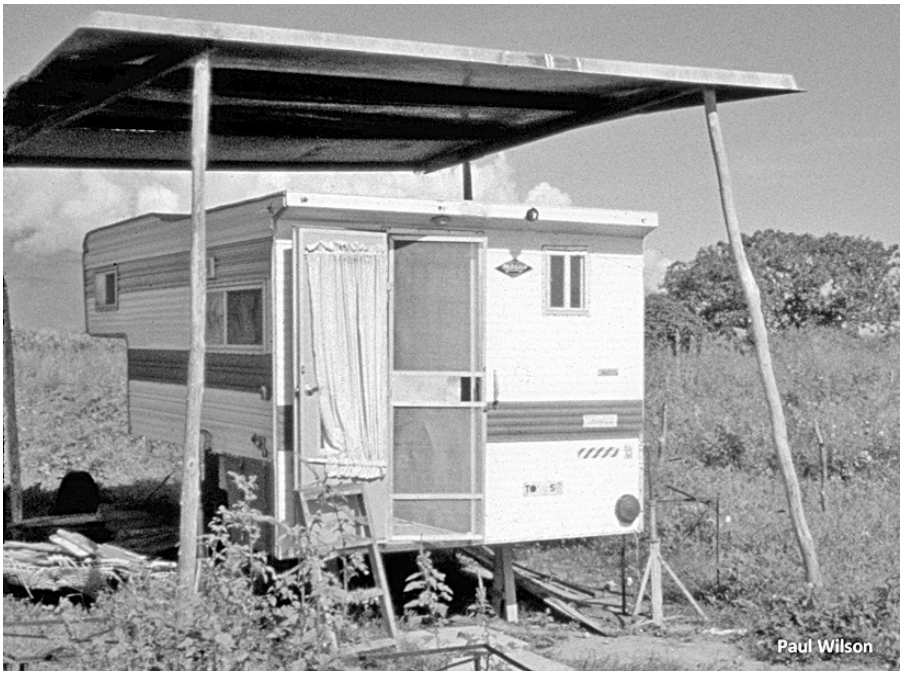
Когда мой автобус уже был прикован к грузовику, Мигель использовал гидравлику своего самосвала, чтобы попытаться освободить задние колеса, глубоко зарытые в грязь. (Обратите

внимание на отметку «высшая точка прилива» на противоположном берегу реки, за грузовиком. В пик паводка были видны только стойки для серфинга на крыше автобуса.)



Потребовалось два полноразмерных самосвала, соединенных вместе, чтобы наконец вытащить мой автобус из липкой грязи.

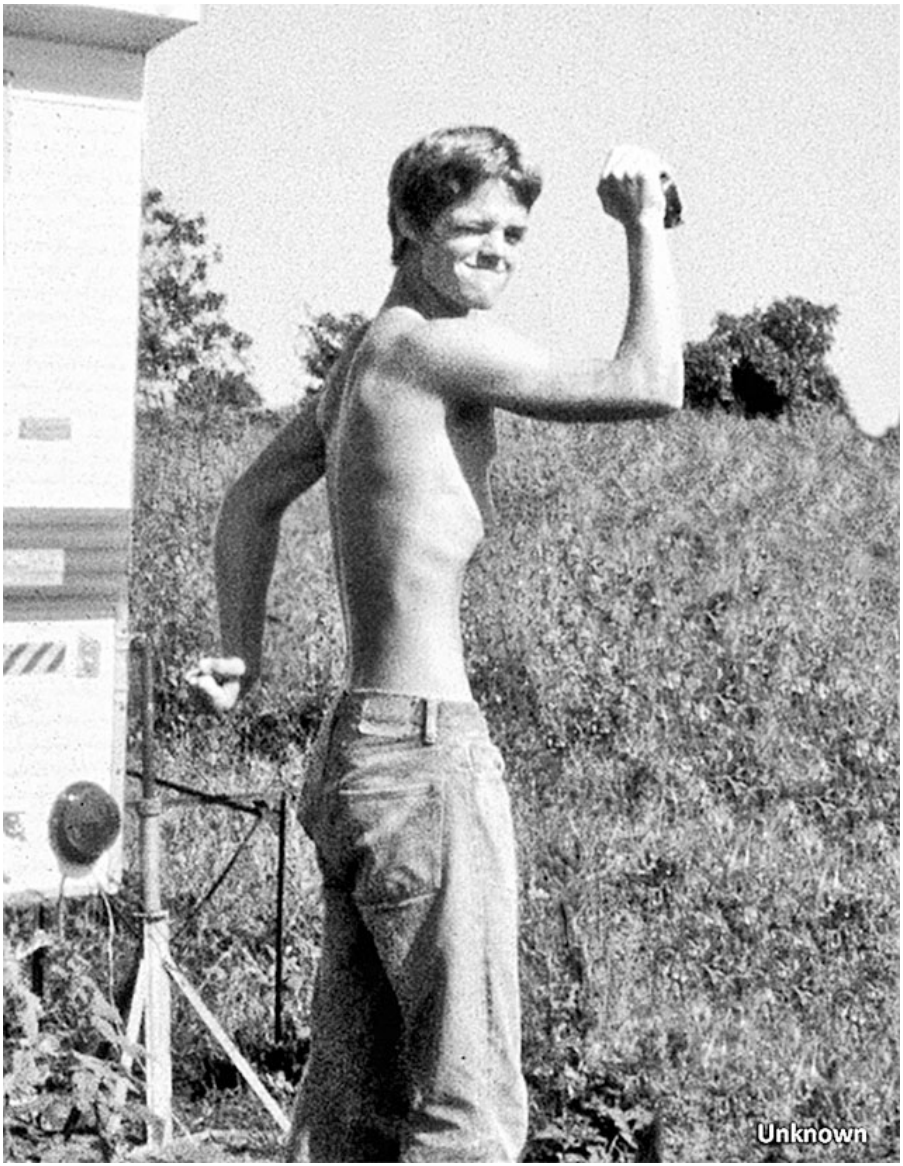
Несколько килограммов «Остульской помадки» из тех пары центнеров, что осели внутри за ночь.



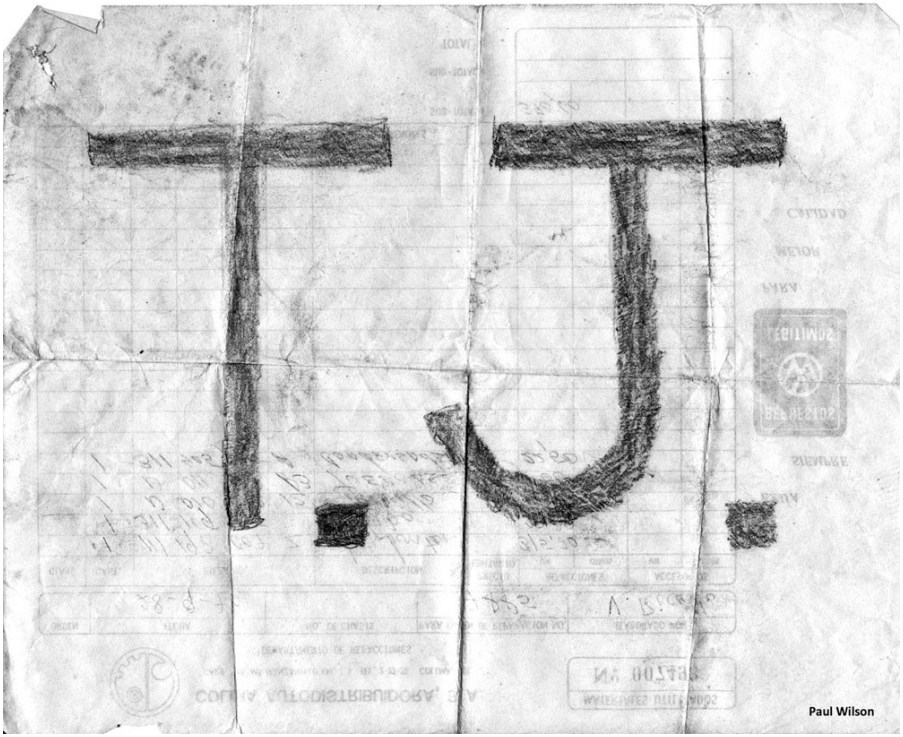
Так выглядело наше жилье на окраинах Колимы, о котором ничего не было сказано в моем путеводителе.

Роза и ее отец Эдуардо работают за прилавком в «Юголандии», Колима.

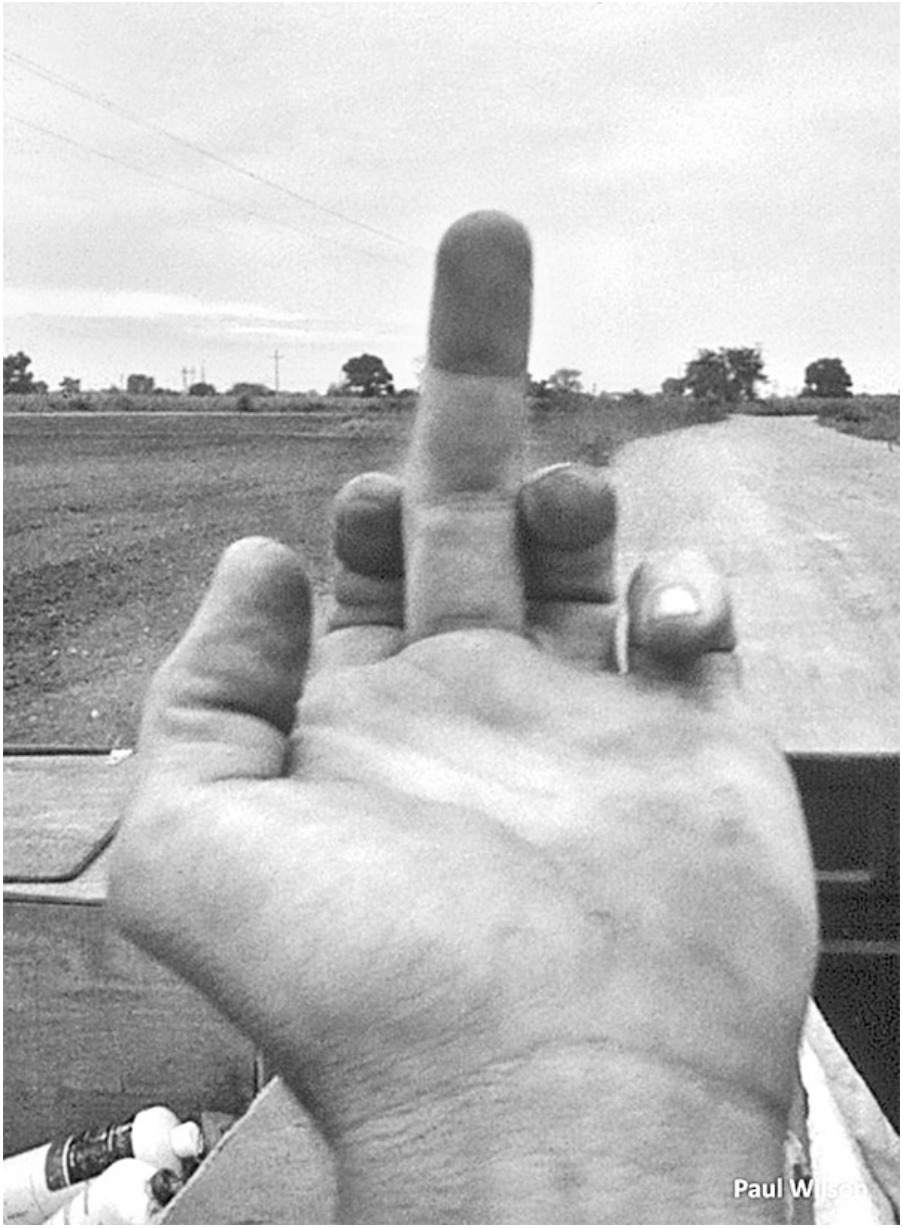
Роза.



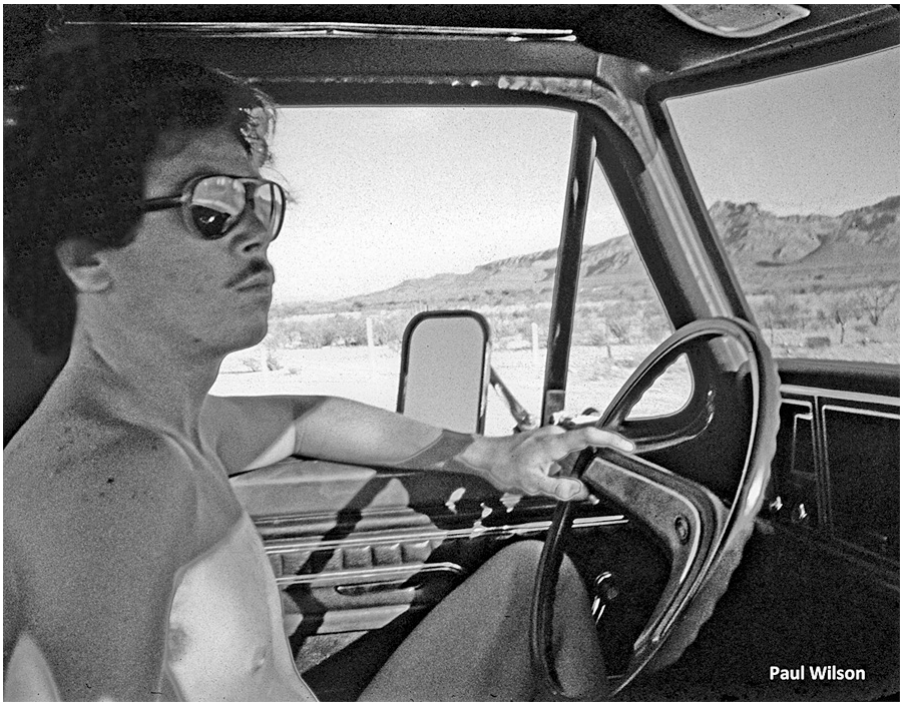
Мое телосложение после поражения в желудочно-кишечном матче против жратвы с автовокзала Гвадалахары.



Моя квитанция от «Фольксваген» в Колиме была единственным листком бумаги, который я смог найти, чтобы сделать плакат.

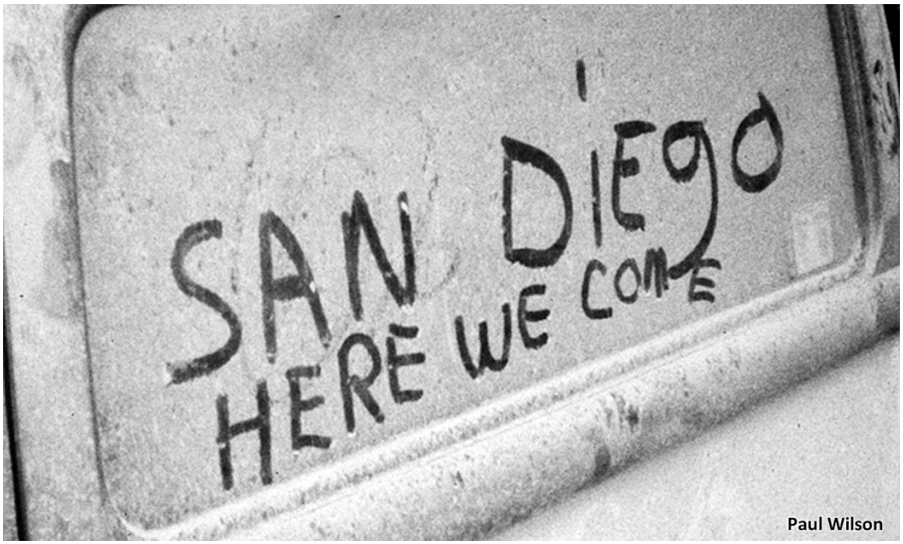


Праздную окончание девятой главы… из задней части грузовика с курицами.

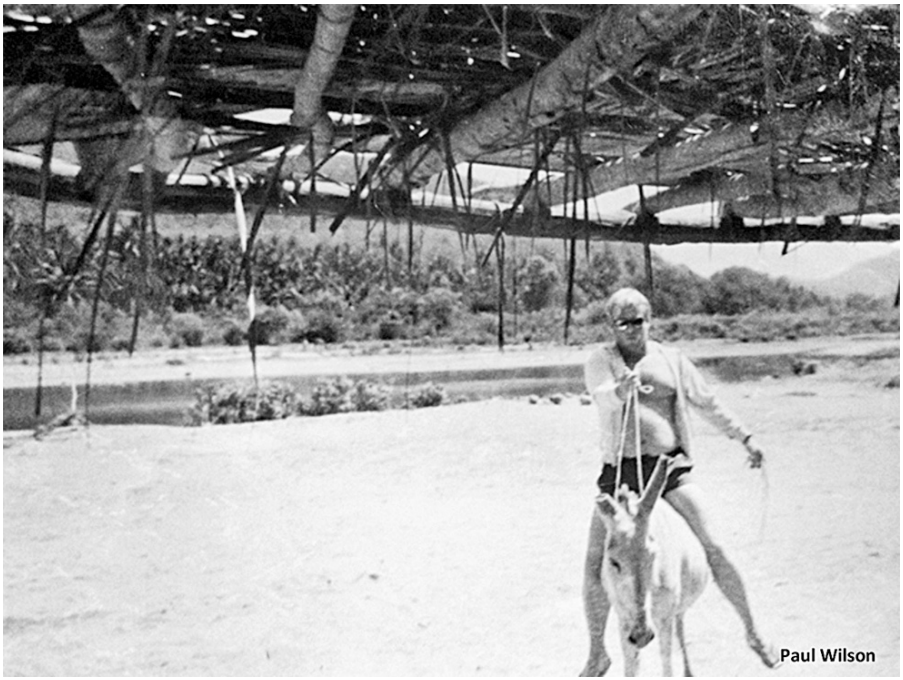


Перро за рулем своего грузовика наслаждается великолепной жарой и влажностью Северной Мексики.

Наша команда «службы доставки» Гуасаве, слева направо: Анхель, Хоакин, Перро и какой-то парень, влезший в кадр.



(«Сан-Диего, вот и мы».) Я молился, чтобы Перро действительно довез нас домой.

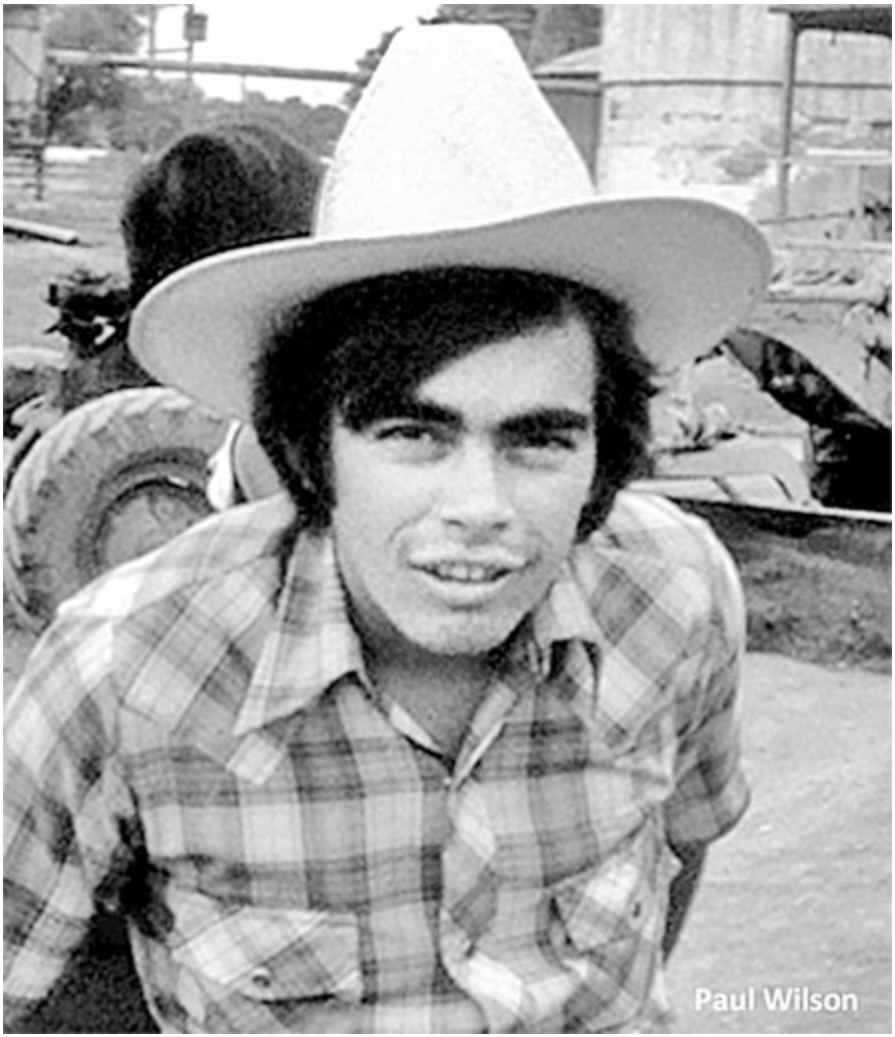


Накурившись в сопли и решив, что прокатиться таким образом – это отличная идея, Лось стал соревноваться в упорстве с этим осликом однажды возле нашего лагеря и проиграл. Животное не сдвинулось ни на дюйм.

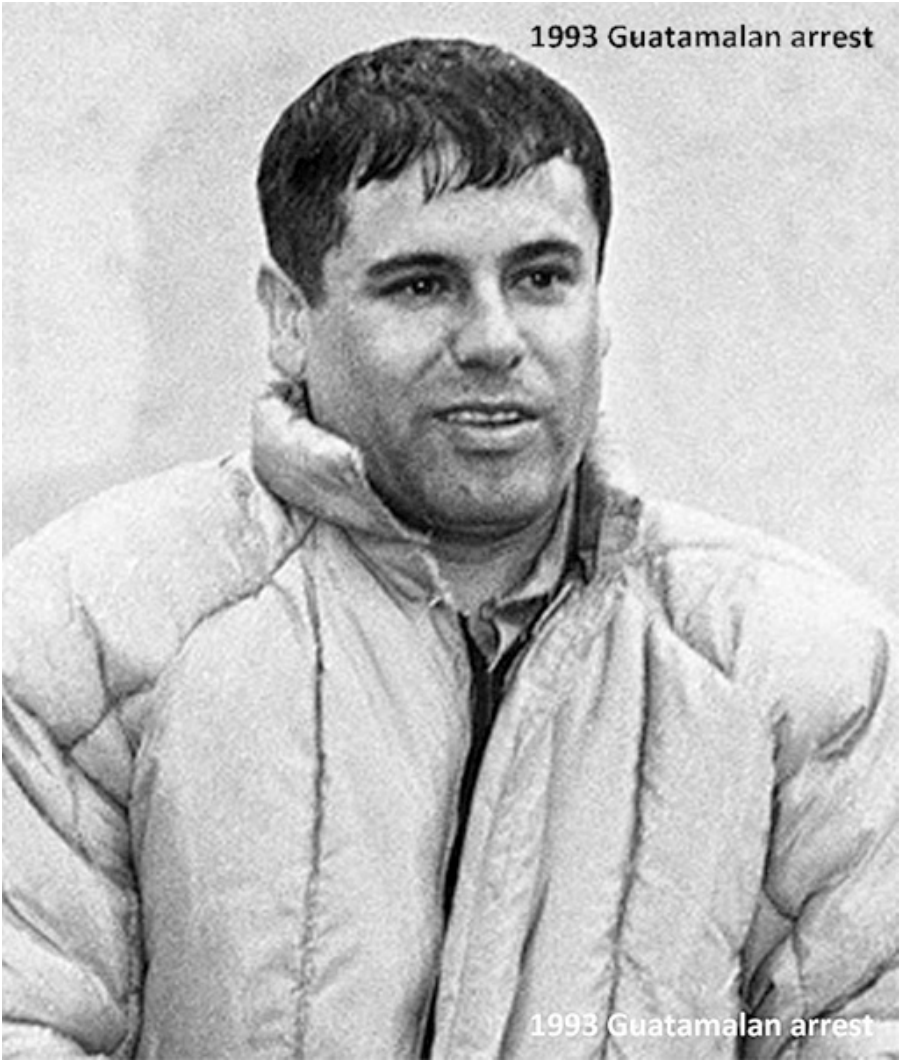
Мы все повыскакивали, когда Жеребцу пришло время переезжать из Поместья.

Столярная мастерская мистера Обеля, около 1969 года. Это Перро в конце очереди к кранику – он собирается бросить в пившего парня куском дерева. «Потому что он долго возится».

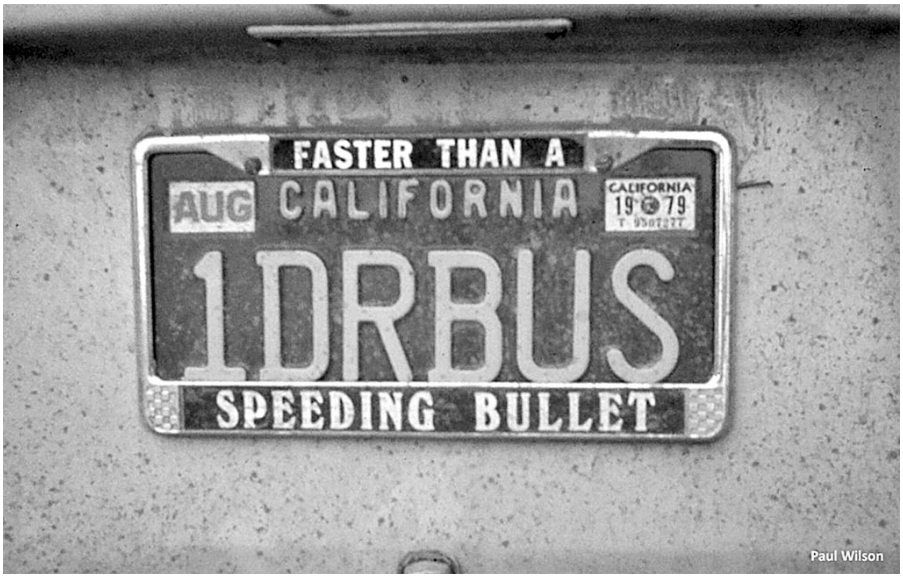
Мое любимое времяпрепровождение в наши дни.



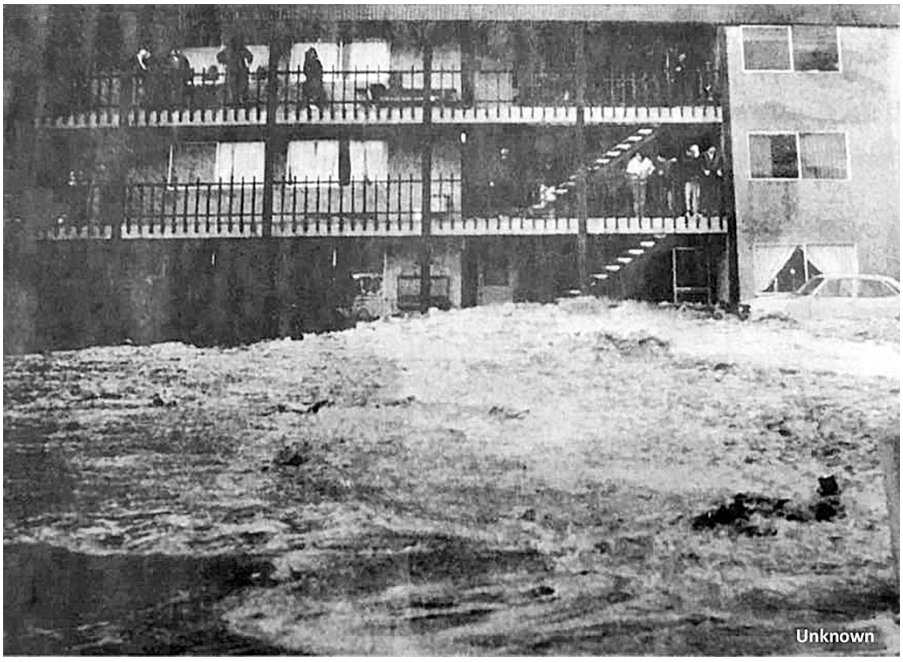
Хоакин в 21 год, 1978 год.



Хоакин в 36 лет, 1993 год.



«Быстрее, чем летящая пуля! Мощнее, чем локомотив!». К сожалению, он не умел плавать.



Хотя Поместье располагалось через дорогу от пляжа, блуждающие волны нередко обрушивались на здание. Именно они убедили нашего крайне «бережливого» хозяина установить новые полы в каждой из квартир на первом этаже.

В 1978-м дорога кончалась здесь
Наводнение застигло нас здесь
Наша палапа под кокосовыми пальмами
Здесь мы достали автобус из реки
Побережье с акулой
Ла-Тикла в 2019 год

Карта нашего путешествия.

notes

Примечания

1

Эль Чапо (*с исп.* «Коротышка», настоящее имя Хоакин Арчивальдо Гусман Лоэра) – мексиканский наркобарон, глава наркокартеля Синалоа. (*Здесь и далее – прим. ред.*)

2

От слова helicopter – «вертолет» (*англ.*).

3

Horn-dog – «сексуально озабоченный».

4

Supermarket Sweep – американское игровое телешоу. Формат сочетает в себе обычную командную викторину с новой концепцией гонки по супермаркету с тележками на время.

5

Пиньята – мексиканская полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями.

6

Барни Файф – вымышленный персонаж американской телепрограммы «Шоу Энди Гриффита», бравирующий, но некомпетентный полицейский.

7

Чарли Браун – один из главных персонажей серии комиксов Peanuts, созданный Чарльзом Шульцем и впервые появившийся в комиксе 2 октября 1950 года.

8

Сэнд-ведж – клюшка, следующая в наборе после питчинг-веджа. Чаще используется для выбивания мячей из бункеров. Паттер – финальная клюшка в игре, именно ею совершаются удары на короткой траве, закатывающие мяч в лунку.

9

Утром я уезжаю в Мексику на два месяца (*исп.*).

10

Томас Петти (1950–2017) – американский рок-музыкант.

«Мой дом – твой дом» (*исп.*).

12

Pemex, он же Petróleos Mexicanos – мексиканская государственная нефтегазовая и нефтехимическая компания, монополист розничной продажи бензина.

13

«Заткнитесь! Гребаные придурки!» (*исп.*)

14

«Поцелуйте меня в задницу!» (*исп.*)

«Открыто круглосуточно» (*исп.*).

16

«Доброе утро, мой добрый друг!» (*исп.*)

17

«Сейчас подсвечу!» (*исп.*)

18

«Ступайте с Богом! До свидания, сеньоры! Ступайте с Богом!» (*исп.*)

19

Нижняя Калифорния (Baja California) – самый северный штат Мексики, расположенный на севере полуострова Калифорния.

20

Джед Клампетт – персонаж сериала «Деревенщина из Беверли-Хиллз», владевший болотом, на котором были обнаружены огромные залежи нефти.

21

Чистая вода (*исп.*).

«Ветеринарная клиника», «Аптека», «Стоматология», «Алкоголь» (*исп.*).

23

«Где масло, пожалуйста?» (*исп.*)

24

«Что это?»

25

«Да! Что такое масло?»

«Спасибо за внимание» (*исп.*).

27

Джон Пойндекстер (род. 1936) – военно-морской офицер Министерства обороны США. Советник по национальной безопасности при Рональде Рейгане.

28

Кантина – бар и продовольственный магазин в одном помещении.

29

Чистая вода (*исп.*).

Здесь дорога закрыта (*исп.*).

31

«Где лучше всего переправиться на другую сторону? Мне и двум моим друзьям нужно в Ла-Тиклу. Как ездят грузовики?» (*исп.*)

32

«Ваша машина слишком мала. У него ничего не получится. Но если вы хотите увидеть, где переезжают реку грузовики, поверните здесь налево и посмотрите сами» (*исп.*).

33

«Шторм сделает сегодня дорогу непроходимой. Вы застрянете в грязи, едва выедете из деревни» (*исп.*).

34

«Пожалуйста, оставайтесь. У меня есть сарай, где вы будете в безопасности сегодня вечером» (*исп.*).

35

«Нам пора ехать!» (*исп.*)

36

Не подходите! Он очень опасен! Надеюсь, тут только один!» (*исп.*)

37

«Банановый паук. Родом из Бразилии. Они убивают много людей» (исп.).

38

«Теперь здесь безопасно. Спите спокойно, друзья мои» (*исп.*).

39

В оригинале игра слов lunched («запускает») и launched («обедает»). (*Прим. пер.*)

40

«Мой друг – мудак. Он говорит, что у нас нет для вас места» (*исп.*).

41

«Ваш друг собирает ваши вещи на пляже» (*исп.*).

42

Что? Помедленнее, пожалуйста (*исп.*).

«Не понимаю, друг мой» (*исп.*).

«Простите меня» (*исп.*).

«Пятнадцать песо за каждый, пожалуйста» (*исп.*).

«Да! Свиное мясо» (*исп.*).

47

«Они немного старые, но я уверен, что с ними все в порядке» (*исп.*).

48

«Да! Я ел такой пару дней назад. Мне очень понравилось!» (*исп.*)

«В чем твоя проблема?» (*исп.*)

«Вот дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!!!» (*исп.*)

51

«Заткнись, придурок!» (*исп.*)

«Мы горим!» (*исп.*)

«Простите. Простите. Там очень холодно» (*исп.*).

54

Партия Доннера (партия Доннера – Рида) – группа американских первопроходцев, возглавляемая Джорджем Доннером и Джеймсом Ридом, которая отправилась в Калифорнию в мае 1846 года. Из-за серии неудач и ошибок группа задержалась в пути и провела зиму 1846/47 года в горах Сьерра-Невада. Чтобы выжить, некоторым членам группы пришлось прибегнуть к каннибализму.

«Куда направляетесь?» (*исп.*)

«Тебе нравится Роза?» (*исп.*)

«Пол, Роза готова к замужеству» (*исп.*).

58

«Пол, мечта Розы – жить в Америке. У меня есть деньги, чтобы дать ей с собой» (*исп.*).

Соединенные Штаты (*исп.*).

Ти-Джей (T.J.) – сленговое название Тихуаны.

«Все в порядке, Умберто?» – «Без проблем» (*исп.*).

«Смотри. Курят травку» (*исп.*).

«Это очень опасно». – «Да, очень опасно». (*исп.*)

«Смотри! Я не мог притормозить» (*исп.*).

65

«Вот он, мой друг. Никто его не трогал. Мы сохранили его для тебя, как и обещали» (*исп.*).

«Мой друг интересуется, сколько он вам должен» (*исп.*).

67

«Мы сделали это не для того, чтобы получить деньги; мы помогли вам, потому что это было правильно. Хотя, если честно, меня начинает одолевать жажда. Мы бы не отказались от пива» (*исп.*).

68

Мировая серия (*англ.* World Series) – решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола, право играть в которой сейчас имеют лучшие команды Американской и Национальной лиг.

69

В оригинале – Saturday Net Fever. Созвучно с названием знаменитого фильма Saturday Night Fever («Лихорадка субботнего вечера»).

70

Один из основных мексиканских наркокартелей, со штаб-квартирой в штате Мичоакан, действовавший в 2006–2011 годах.

71

Мексиканская преступная организация, созданная людьми, ранее входившими в картель Ла Фамилиа. Образовался в 2011 году.